

К1282160

ПИТИРИМ СОРОКИН

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ
ЭТЮДЫ

ПИТИРИМ СОРОКИН

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ЭТЮДЫ

(Сборник этнографических статей П.А.Сорокина)

Сыктывкар
Коми книжное издательство, 1999

К 1282160

63.5 (~~2Рос. Ком~~)
С65

Сорокин П. А.

С65 Этнографические этюды: статьи. — Сыктывкар:
Коми книжное издательство, 1999. — 128 с.

ISBN 5-7555-0649-3

В книгу включены этнографические статьи выдающегося российско – американского социолога Питирима Александровича Сорокина, посвященные традиционной духовной и материальной культуре коми.

63.5 (2Рос. Ком)

С $\frac{0303010000 — 032}{M128 (03) — 99}$ 20 — 99 м

ISBN 5-7555-0649-3

© Сорокин П. А., 1999

© Несанелис Д. А., Семенов В. А., составление,
предисловие, комментарии, 1999

© Коми книжное издательство, 1999

Питирим Александрович Сорокин, 1917 год.

ДОЛГИЙ ПУТЬ ПИТИРИМА СОРОКИНА

Судьба Питирима Сорокина необычна. Если воспользоваться терминами, употребляемыми при изучении мифопоэтических представлений, в известной степени привлекавших и внимание Сорокина, то его путь от коми села Турья до Гарвардского университета, где им был создан факультет социологии, может быть с некоторой долей условности назван путем "культурного героя", движение которого от периферии к центру связано с освоением все возрастающих интеллектуальных ценностей, завершившееся созданием глобальных концепций общественного развития. Не исключено, что сходное осмысление биографии Сорокина могло способствовать восприятию судьбы ученого в контексте представлений об "обществе равных возможностей", приближение к

Воскресенская церковь в с. Турья, где 24 января 1889 г. крестили Питирима Сорокина.

Богоявленская церковь в с. Ляли (1856) и Храм Рождества Пресвятой Богородицы в с. Онежье (1856). В 1900 — 1901 г. Питирим Сорокин со старшим братом Василием занимался ремонтом этих церковных зданий и реставрацией храмовой утвари.

которому считается важным социальным завоеванием американской демократии.

Питирим Александрович Сорокин родился 23 января 1889 года в старинном вымском селе Турья, одном из исторических центров собирания коми земли. Питирим был вторым сыном Александра Прокопьевича Сорокина и его жены Пелагеи Васильевны (в девичестве Мининой.) Ребенка крестили 24 января в турьинской Воскресенской церкви. Его нарекли по имени одного из пермских святителей, епископа Питирима, память которого Русская Православная церковь празднует 29 января (по старому стилю.)

Еще в раннем детстве Питирим Сорокин лишился матери, а отношения с отцом, вплоть до полного разрыва, произошедшего, когда мальчику было всего десять лет, были отнюдь не простыми. Фактически, родителями для осиротевшего Питирима и его братьев Василия и Прокопия стали их тетка по материнской линии Анисья и ее муж Василий Римских, крестьяне маленькой деревушки Римья. В автобиографическом романе "Долгий путь", написанном на склоне лет, Сорокин так вспоминал о Василии Римских: "Дядя ... большую часть осени и зимы проводил вне дома в дремучих лесах... Он считал себя частью этого огромного царства, населенного не только обычными, но и фантастическими существами, вроде хозяина лесов — лешего и множества разных небесных, болотных, озерных и других духов. Для него эти существа были почти так же реальны, как и обычная лесная живность... Будучи прирожденным поэтом в душе, он любил таинственное лесное царство и восхищался его загадочной красотой. В Римье и окружающих деревнях его звали "туном" — колдуном". [1]

Впечатления детства, полученные Питиримом Сорокиным в ходе общения с дядей, несомненно, существенно повлияли как на круг его научных интересов, так и в целом на формирование мировидения будущего ученого.

Долгий путь Питирима Сорокина к знаниям начался в селе Палевицы, где он весной 1901 года окончил церковно-приходскую школу.

Летом 1901 года Питирим вместе со своим старшим братом Василием оказался в вычегодском селе Гам, где они, очевидно, занимались ремонтом храма и реставрацией церковной утвари. Эти навыки они унаследовали от отца — уроженца Великого Устюга Александра Сорокина — "золотых, серебряных и чеканных дел мастера". Приход братьев в село совпал с откры-

тием там второклассной школы. Питирим блестяще справился с экзаменами и был зачислен в школу, которую закончил в 1904 году. П.П.Кротов и А.В.Липский, авторы одной из лучших работ о биографии ученого, пишут о его школьных годах: "Положенная ему стипендия составляла 5 руб. в год — деньги несравнимые даже с хрестоматийно-нищенским бюджетом Михайлы Ломоносова. Сорокин выдержал два года полутолодной жизни в школе только благодаря поддержке Анисьи Римских, снабжавшей его сухарями". [2] (Уместно заметить, что деревянное здание школы, где учился Питирим Сорокин, сохранилось до наших дней. Сейчас в нем располагается Дом культуры, на стене которого укреплена мемориальная доска в честь выдающегося ученого.)

Питирим закончил Гамскую школу с отличными результатами и благодаря рекомендации священника А.Н.Образцова, одного из своих преподавателей, отправился за казенные средства продолжать образование в село Хреново Костромской губернии, где находилась церковно-учительская школа. Как полагают П.П.Кротов и А.В.Липский, выбор именно хреновской школы был далеко не случайным. Она — "одна из очень немногих — обеспечивала по окончании возможность продолжения именно светского образования, то есть поступление в гимназию и затем в институт". [3]

Обучение в хреновской школе принесло Сорокину и увлечение политикой, позже едва не стоившее ему жизни. В 1905 году Питирим вступает в организацию социалистов-революционеров и становится эсеровским агитатором. Очевидно, его деятельность в этой области была весьма активной. Во всяком случае, в декабре 1906 года он был арестован и четыре месяца провел в тюрьме г. Кинешма. Впрочем, и это время Питирим Сорокин сумел использовать с большой для себя пользой. Именно в тюрьме, согласно его воспоминаниям, Сорокин приступил к серьезному изучению трудов теоретиков социализма и анархизма, книг Дарвина, Спенсера, Льва Толстого. Этот штрих, конечно, существенен не только для понимания биографии ученого...

В 1907 году Питирим Сорокин оказался в Петербурге. Там он встретился с выдающимся этнологом, литератором и философом Каллистратом Фалалеевичем Жаковым, в то время профессором Психоневрологического института. В "Долгом пути" Сорокин вспоминал о Жакове и его жене с большой теплотой и благодарностью.

Система образования в России до 1917 года была такова,

что в университет мог поступить только выпускник классической гимназии. Именно благодаря К.Ф.Жакову Сорокину удалось стать слушателем Черняевских курсов, занятия на которых позволили ему подготовиться к гимназическим экзаменам. Сорокин блестяще сдал их экстерном в великоустюжской мужской гимназии в феврале 1909 года. (В Великом Устюге жила сестра его отца Анна с мужем Михаилом Дранковским. В их доме и останавливался Питирим Сорокин.)

Вернувшись в том же году в Петербург, Питирим Сорокин поступил в Психоневрологический институт, которым руководил знаменитый академик В.М.Бехтерев, а еще через год перевелся на юридический факультет Петербургского университета. На юридическом факультете Сорокин обучался с 1910 по 1914 год. Среди преподавателей факультета, в той или иной мере повлиявших на формирование научных интересов, гипотез и концепций Сорокина, следует упомянуть выдающегося социолога М.М.Ковалевского, юриста Л.Петражицкого, одного из крупнейших экономистов своего времени М.Н.Туган-Барановского, замечательного историка М.Н.Ростовцева, философа Н.О.Лосского. Вспоминая об этих людях в "Долгом пути", Сорокин писал: "Эти выдающиеся профессора не требовали, чтобы мы сильно принимали на веру их теории — именно этим они и отличались от ученых среднего уровня. Напротив, мэтры скорее даже поощряли обоснованное критическое отношение к их точке зрения и всей душой приветствовали проявление творческой оригинальности у студентов". [4]

Творческая атмосфера (достойная, заметим, подражания в современных условиях), царившая на факультете, способствовала активной научной работе студентов, в том числе (впрочем, может быть — прежде всего) и Питирима Сорокина. Первым опубликованным сочинением Сорокина стал очерк "Рыт-пукалём. Рассказ из жизни северной деревни" [5], повествующий о традиционных посиделках в коми деревне. За автором очерка угадывается, пожалуй, еще не столько будущий всемирно известный социолог, сколько вдохновенный певец сельской идиллии. Не случайно, видимо, М.М.Ковалевский полушутливо представлял Сорокина своим друзьям и коллегам как "молодого Жан-Жака Руссо". [6]

Руссоистские нотки отчетливо звучат и в следующем очерке Питирима Сорокина "Пестрое кружево", опубликованном в газете "Вологодский листок" в 1911 году. Пожалуй, наибольший интерес в этих путевых заметках представляет описание Великого Устюга, родины отца ученого, города, в который

Питирим Сорокин "возвращался ... в переломные моменты жизни". [7]

За газетными очерками следовали статьи, рецензии и брошюры по юриспруденции, литературоведению, психологии. В целом за годы обучения П.А.Сорокиным было написано и опубликовано около пятидесяти научных трудов. Среди них и солидная монография "Преступление и кара, подвиг и награда", весьма благожелательно встреченная авторитетными петербургскими профессорами.

Будучи студентом, П.А.Сорокин написал несколько содержательных статей по этнографии коми. [8] В них излагались и обсуждались разнообразные сведения о древних верованиях, обычаях, этикете, семейно-брачных отношениях у коми. Не все выводы, сформулированные в этих работах, согласуются с современной этнологической интерпретацией проблем, привлекавших внимание Сорокина. В качестве примера, иллюстрирующего эту мысль, можно указать на разыскания Сорокина, касающиеся посиделок сельской молодежи. В обширной статье "К вопросу об эволюции семьи и брака у зырян" П.А.Сорокин изложил свои наблюдения, сделанные в Мординской волости: "каждый вечер местная молодежь собирается около какого-нибудь дома, а большей частью около дома и в доме одной "веселой вдовушки" на посиделки ("рыт".) Поиграв, попев, побалагурив, ночью они расходились большей частью парами и удалялись куда-нибудь или к огороду". В других местах, говорится далее, молодежь любит собираться около "магазеи", расположенной за чертой деревни. "Прямо там же ложились пары, некоторые отходили дальше". [9] Примечательно, что и в "Программе по изучению коми края", составленной Сорокиным и изданной в 1918 году в Яренске, содержится целый ряд вопросов, нацеленных на получение информации о добрачных половых связях и многоженстве. Приведем лишь два из них: " Нет ли посиделок или койташей? И не кончаются ли они половым сближением или просто укладыванием спать парочками?", "Нет ли вообще преданий, говорящих о свободе половых отношений в древности, о многоженстве?" [10]

На основании анализа подобных и близких им наблюдений, а также фактов, наличие которых предполагает несколько прямолинейные вопросы "Программы ...", Сорокин, вслед за эволюционистами XIX в., пришел к выводу о том, что молодежные посиделки и некоторые фрагменты свадебного цикла являются пережитками древнего "группового брака". С

этим архаичным явлением исследователь прямо связывал добрачную свободу половых отношений коми молодежи, казавшуюся ему очень значительной.

Вряд ли, конечно, будет оправданным полностью отрицать достоверность подобных сведений. Вместе с тем следует иметь в виду, что если "свобода" добрачных отношений в том виде, в котором она описана Сорокиным, действительно имела место, то это отнюдь не свидетельствует о снисходительности общественного мнения. Скорее, наоборот. В замкнутом сельском мире предпочтительные брачные пары определялись довольно рано. Об этом прямо свидетельствуют данные Г.А.Старцева, касающиеся праздничных посиделок, приуроченных к Михайлову дню (8 ноября ст.ст.) "Под вечер Михайлова дня дети в возрасте от 7 до 12 лет с участием родителей устраивают складчину. Мужская половина дарит вино, женская — пиво, блины, шанежки и прочие закуски. После угощения мальчики и девочки становятся в круг и под пение взрослых скачут и кружатся по комнате. Затем они садятся на колени своих родителей, поют специальную песню..." Под исполнение песни мальчик подходил к девочке и брал ее под руку. Они выходили на середину комнаты и кланялись собравшимся. Песня поется для каждой пары особо. Обычай же состоит именно в том, что каждый мальчик и каждая девочка на этом вечере выбирает себе пару на один год. Он и она должны помнить друг о друге. На следующий год в этот же день "дерево" (под деревом имелись в виду мальчик и девочка — Д.Н., В.С.) может встретиться и другое, но это бывает не часто... Этот обычай настолько импонирует на умственный склад детей, что многие из них, будучи взрослыми, помнили свое "дерево" и вступали в официальный брак". [11]

С этим описанием явно перекликаются данные Н.И.Дукарт о молодежных посиделках, проходивших в канун Васильева дня (1 января старого стиля.) Их кульминационный момент заключался в игре "вогöгöрся бöрьём" (выбор на год.) Ее сопровождала песня "ты впусти в город"..., причем ее исполняли не только девушки, но и присутствующие на вечере женщины-зрительницы. Под пение песни каждый из присутствующих парней подходил к приглянувшейся ему девушке, с поклоном выводил ее на середину избы и, поцеловав, усаживал на колени. За своей избранницей парень должен был ухаживать в течение года. Нередко такой выбор впоследствии завершался заключением брака". [12]

Это описание явно перекликается с изложенными наблюдениями Г.А.Старцева. На праздничной вечеринке, происходившей на Михайлов день, дети выбирают пару в присутствии родителей. В ходе годоводных посиделок юноши свидетельствовали симпатии пригласившимся им девушкам в присутствии молодых замужних женщин, олицетворявших общественное мнение, "цензуру коллектива". Сопоставление данных, приводимых Г.А.Старцевым и Н.И.Дукарт, позволяет полагать, что во многих случаях выбор "дерева" на Михайлов день совпадал с выбором "дерева", происходившим под Новый год. Совпадение названий двух обычаев представляется весьма выразительным.

Можно таким образом полагать, что упоминавшаяся П.А.Сорокиным "добрачная свобода" как бы санкционировалась общественным мнением. Она выступала в качестве своеобразного гаранта выполнения молодежью своих добрачных обязательств. С этими идеями вполне согласуются наблюдения известного исследователя этнографии коми В.П.Налимова, проницательно описавшего целый комплекс ограничений и запретов, регулировавших взаимоотношения полов, в том числе и в рамках семьи.

Важным аргументом в пользу сформулированных выводов является и современная этнологическая теория, согласно которой для обществ, различные сферы функционирования которых обусловлены двоичными символическими классификациями типа "мужской-женский", "правый-левый", характеризуется характерным комплекс обязательных или предпочтительных брачных правил. [13] Значение таких классификаций для традиционной культуры коми надежно выявлено в обрядах жизненного цикла, семантике деревенского пространства, традиционных представлениях, восходящих к архаичным космогоническим мифам. [14]

В контексте обсуждаемых идей описанные Сорокиным варианты посиделок могут рассматриваться не в качестве реликтов "группового брака", как склонен был считать он сам, но как составные части социального механизма, обеспечивавшего стабильность формирования брачных пар и жизнедеятельность коллектива в целом.

Излагаемые полемические соображения, однако, отнюдь не умаляют несомненных достоинств ранних этнографических работ П.А.Сорокина. И в статье "К вопросу об эволюции семьи и брака у зырян", и в "Пережитках анимизма у зырян" он рассматривал мифологические представления древних

коми и их реликты, нормы семейно-брачных отношений у зырян и формы их социальных институтов в широком, всемирно-историческом контексте развития человечества. Стремление к интегральности стало позже определяющим и для его социологических исследований.

Наиболее значительным этнографическим исследованием П.А.Сорокина является статья "Современные зыряне". [15] Определение этнических границ расселения коми, основные хозяйственные занятия, включая промыслы, архитектура и планировка крестьянского жилища, семейная и календарная обрядность — вот далеко не полный круг вопросов, обсуждавшихся в этой работе. Обширность этнографических данных и проницательность идей, изложенных в статье, позволяют считать ее одним из лучших исследований своего времени.

Последняя, собственно этнографическая статья П.А.Сорокина "К вопросу о первобытных религиозных верованиях зырян" была опубликована в 1918 году. Сопоставляя ее со статьями, посвященной анимизму, можно проследить эволюцию взглядов исследователя на проблему первобытной религии и ее пережитков. Основная идея этой работы в том, что исторически первой формой религии является тотемизм, реликты которого, по мнению Сорокина, сохранились в мировоззрении коми вплоть до начала XX века. В связи с этим уместно упомянуть о том, что в начале нашего столетия на страницах немецкого католического журнала "Антропос" развернулась оживленная полемика по вопросам тотемизма, в которой приняли участие многие видные ученые того времени. Сорокин испытал влияние концепции одного из них — Эмиля Дюркгейма. Питирим Сорокин, также как и Дюркгейм, вкладывал в термин "тотемизм" содержание, отличное от того, которое утвердилось в этнографии вслед за Д.Мак-Ленноном. Стержень тотемизма виделся Сорокину в разделении явлений, предметов, частей пространства на "сакральные" и "профаные". Кратко коснувшись вопроса о генезисе тотемизма, Сорокин высказал идею о том, что без учета такого разграничения невозможно объяснить содержание мифологических представлений различных народов, в том числе и коми. [16]

Излагаемые ученым наблюдения, частично заимствованные у В.П.Налимова, и те выводы, которые он делал на их основе, позволяют предполагать, что этнографические поиски Сорокина конца десятих годов находились в русле тех исследований, которые позже привели к установлению роли

двоичного принципа в культуре обществ с дуальной социальной организацией, нашедшего наиболее последовательное обоснование в структурной антропологии К.Леви-Стросса. Вместе с тем, тотемистическая гипотеза в том виде, в котором она изложена Сорокиным, отличается некоторой схематичностью. Это проявляется, прежде всего, в том, что в тотемизме, по мнению Сорокина, разграничение "сакрального" и "профанного" было необычайно жестким и последовательным. Это исключало возможность их сближения, а тем более инверсии. Такая категоричность вряд ли может быть признана оправданной в свете теории карнавала М.М.Бахтина и близких ей идей, получивших распространение в отечественной этнографии и этносемиотике.

Примечательно, что формирование социологических идей П.А.Сорокина происходило на фоне неослабевающего интереса к этнографии. В этой связи достаточно упомянуть о письме П.А.Сорокина к А.С.Лаппо-Данилевскому, относящемуся к 1917 году. В нем отмечается, что в планы "Русского социологического общества имени М.М.Ковалевского" входит организация докладов "по основным социологическим проблемам и наравне с ними доклады по вопросам специальных наук, имеющих социологический интерес (кувада, собственность, рукобитие)". [17] Судя по перечисленным в скобках обычаям, под "специальными науками" подразумевалась, прежде всего, этнография.

Работая в 1916 году над мемуарами о своем учителе, выдающемся русском социологе М.М.Ковалевском, П.А.Сорокин писал о том, как они обсуждали "данные Фрезера, Дюркгейма,... Вестермарка и Леви-Брюля". Сорокин ссылаясь на авторитетных этнографов в связи с дискуссией о книге Ковалевского "Современный обычай и древний закон". [18]

Студенческая жизнь Сорокина отнюдь не ограничивалась научными исследованиями. "Еще более активно, — подчеркивалось в "Долгом пути", — я участвовал в политической жизни страны". [19] Продолжая отстаивать эсеровскую идеологию, П.А.Сорокин развивал ее основные положения в статьях и выступлениях, не всегда имевших легальный характер. Это приводило к обострению отношений с полицией. В 1913 году Сорокин был арестован и некоторое время провел в "предварилровке", откуда был выпущен "под нажимом М.М.Ковалевского и других влиятельных ... депутатов Государственной Думы и членов Государственного Совета". [20]

В 1914 году П.А.Сорокин окончил университет с дипломом I степени и был оставлен при кафедре уголовного права и судопроизводства для подготовки к профессорскому званию. [21]

В 1916 году Сорокин становится приват-доцентом Петроградского университета. В последующие шесть лет он защитил магистерскую диссертацию, опубликовал двухтомный труд "Система социологии" и другие крупные работы, активно занимался политической деятельностью, едва не закончившейся его расстрелом большевиками. В 1922 году Сорокина с другими выдающимися учеными и философами выдворили из Советской России по указанию Ленина. Высланный из России П.А.Сорокин оказался в Германии, позже в Чехии, а через год перебрался в Соединенные Штаты, где сумел обрести вторую Родину. Свою жизнь в Америке ученый подробно и увлекательно описал в "Долгом пути", поэтому в данном случае уместно сделать лишь несколько штрихов, имеющих отношение к американскому периоду его жизни.

Вскоре после приезда в США, П.А.Сорокин выступил с циклом лекций по социологии русской революции. Сформулированная им трехчленная схема описания революционного процесса, отчасти напоминающая фрейдовское истолкование генезиса тотемизма, выглядит так: на первом этапе осуществляется динамичный (социальный, интеллектуальный, эмоциональный) протест против власти, приводящий к ее низложению; на втором этапе — перестройка социальной структуры, сопровождаемая кровопролитием, насилием и террором; на третьем этапе люди, уставшие от потрясений, ищут порядка и стабильности, в результате чего происходит восстановление, хотя и в новом качестве, социальной структуры и связанных с ней установлений. [22]

В середине 20-х годов Сорокин, под влиянием свежих впечатлений, уделял особое внимание выявлению механизмов, определяющих социальное и психологическое содержание второго этапа. Не случайно историк американской социологии, профессор Н.Дж.Смелзер подчеркивал, что теории, "выделившие темы неравенства, господства и принуждения, вошли в американскую социологию благодаря трудам П.А.Сорокина". [23] Вряд ли, по-видимому, будет ошибочным предположение о том, что феномен интереса к сорокинскому научному наследию в современной России объясняется, хотя бы отчасти, отмеченными Смелзером факторами.

С 1923 по 1930 год Сорокин преподает в различных университетах Соединенных Штатов, а параллельно публикует несколько крупных работ. По словам И.А.Голосенко, "если бы он издал только работы 1924 – 1928 годов, он был бы признан крупнейшим социологическим авторитетом нашего века". [24]

Среди многочисленных работ, появившихся из-под пера П.А.Сорокина в более позднее время, особо выделяется фундаментальная четырехтомная монография "Социальная и культурная динамика", встреченная с огромным интересом во всем научном мире. Примечательно, что и сторонники, и оппоненты Сорокина признавали, "что по обилию самых смелых гипотез другой подобной книги в современной социологической литературе нет". [25]

В 1930 году в Гарвардском университете Сорокин организовал первый в США факультет социологии, деканом которого он оставался на протяжении двенадцати лет. В Гарварде Сорокин воспитал целую плеяду блестящих американских ученых. Свидетельством заслуг П.А.Сорокина стало его избрание в 1964 году президентом Американской социологической ассоциации. Достоинно особого внимания, что, находясь в Америке, П.А.Сорокин не забывал о родном крае и своих земляках. П.П.Кротов и А.В.Липский еще совсем недавно сумели найти в Риме людей, хорошо знавших тетку Питирима Сорокина Анисью и помнящих ее до сих пор. "Выяснилось, что Сорокин постоянно писал ей письма, присылал доллары и белую муку, из которой Анисья пекла "французские булочки", угощая односельчан... Одно из посланий Сорокина, по воспоминаниям односельчан Анисьи, начиналось так: "Я из простого деревенского парня стал ведущим ученым не только Европы, но и Америки". [26]

Воспоминаниям о Коми крае, проникнутым лирической грустью, посвящены первые главы "Долгого пути". Их содержание и интонация в чем-то перекликаются с ранней этнографической статьей Сорокина "Пережитки анимизма у зырян".

Можно предположить, что такое постоянство отчасти объясняет и художественные пристрастия Сорокина. Известный польский философ Анджей Валицкий, посетивший Сорокина в 1960 году на вилле близ Бостона, писал о нем позже: "Он жил в окружении произведений искусства всех времен и культур", но "особенно гордился картинами Кандинского". [27] Любопытно, что выдающийся художник-абстракционист Василий

Кандинский в конце прошлого века долго путешествовал по Коми краю и Русскому Северу. Эта поездка, завершившаяся, в частности, написанием специальной статьи по этнографии коми, сыграла, по словам самого художника, исключительно важную роль в становлении его эстетических принципов, испытавших влияние народного искусства. [28]

Не исключено, что ностальгическим настроениям, окрашившим воспоминания о Коми крае в "Долгом пути", в какой-то мере соответствовали украшавшие виллу Сорокина полотна Кандинского.

Очень возможно, что и в свои последние дни Питирим Сорокин мысленно возвращался в Коми край. Умер П.А.Сорокин 10 февраля 1968 года в возрасте 79 лет.

Имя Питирима Александровича Сорокина после его вынужденного отъезда из России не часто упоминалось в нашем Отечестве, а если и упоминалось — то преимущественно в отрицательном контексте. Ситуация кардинально изменилась за последние 7—8 лет. В 1989 году, в год 100-летия со дня рождения ученого, во многих научных центрах России, в том числе и в Сыктывкаре, состоялись многочисленные юбилейные конференции, посвященные социологическим теориям Сорокина. Сейчас российский читатель имеет возможность познакомиться с опубликованными письмами, заметками, статьями и монографиями ученого, посвященными разнообразным социологическим проблемам, а также с уже достаточно обширной литературой о биографии и научных разысканиях П.А.Сорокина. Можно надеяться, что благодаря данной книге все, кому небезразличны "судьба и труды" выдающегося ученого, смогут составить достаточно полное представление и о его этнографическом наследии.

Остается добавить, что название книги — "Этнографические этюды" — принадлежит составителям. При подготовке текстов к печати сохранены написания терминов и названий, которыми пользовался Сорокин. (Исключение составляют предполагаемые опечатки.) Вместе с тем, из статей, помещенных в сборник, устранены некоторые авторские примечания, малосущественные для понимания публикуемых работ современным читателем.

Составители считают приятным долгом выразить искреннюю признательность С.В.Третьяковой, без деятельной помощи которой подготовка к изданию этой книги была бы невозможна.

Д.А.Несанелис, В.А.Семенов.

1. Сорокин П.А. Долгий путь. — Сыктывкар, 1991. — С.19.
2. Кротов П.П., Липский А.В. Пути-дороги "большого человека"// Родники Пармы. — Сыктывкар, 1990. — С.57—58.
3. Там же. — С.59.
4. Сорокин П.А. Долгий путь.— С.59.
5. Сорокин П.А. Рыт-пукалом. Рассказ из жизни Северной губернии// Архангельские губернские ведомости. 1910.— № 203.
6. Сорокин П.А. Долгий путь. — С.62.
7. Панов А.С. Великий Устюг в жизни и творчестве Питирима Сорокина // Бысть на Устюзе. Вологда, 1993.— С.110.
8. Обзор этих статей смотрите в работе: Несанелис Д.А., Семенов В.А. Традиционная этнография коми в трудах П.А.Сорокина// Рубеж, 1991. — Вып.1. — С.47—56.
9. Сорокин П.А. К вопросу об эволюции семьи и брака у зырян/ / Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. 1911.— № 5. — С.358.
10. Программа по изучению зырянского края. Яренск, 1918.— С.4—5.
11. Старцев Г.А. Зыряне. Этнографический очерк// Центральный государственный архив Республики Коми. — Ф.710. Оп.1. Д.4—Л.43.
12. Дукарт Н.И. Святочная обрядность коми конца XIX — начала XX вв.// Традиционная культура и быт народа коми. — Сыктывкар, 1978. — С.94. (Труды Института языка, литературы и истории Коми филиала АН СССР, вып.20.)
13. См. Иванов В.В. Проблемы этносемиотики// Этнографическое изучение знаковых средств культуры. Л., 1989. — С.39.
14. См. подробнее: Несанелис Д.А. Раскачаем мы ходкую качель. (Традиционные формы досуга сельского населения Коми края. Вторая половина XIX — первая треть XX вв.) — Сыктывкар, 1994. — С.47.
15. См. Сорокин П.А. Современные зыряне// Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. — 1911.— №№ 18, 22, 23, 24.
16. См. Сорокин П.А. К вопросу о первобытных религиозных верованиях зырян// Известия Вологодского общества изучения Северного края. — 1917. — Вып.IV. — С.48—55.
17. Сорокин П.А. Русское социологическое общество имени М.М.Ковалевского// Социологические исследования. 1989. — № 2. — С.125.
18. Сорокин П.А. Духовный облик М.М.Ковалевского как мыслителя// Социологические исследования. 1989.— № 3. — С.108.
19. Сорокин П.А. Долгий путь. — С.62.
20. Там же. — С.67—68.
21. Кротов П.П., Липский А.В. Указ. соч. — С.62.
22. См. Голосенко И.А. Питирим Сорокин: судьба и труды. — Сыктывкар, 1991. — С.169—170.
23. Слезлер Н.Дж. Социология: влияние извне// Социологические исследования. 1990. — № 4. — С.88.
24. Голосенко И.А. Указ. соч. — С.170.
25. Там же. — С.208.
26. Кротов П.П., Липский А.В. Указ. соч. — С.65.
27. Валицкий А. Россия// Вопросы философии. — 1990.— № 12. — С.79.
28. См. Бычков В.В. Духовное как эстетическое CREDO Василия Кандинского// Литературное обозрение. 1992. — № 3—4.

РЫТ-ПУКАЛОМ

Зима. Вечер. Холодно. Слышно издали, как скрипят полозья и хрустит под ногами снег. Небо светло-голубое. Тысячи звезд переливаются всеми цветами радуги. Месяц засыл от холода, бесшумно и безучастно озирает землю... Снег, снег и снег... Черной лентой на границе неба и земли вырисовывается лес... Темным пятном на искрящемся снеге выделяется забытая Богом деревушка...

Тихо... Изредка залает собака, десятки голосов подхватят лай, нарушат пелену молчания и смолкнут... Снова тихо...

В избе ярко горит лучина... Разноцветными пятнами вырисовывается лица и платья мужиков, баб и молодежи в тумане дыма лучины и махорки. Бабы и девки прядут и шьют. Парни дурят с девицами либо дуются в карты. Мужики степенно лежат на полатах или толкуют о своем житье-бытье. Песня, гармоника, споры, разговоры, дым, возня — все сливается в жизнерадостный концерт... Весело... Загорелась куделя у Лав-Маши... Забегали, засуетились... Загасили... Смех... У Макся-Анны пропало веретено... Нет, да и только. Ищет, просит отдать... Всё хохочут... Оно оказывается за поясом...

"Бубин туз!" — кричит Дорош-Паш, прихлопывая картой карту своего партнера...

— "Эх, ты жизнь моя!

Ясно солнышко.

Светлый ясный день.

Темна ноченька!", — распевает северный Чайбайабос Сашка Вась, подыгрывая на "тальянке".

"Кукурекку!" — неожиданно раздается в избе... Это Онъ-Як выворотил шубу наизнанку, засунул ноги в рукава, накрылся ей, приделал с помощью каюки и изображает Шантаклера...

Снова смех...

А маленький Степ-Педь, ухватившись за края полатей, выделяет всевозможные гимнастические фокусы...

"Ах, о чем же ты, красна девица,
Востосковалася, разрыдалася?
И о чем ты льешь слезы чистыя

Ясны глазоньки утираючи?" — поют девушки. Аккорды, тягучие, как снежная равнина, грустные, как завывание вьюги, и гармоничные, как шелест сосен, всколыхивают дым, наполняют избу и уносятся в чистую морозную даль.

"Злато, серебро, платья цветныя
Уж давно тебе приготовлены...
Так о чем же ты, ясно солнышко,
Пригорюнилось, разрыдалось?... " — подхватывают новые голоса.

Звуки льются мелодичные, грустные и участливо-вопросающие.

— "Что мне золото, платья цветныя,
Не дадут они счастья, радости...
После месяца, на неделюшке,
Меня выдадут за немилого", — жалуется тоскующая, любящая душа...

— "Вот об этом-то и тоскуя, я
День и ночь не сплю, горемычная...
Не видать уж мне ясна солнышка,
Улетело прочь счастье милое", — объясняет свое горе коллективная душа несчастных, принужденных любить нелюбимых.

Песня заморозила всех... Шум смолк. Степ-Педь и тот перестал кувыраться на краю полатей, а спокойно лежит на полу, подперши голову руками.

— Ай да девицы, молодец! Хорошо поете!, — нарушает молчание Лав-Вась — лучший охотник и лучший сказочник в деревне. — Если бы я был Майбыром, то сделал бы вас всех царевнами, ходили бы вы по садику чудесному да ели бы яблочки наливные, попивали бы винцо венгерское, заедали бы пряниками заморскими. Да не Майбыр я, нет у меня яблочков, да отродясь и не едал их. Попросите вон у тетки Ониси ломоть хлеба, оно не хуже пряников-то заморских будет, а потом сходите к ушату и перемочите горло холодненькой водичкой. Винцо хорошее, и пей вволю!, — добродушно шутит он с девицами. Шум и смех слышатся в ответ.

— Дядь Вась, а дядь Вась, расскажи что-нибудь, — пристают девицы и парни.

— Стар я, миляги, стар стал. Грамоте не обучался, откуда

же мне знать. А что и знал, — то из ума вышло, — скромничает Вась.

Девицы и парни продолжают приставать...

— Ишь, все бы вам сказки да сказки, все бы царевичей да королевичей подавай, либо лесных да водяных, — шутит он с девицами. — Больно прытки! Не хотите ли Мишку хорошенького... А расскажи вам — сами же домой побойтесь уходить, небось с пареньком в сторонку от страха убежите... Ну, да ладно! Так и быть, побалакаю вам кой про что. Чур! Сидеть и слушать!..

Начинается литься речь плавная и спокойная, полная образов и вещей, представляющих соединение бытия с небытием.

— Удивительная штука раз со мной, миляги, приключилась... Шел я домой со свадьбы братана. Дело было ночью... Иду себе и попеваю, потому что был навеселе. Дошел благополучно до "Большой Сосны". Хотя и пьян был, а все же подумываю, не привиделось бы что... Сами знаете, больно уж лешие-то любят это место. Думал, думал, а потом вдруг и вспомнил, что на свадьбе шибко я поспорил с Сюзь-Мишем. Хвастался он: "Я, дескать, первый охотник, всех, дескать, за пояс заткну!". Вспомнил я это и начал ругаться. "Пять раз я выходил один на один с медведем. Каждую тропу в лесу знаю, все заговоры на птиц и зверей могу сказать... А ты кто, молокосос! Далеко тебе еще до Лав-Васи. Не только ты, сам леший не потягается со мной!" Иду это я так, чертыхаюсь. Вдруг как налетит на меня что-то, как подхватит меня за шиворот и закружилось, миляги, у меня в голове и в глазах зарыбило. И сосны, и дорога, и огороды все заплясали и запрыгали, как белка на ели... Очухался это я, смотрю, что за диво! Как настоящий коршун лечу в воздухе. Да еще как лечу-то! Ни одна галка, ни один ворон не мог бы поспеть за мной... Словно жерди частокола мелькают деревни и села... Боязно к тому же, голова кружится... Ну, носился, носился, долго ли, коротко ли, кто его знает. Только вдруг это просветлело у меня в голове. "А, да это ведь леший меня таскает. Погоди же, брат, сделаю я тебе штуку, живо отпустишь меня". Сунул руку в карман, вынул кисет, сгреб пригоршню махры, да как дуну ему в рожу, слышу, завыл и меня отпустил. Как камень лечу это я вниз. Ну, думаю, конец пришел, расшибусь вдребезги и шабаш... Хвать — ничего. Летел, летел, да и бухнулся в Вычегду. Смотрю, кой черт! Лежу я в канаве около "Большой Сосны", весь мокрый и грязный, словно поросенок... Вот, миляги, какие чудеса бывали с Лав-Васем!

— Ну, брат, ты это больше во сне летал, лежа в канаве, — скептически замечает Микит-Вань.

— Как бы не так... А куда ж бы тогда кисет делся? Чай он не воробей, один не улетел из кармана, — оправдывается рассказчик.

Дым колышется в избе. Лучина то ярко вспыхнет, то снова гаснет...

— А то, миляги, раз случилось со мной еще вот такая штука, — продолжает рассказчик. — Пришел я на охоту. Расставил силки, капканы — все как следует... Выхожу раз это из баньки, пошел обходом, не попал ли рябчик в силок али зверь какой в капкан, смотрю, одного капкана нет... По следам видно, что попал в него волк. Погнался я за ним, что есть мочи... Час бегу, другой бегу — нет зверя, да и только! А след кружит и кружит. Целый день гонялся — ни одного черта не нагнал. Плюнул, выругался и пошел ночевать в баньку. Сварил "пызярок", поужинал и лег спать. Только это стал засыпать, чую, собака моя лает... Кой черт, думаю, тут бродит. Только это подумал, слышу, подошел кто-то к избушке, приставил лыжи к стене и стучится... Вышел в сени и говорю:

— Кто, крещеный?

— Это я — говорит за дверью.

— Кто ты?

— Аль не узнаешь, твой знакомый. Отопри, друг, скорее, а то иззяб я...

А слыхал я, что часто приходит лесной к охотникам и не говорит имени. Нет, думаю, стой, отпирать нельзя.

— Да чего ж ты не отпираешь, не узнал что ли своего зятя, — сердится он.

Слышу, голос как будто и зятя. Но сумление меня взяло большое...

— Скажи, — говорю, — Господи Иисусе Христе, помилуй нас! — а сам крещу двери и себя...

Молчит... Стоял, стоял, ничего не говорит. Тут-то уж я и понял, что это за зять, и давай крестить все углы, отдушину и оконце... Окрестил все и лег. Испугался я, миляги... Да и как не испугаться, черт-то ведь не зять. Кто знает, что у него на уме-то. Может, хочет он из твоей спины ремни вырезать для подпояски своим лешачатам. Слышу, шуршит он за стенами. Подошел к углу, к отдушине, к окошку и что-то шуркает... Шуркал, шуркал, да как треснет, инда пот прошибло... Завыл

это как-то чудно и ушел, видно... А собака заливается так, словно ее десять волков давят. Вышел это я утром, смотрю, нет никаких следов, только словно волчьи лапы наследили по снегу... Пошел по следам, и впрямь волк-то с моим капканом недалеко от избенки лежит. Это его, должно быть, лешак-то и подослал. Ну, а мне-то что, кто бы ни подослал — все равно, взял да и убил... Так-то вот и натянул я нос лешаку-то!..

Народ хохочет.

— А и хитер же ты, Лав-Вась! — умиляется Сень-Вань...

Вошел Лав-Вась в азарт... "Постой-ко, миляги, расскажу я вам быль стародавнюю, не веселую быль, а страшенную; приключилась она уж давным-давно", — плавно и мерно начинает он снова.

— Не было тогда еще церквей и часовен... Верили наши прадеды еще по-старинному. Поклонялись они тогда многим богам, приносили им жертвы в кумирницах. А стояла кумирница в Шойна-ты, посреди лесов густых да большущих... Приносил те жертвы их священник — Пам... Вот нашло раз на деревню несчастье — нет ни белок, ни зверья в лесу... не родится трава на зеленых лугах, а хлеба-то все морозом заморозило. Стали деды наши беспокоиться... как избыть беду великую... И сказал им Пам — слуга богов:

— "Рассердились боги все на вас на всех и послали вам несчастье. А избыть его вы можете: принесите жертву Ену превеликому, не простую жертву, не обычную, а девицу чистую, невинную"...

Испугались тут наши прадеды, не послушались сначала слов жреца богов... Но беда все лютей да страшнее становилась... И решили жертву принести они... Настрогали палочек одной длины, по числу девиц деревни своей, а одну длиннее изготовили, кто ее возьмет, той и жертвой быть... Собирали всех к Шойна-ты, вынимали тут девицы все по палочке. И попала палочка несчастная молодой девице Югыд Шондіныв... Разрыдалась девица несчастная, востосковалась горемычная, жаль ей было с жизнью расставаться, света белого не видети...

Не хотелось ей расставаться навек со своим любимым Варышем... Но схватили тут ее за белы руки, и связали ее крепко-накрепко, положили на сосновый стол... Во кумирнице огонь горит... Шепчет Пам молитвы-заклинания. Вот поднял он руки к небу синему, заплясал вдруг неистово, зазвенели бубенцы на нем, закружился он волчком лихим, сам

кричит чудное и страшное... И схватил он вдруг большущий нож, поднял быстро и всадил его прямо в сердце Югыд Шонді-ныв. Как выуженная рыба-язь, задрожала Югыд Шонді-ныв, забилась, как голубь раненый, и застыла вдруг недвижимо... Отрубил Пам ей голову, вынул сердце ее, легкие, бросил их он тут в огонь святой, что горел в кумирне Шойна-ты... Не стерпело сердце Варыша, как варыш на птичку, бросился он на старого на Пама тут... Как ударит топором его, так и насмерть Пама уложил совсем. Тут все деды приужаснулись, как пошел он всех богов рубить... Взял он голову с костра того, поджег он шкурки жертвы им, запылала тут кумирня та... Но опомнились тут прадеды, все набросились на Варыша и убили его сразу же... Тело бросили в горяч огонь, и сгорело оно вместе со кумирницей... А потом собрали кости и все сбросали их во Шойна-ты; оттого до сих пор это озеро и зовется трупным озером... Вот, что было уж давным-давно, во старинку в стародавнюю!" — так же мерно кончает рассказчик.

Тихо... Воображение всех еще занято рассказом. Только лучина тихо шипит, да жужжат веретена... Через мгновение снова шум наполняет избу...

Снова льются песни, шутки и аккорды гармоника... Потом снова идет сказка...

А на улице синее небо обнимает землю и недвижно лежит снежная пелена...

Откуда-то несется лай собаки...

Жизнь — сказка!

ПЕРЕЖИТКИ АНИМИЗМА У ЗЫРЯН

"Анимизм характеризует племена, стоящие весьма низко на ступенях человечества, и поднимается отсюда без перерывов, но глубоко видоизмененный при переходе в среду высокой современной культуры. Анимизм (учение об одухотворенности всего мира) составляет основу философии как у дикарей, так и у цивилизованных народов. И хотя на первый взгляд он представляет как бы сухое и бедное определение *minimata* религии, мы найдем его на практике вполне достаточным, потому что где есть корни, там обыкновенно развиваются и ветви. Обыкновенно находят, что теория анимизма распадается на два главных догмата, составляющих части одного целого учения; первый из них обнимает душу отдельных существ, способную продолжать существование после смерти или уничтожения тела; другой обнимает собою остальных духов, поднимаясь до высоты могущественных богов", — писал Э.Тейлор еще в 1871 г. (Э.Тейлор, Первобытная культура, т. II стр. 8, 9 Петерб. 1897.) Теория анимизма, выдвинутая и блестяще обоснованная великими английскими учеными, в настоящее время в основных своих положениях общепринята и не подвергается никакому сомнению. Разноречивые поправки, предложенные новейшими исследователями, как например, Фрезером, Ленгом, Брингтоном, Джевансом и др., касаются только частных, а не самой основы анимизма.

Всякому исследователю религиозных верований зырян, пользующемуся "методом пережитков", выдвинутым тем же ученым, при самом неглубоком изучении становится ясно, что и зыряне не представляют исключения из группы тех народов, анимизм которых является фактором, научно установленным и проверенным.

Действительно, самые обычные обороты речи зырян ясно и определенно говорят, что анимизм некогда был (а отчасти остается и теперь) глубоко жизненным верованием зырян.

Так, говоря про живое дерево, траву, животное, человека и др., зырянин говорит: "ловъя пу" (дерево с душой), "ловъя турун" (травы с душой), "ловъя ош" (медведь с душой), "ловъя морт" (человек с душой.)

Таким образом, в живом животном, растении, также и в человеке, есть душа, и понятие жизни по верованию зырянина неразрывно связано с понятием души и наоборот —

отсутствие жизни, смерть равносильны отсутствию души; вот почему срубленное дерево, скошенная трава, мертвое животное, мертвый человек — одним словом, явления, в которых жизнь отсутствует — обозначаются зырянным, как факты отсутствия души. Он говорит про мертвые предметы: "ловтём турун" (трава без души), "ловтём мёс" (корова без души), "ловтём морт" (человек без души) и т.д.

Мало того, сам процесс умирания обозначается зырянным, как процесс оставления тела душой; так, говоря о процессе умирания человека, он определяет его словом "лов петём", что значит "исхождение, выход души".

Уже из одних этих данных видно, что анимизм был глубоко жизненным явлением у зырян, и приведенные данные, приписывающие душу одинаково человеку, животным и растениям, не позволяют в этом сомневаться.

Не только для древнего зыряннина, но и для современного "коми" (как и для многих других народов), живущего в веке пара и электричества, мир, если так можно выразиться, наполнен духами. Эти данные языка не только пустая форма, свидетельствующая о былых воззрениях; помимо этого, они представляют нечто живое, ибо приписывание миру души — явление вполне живое и в данный момент. Все нижеследующее будет подтверждением этого. Выше мы видели, что зырянин верил и верит, что во всех существах органического мира есть душа — "лов", "ловъя чери" (рыба с душой), "ловъя пожём" (сосна с душой) и т.д.

Современный язык зыряннина только для предметов неорганического мира и не употребляет подобных выражений, но некоторые факты заставляют положительно ответить и на этого рода явления.

В с. Шойнаты, Устьсысольского уезда, один старик рассказал мне факт такого рода. В старину, когда он еще был молод, он строил баню и для горна через двери бани втащил в нее большой камень. Теперь же, когда баню хотели перестроить, и для этого весь горн, а в частности данный камень, нужно было вытащить обратно, камень через двери не прошел. Причиной этого, по мнению старика, было то, что камень вырос.

Отсюда видно, что, по мнению старика, и неорганическому миру свойственен один из наиболее важных признаков организованной материи — рост, а так как выше было указано, что жизнь для зыряннина немыслима без души, то, ве-

роятно, некогда одушевление распространялось и на неорганический мир (см. ниже.)

На этой почве приписывания души всем предметам вырастают различные верования, различные культы, являющиеся как бы узорами, покрывающими основную ткань анимизма (*animus, anima* — дух, душа), часть из которых уже является только пережитком, часть же представляет еще вполне жизненное явление. Приведением наиболее важных "кружев" и займемся в дальнейшем.

"Лов", "орт" и их судьба после смерти

Начнем с представления души. "Лов" — душа, буквально значит "дыхание". "Лолалё", — говорят зыряне про дышащего человека, следовательно, душа представляется зырянам как дыхание, дуновение. Когда человек умирает, они верят, что душа выходит из тела как нечто воздушное, эфирное, прозрачное.

Являясь по своему существу дыханием, душа вместе с тем обозначает, как мы видели выше, и жизнь.

Полную аналогию с данным представлением души находим мы у ближайших сородичей зырян — вотяков и пермяков. И у них душа обозначается словом "лул" (зыр. "лов"), и смерть обозначается также словом "лул петон" (лов петом) — выход, уход души...

Сравнительное изучение религиозных верований различных народов показывает, что зыряне, пермяки и вотяки в данном пункте не представляют исключительного явления. Еврейское *nephesh*, греческое *psyche* и *pneuma*, санскритское *atmau* и *prana*, латинское *animus*, *anima*, *spiritus* и т.д. — имеют значение души, дыхания и жизни.

Почему именно душа равнозначна с дыханием — это, вероятно, связано с тем, что дыхание для первобытного человека лучший показатель жизни. Раз оно есть, человек жив; раз его нет, значит умер.

А так как смерть и болезнь, с точки зрения первобытного человека, а так же и зырянина (как мы увидим ниже), не есть естественные процессы организма, то эти явления (отсутствие дыхания — смерть) связываются с представлением ухода души — носителя жизни.

Итак, душа — это дыхание, дуновение, жизнь.

Но в дальнейшем анализ души осложняется тем, что по верованию зырян получается, как будто у человека не одна душа, а две... Этой второй душой является так называемый "орт"...

Сравнительная история религиозных верований знает много аналогичных примеров двойственности, тройственности и множественности душ (см. хотя бы Тейлора "Первоб. культ." т. II 14—17.) Но тем не менее, причины, вызвавшие подобные верования, до сих пор не ясны.

"Орт" занимал почти всех зырянских исследователей, но точного анализа его до сих пор нет.

Одни, как например Налимов (Загробный мир по вер. зырян. Этног. обозрение), считают его "духом-покровителем", но тут же говорят, что это "двойник человека", что "душа усопшего переселяется в "орт"а, что уже противоречит первому определению.

Другие, как например Красов, считают "орт" духом-божеством. Но тут же говорят, что "орт" — "гробовой дух или осужденная душа, скитающаяся в мире после разлучения с телом", а затем снова утверждают, что "орт" — единственный безвредный, даже добрый дух, не требующий никаких жертв ни видов служения. (Красов, Зыряне и св. Стефан Пермский, стр. 73—77.)

У третьих, как например у Лыткина, К. Попова, Штакельберга, мы находим еще некоторые разновидности в понимании "орт"а.

К. Ф. Жаков называет "орт" двойником, тенью человека.

"Когда человек умрет, "орт" еще продолжает жить. Отец рассказчика умер, но люди видели его сидящим на мосту в синем сукне, на двойнике видели ту же белую шляпу, тот же пестрый кушак, что он носил всегда". (Этног. очерк зырян, 17.)

Такого рода неясности, конечно, имеют свои основания. Очевидно, "орт" — продукт древнего религиозного творчества и в настоящее время он потерял уже полную определенность и самим населением понимается различно.

Трудность изучения увеличивается еще тем, что ни у во-тяков, ни у пермяков ничего аналогичного "орт"у до сих пор не указывается исследователями.

Нисколько не претендуя на исчерпывающий анализ "орт"а, ни на абсолютную верность, мы, однако, приведем некоторые соображения об "орт"е.

Сравнивая различные толкования "орт"а, мы видим во всех их некоторые аналогичные черты. Это двойник человека. Он имеет образ человека, хотя образ и не всегда видимый. Видимым он бывает большей частью в моменты, непосредственно предшествующие смерти или следующие за смертью. Появляется он для того, чтобы дать знать близким к умершему человеку родным и знакомым об его смерти или же предупредить и своего двойника о смерти. Чтобы обратить на себя внимание, он кидает с полки горшки, бросает те или иные предметы, и вообще производит какой-нибудь шум. Часто его видят делающим ту работу, которую делает его двойник. То он рубит дрова, то качает колыбель и т.д. Иногда же, оставаясь невидимым, он обращает на себя внимание иными способами. Так на Печоре в с. Мыелдино "орт" перед смертью каждого имеет обыкновение щипать и делать синяки жене кр. Степана Ивановича Бажукова. Если синяк станет желтеть — значит, кто-нибудь умрет. Причем, если синяк мал — умрет маленький, если большой — умрет взрослый. (Сообщения Ст.Ив. Бажукова.) Затем повсеместно распространено верование, что "орт" часто приходит к избушке, снимает лыжи и ходит. Они выйдут, а никого нет.

Если спустя некоторое время в избушку приходит какой-нибудь охотник, то значит перед этим приходил "орт" и охотник скоро умрет... Часто так же ночью "орт" является в виде простого светлого фосфорического тумана.

Указанные черты "орт"а единогласно констатируются всеми писавшими об "орт"е. Из него мы можем сделать следующие выводы: 1) "орт" — двойник, живущий автономно от человека и имеющийся у каждого индивида; 2) он то видим, и тогда принимает форму своего двойника, то невидим, и тогда обнаруживает свое появление различными способами; 3) в современных сказаниях нет указаний на то, чтобы "орт" после смерти переходил в какой-нибудь другой вид (животное или растение) ; 4) "орт" никогда не отождествляется с душой, с "лов": "лов" — одно, а "орт" — другое; 5) процесс смерти никогда не связывается с воззрением, что человек умер потому, что его тело оставил "орт": "орт" не внутри, а вне человека, в отличие от "лов"а, который находится внутри человека, в черепе по воззрению одних, в легких по воззрению других; 6) "орт" когда видим, то всегда имеет форму своего двойника. На основании всех этих признаков мы предполагаем, что "орт" — это двойник человека, живущий авто-

номно от него и не теряющий своего вида и после смерти человека. Это своего рода второе "я", живущее в невидимом мире и не перевоплощающееся в другой вид или образ.

Благодаря своей автономности оно отличается от "лов"а, которое, как сейчас увидим, после смерти как будто теряет свою "индивидуальность" (если так можно выразиться.) Судьбы "орт"а и "лов"а как до смерти, так и после нее различны. "Орт" остается неизменным, "лов" меняет свою форму и перевоплощается в другой вид.

Аналогичные явления мы видим и у других народов. Так, "малпаши говорят, что *saina*, или ум, исчезает при жизни, *aina*, или жизнь, превращается в воздух, *nomatoatoa*, или дух, носится над могилой. Туземцы острова Фиджи различают "темную душу" человека, или тень, которая спускается в Аид, и его "светлую душу", или отражение в воде, которое остается там, где он умирает. У кондов первая душа переходит в блаженное состояние и возвращается к божеству Буре; вторая остается при племени кондов на земле и возрождается из поколения в поколение; третья душа отправляется для духовного общения, и эта душа может переходить на время в тигра и в наказание испытывает различные кары после смерти; четвертая душа умирает вместе с распадением тела" (см. указ. соч. Тейлора, 16 стр..)

Здесь, для ясного понимания дальнейшего, мы должны заметить, что термин душа в нашем обычном понимании представляет второе духовное "я", носитель всех наших свойств. Этот термин имеет один и тот же корень с глаголом дышать и, вероятно, как и зырянское "лов", значит просто дыхание... Теперь же он изменил свое значение и благодаря этому мы думаем, что обозначение зырянского слова "лов" душой, и не обозначение тем же словом "орт"а зырянскими этнографами несколько неточно. Если же уже одно слово "лов" переводить душой (в современном значении слова), то с таким же правом необходимо называть душой и "орт", ибо и то и другое имеют общие свойства духовности, и поэтому мы методологически называем то и другое душой и говорим о двойственности душ у зырян, хотя эти души и различны между собой.

Дальнейшие соображения относительно будущей судьбы души несколько не предрешают вопроса, что под душой понимается только "лов". Возможно, что и "орт" также перевоплощается, но обыденный язык в настоящее время говорит о воплощениях "лов"а, а не "орт"а.

Итак, "орт" как будто остается на земле.

В таком случае, куда же девается его "лов"? умирает оно или нет? и если нет, то какие формы "лов" принимает?

Что касается вопроса о смерти души, то ответ на него можно дать бесспорный и отрицательный. Это единогласно подтверждается всеми исследователями. Но относительно форм ее "существования" ответить трудно...

Многолетнее существование христианской религии не осталось без влияния и стерло до известной степени определенность взглядов на этот счет.

Насколько трудно ответить, это видно из того, что исследователи вынуждены строить довольно курьезные гипотезы. Так, например, Налимов в цитированной статье говорит, что "усопшие после смерти переселяются на другую планету, где их жизнь мало отличается от земной. Новая планета даже несколько богаче флорой и фауной, чем земля." (Оттиск из Этн. Обзор. стр. 6, 7.)

Приведенное мнение уже потому несостоятельно, что большинству зырян и теперь неизвестна Коперниковская система и даже нет у них понятия о планетах, как о чем-то похожем на землю. Что же было в глубокой древности? Приведенная статья сама по себе заключает много ценных наблюдений, но в данном пункте автор несомненно грешит.

Чтобы ответить на поставленный вопрос, я приведу кой-какие факты, причем должен заранее оговориться, что тут как будто возможны два решения: 1) душа перевоплощается, 2) она не перевоплощается, души где-то живут, причем их жизнь является аналогичной действительной жизни.

У зырян есть сказание "Кага лоис рос" (ребенок стал метлой.) Оно, между прочим, почти без изменений приведено в книге К.Ф.Жакова "В хвойных лесах" ("Рось".)

В сказке говорится, как ребенок благодаря недоброму слову матери был подменен метлой. Метла была превращена в ребенка и этого ребенка-метлу мать качала в люльке двадцать лет, тогда как настоящий ребенок жил в это время невидимо в бане (по другим вариантам жил в другом виде) и только тогда, когда человек обещался жениться на ней (ребенок был девочкой) и повенчался, ребенок-метла благодаря троекратному удару по осиновому корыту, куда он был положен, превратился обратно в девушку.

Здесь, как и в нижеследующих примерах, характерна возможность перехода человека в иной вид и обратно (в метлу.)

При входе на гору Тол-поз-из, по рассказам печорских зырян, есть восемь каменных человеческих фигур. Они когда-то были людьми, но при переходе горы благодаря тому, что шумом рассердили бога Шуа, они превратились в камень.

В зырянских сказках, напечатанных К.Ф.Жаковым в "Живой старине", приведено такое сказание. Искатели руд нашли в горах фигуру ребенка из камня, меди и руды (по другим вариантам из осинового древа.) "Положили на полотно, на ноги ее поставили. "Нам, говорят, добро будет". Но утром этот ребенок исчез. Долго его искали, но не нашли, это был хозяин руд. Словно человек с руками и ногами".

В с. Палевицах (Яренск. уезд) Н.О.Торлопов рассказал мне следующее. Охотник охотился в лесу, но охота была неудачной. Вдруг увидел человеческую фигуру из осинового дерева. Охотник ругнулся. Тогда осиновый человек преобразился в настоящего человека и пошел за ним. Охотник испугался, пошел к лесной баньке и закрылся в ней, перекрестив дверь. До полночи грыз тот дверь, но не мог войти. Так повторялось три ночи. На третью ночь ему удалось проникнуть в избушку через дымник, который охотник забыл перекрестить, и охотник был убит...

В зырянском сказании Кört-Айка (Лебедев. Кört-Айка, Устьсыс. 1910) говорится, что Кört-Айка то превращался в медведя, то в громадные волны.

В с. Покче крестьянин Вас. Петр. Логинов рассказал такую сказку. (Привожу в сокращенном виде.) Мужик ловил в одном озере неводом рыбу, но рыба не попадала. Тогда он однажды пошел с острогой. Острога засела в щуке и та уплыла с ней. Долго ходил мужик по озеру и, наконец, увидел рослого высокого человека. Тот приказал ему идти за собой. Мужик пошел. Пришли к озеру. Проводник вошел в озеро. Мужик перекрестился и за ним. Пришли к большому дому. Вошли...

— У меня сын болеет, — сказал мужику проводник, — ты его вылечи.

— Как же я его вылечу, коли сам ничего не знаю.

— Ничего, ты вытащи у него острогу и он выздоровеет, а то она у нас жжет руки.

Сын оказался щукой. Мужик вытащил острогу и щука превратилась в человека, а потом мужик награжденный возвратился домой.

Красов приводит следующее сказание о происхождении зырян: "далеко отсюда на восходе солнца жили когда-то два брата: Эсьяс (эсь-баля, овца) и Эшьяс (ёш — бык.) У них в подданстве было много народу... и т.д."

В этой сказке говорится, что родоначальником зырян были эти два брата, овца и бык. (См.ук. кн. Красова стр. 8 — 10.)

Аналогичных сказаний среди зырян существует много. Из них видно, что возможно превращение палки, метлы, камня, осины, щуки и др. животных в человека и обратно.

Приведем факты другого вида.

Весьма характерным в данном отношении является воззрение зырян на некоторых животных.

Очень распространены и в настоящее время такие названия медведя, как "вöрса-морт" — лесной человек. Медведь, по представлениям зырян, обладает всеми качествами человека; ему приписываются часто человеческие чувства, способности и привычки.

Вот почему охота на медведя связана с различными торжественными приготовлениями и почти везде и теперь существует обычай, убив медведя, просить у него извинения.

К.Ф.Жаков приводит следующий характерный обряд "юм сибöдöм", совершаемый перед убийством медведя. Перед охотой на медведя в лесу охотники варят в котлах "юм" (сладкую кашу из ржаной муки.) Этот "юм" нарочно оставляют на улице, перед "чом" (избушкой), чтобы медведь съел его, иначе охота невозможна. На другой день, увидавши, что котел пуст, охотник молчит, никому не рассказывает о случившемся, иначе охота будет неудачной. После того, как охотник увидит берлогу, он хранит тоже молчание, хотя ночью не спится ему: "не он спит, спит только его рубашка, а он вздыхает и думает, как пойдет охота, как "юм" (жертва) принят". Товарищи, догадываясь, тихонько говорят: "Наш товарищ что-то видел". Все молчат и ждут. (К.Жаков. Этнолог. очерк зырян. Жив.-Стар.1901.)

Всего характернее то, что и теперь, когда медведь убит, первым делом охотника является снять шкуру, вынуть сердце и крестообразно его разрезать, иначе возможно, что медведь преобразится в колдуна, так как колдуны принимают часто образ медведя.

Однажды один охотник убил медведя и когда стал снимать шкуру, то под шкурой оказался мужик в полушубке, вероятно, колдун. (Сообщ. учит. В.Исакова и В.Сорокина.)

В книге "Описание всех в Российском государстве обитающих народов" (изд. Миллера 1876 г. ч.1, стр.12) Георги пишет, что финны северные и северо-восточные особенно уважают медведя и думают, что душа их такая же, как у людей, и так же бессмертна. Георги далее приводит песню, которую пели финны при убиении медведя. В этой песне вполне ясно видно отождествление медведя с человеком, с его свойствами.

У народов северных, остяков и др., до сих пор живо верование, что "медведь — человек и что медвежья шкура только покров, под которым скрывается существо, имеющее человеческий вид, одаренное божескою силою и мудростью.

По поверью васьюганских остяков, медведь был прежде человек-богатырь, который ходил часто в лес и раз, выбираясь из лесу, хотел перелезть через колоду, сняв одежду. Перелезши, он увидел одежду похищенной, а вместо того на нем выросла медвежья шерсть; однако он остался по качествам человеком и понимает человеческий язык." (Н.Ядринцев. Этногр. Обоз. кн.IV стр.109. См. также Потанин. Путешествие по Монголии.)

У вотяков тоже есть верование, что Гид-мурт (маленький старикашка ростом не более 1/2 арш., ухаживающий за лошадьми) часто имеет вид медведя. (Смирнов. Вотяки. 194.)

Не увеличивая более различных данных, из всего сказанного о медведе видно, что люди могут превращаться в медведя и обратно, что медведь, в сущности, тот же человек.

Далее, несомненно, есть и относительно других животных аналогичные верования. Воззрения на большинство животных таковы, что они обладают душой, похожей на человека. Примером может служить собака. Она пользуется особым почетом и уважением. "Охотникам предписывается кормить ее с "рач" (сковородка) раньше, чем себя. Этим зырянин выражает, что отдает предпочтение своей собаке и как бы раньше ее кормит, чем самого себя. Хозяин, убивающий свою собаку, вызывает из загробного мира ее гнев и месть". Точно так же и другие животные и звери могут мстить, если их убивали не надлежащим образом.

Охотник "перед убитым зверем отвечает и за те оскорбления, какие ему нанесут посторонние лица". Вот почему охотники снимают шкуры ночью. Добытую рыбу и добычу прячут от взора любопытных. "Хороший рыбак пойманную рыбу сначала несколько оглушает топором, а не убивает ее

окончательно; потом ее кладет в лодку и говорит: "Бейся, бейся, плещись! Зови отца и мать, деда, бабушку, прадеда, прабабушку, всех родственников, не то на том свете одна без родных скучать будешь; не с кем будет тебе резвиться, играть! Зови всех!.. (Налимов. Загр.мир по вер. зырян.) Эти факты опять указывают на то, что зырянин не проводит резкой черты между своей душой и душой других животных. Какова его душа (он может оскорбляться, быть довольным и т.д.) — таковы же души и животных. Из всего ряда приведенных фактов получается впечатление, что души животных, человека и неодушевленных предметов (камня, метлы) одинаковы, внешность же только форма. И, как видно из приведенного, душа свободно может переходить из одной формы в другую. Но продолжим примеры, чтобы с большим основанием утверждать данное положение.

В указанной статье г. Налимов приводит любопытный факт, что "человек, по верованиям зырян, не был создан Еном. Он сам произошел от соединения дерева и травы." (Сравни с выше прив. легендой Красова, где говорится, что человек произошел от овцы и быка.) На Печоре (а отчасти и в других местах) исследователь наталкивается на тот любопытный факт, что почти каждый род, кроме своей фамилии, имеет особого рода прозвание. Приведу список некоторых семей.

Род Юдиных носит название — "Сюзь" (Филин)

Бажуковых — "Юсь" (Лебедь)

Казаковых — "Тури" (Журавль)

Пыстиных — "Сир" (Щука)

Богдановых — "Шлюв" (речка, течение)

Поповых — "Кырныш" (Ворон) и т.д.

Такого рода явление, поставленное в связь с приведенными фактами, всего легче объясняется тем, что, вероятно, в глубокой древности предки указанных родов считались происшедшими от данных животных или предметов, или же предки рода и его прозвания (например, Филина) были одни и те же. Как здесь, так и в других приведенных фактах есть черты, напоминающие явления тотемизма, но определенно настаивать на том, что все это пережитки тотемизма, мы не решаемся.

Можно, казалось бы, подумать, что это просто прозвища, данные их предкам вследствие какого-нибудь индивидуального сходства с тем или иным видом предметов, но такого рода прозвания, как "шлюв" (речка, течение), противоречат подобному предположению.

Наконец, приведем самые важные данные, подтверждающие вполне существование верования о переходе души из одной формы в другую. (Метаморфозы и оборотничество.)

Эти воззрения стоят в связи с воззрением зырян на смерть и на болезнь.

Как уже выше было указано, для зырян смерть, а также сон ничто иное, как факты оставления тела душой. (Лов петём — выход дыхания, жизни, души.)

Весьма характерное сказание на этот счет сохранилось у вотяков.

"В древнее время два человека пошли в лес драть лыки. Один из них был "табачник". Устали они драть лыко, сели отдыхать; один курил, а другой спал. Когда один курил, душа (лулья) спящего вышла изо рта со звуком шыр (т.е. скоро) и, полетевши на сосну, вошла в дупло и опять вернулась назад; потом вошедши в рот, разбудила спящего. Тот, когда проснулся, сказал товарищу: "Я сейчас видел сон". Тот сказал: "Какой?" — "В дупле сосны я нашел деньги в двух трубах". Потом они вернулись. Табачник пошел туда и, посмотрев в дупле сосны, нашел деньги в двух трубах." (Смирнов. Вотяки. 177.)

Подобного рода теория сновидения и смерти свойственна большинству народов, и самое понятие души возникло, вероятно, благодаря сну, галлюцинациям, тени и т.д., как совершенно верно утверждает Тейлор.

Раз таковы воззрения на смерть и сон, то аналогичным же должно быть воззрение и на болезнь. Так действительно и есть. Болезнь не что иное, как проделка какого-нибудь колдуна или туна, который впустил в человека особого духа — "шеву", который заставляет страдать человека. Попадает "шева" с ветра, часто выпивают ее вместе с водой, пивом, представляется она то видимой, то невидимой, то в виде козлявки, то в виде пуха; если есть у человека где-нибудь в теле отвердение, то это, говорят, тоже "шева". Когда она попала в тело, то там она ходит и по внутренностям, производит судороги, корчу, говорит разные слова, несвязные речи (бред и псих. расстройство) и пр.

Если человек тогда что-нибудь говорит, то говорят, что "это говорит не сам он, а шева, его подменили" (вежõмаõсь, ёрõмаõсь.)

Поэтому всякого рода болезни, сопровождающиеся корчами и судорогами, странными телодвижениями, онемением

членов тела и их атрофией (паралич, ревматизм), бредом, психическим расстройством — все это не что иное, как действия "шевы" — злого духа, который вошел в тело и заменил собой принадлежащую этому телу "лов" (душу.)

Если же человек медленно хиреет, слабнет, постепенно тает (чахотка, напр.), то это тоже действия "шевы", только она в таких случаях действует медленно и постепенно. "Мортсö вежёмаось, ёрёмаось" (человека подменили, прокляли), — говорит зырянин.

Здесь в высшей степени характерно выражение вежёмаось — подменили; это слово само за себя говорит, именно оно утверждает, что даже при жизни возможен подмен души (лов'a.)

Дальнейшим развитием этого взгляда является то, что человеческая душа может перейти в тело животного и наоборот (см. приведенные выше факты.) У зырян и теперь еще существует верование, что ребенка, пока он не крещен, могут подменить, т.е. вынуть из тела его душу, вложить туда другую. (См. "кага лоис рос".) Метлу превратить в ребенка, а его превратить во что-нибудь другое. Тело человека при этих "вежём" (подмене) то же, но душа его не та. И теперь если мать или кто-нибудь рассердится на ребенка или если ребенок плачет, то говорят: "вежём кага" (подмененный ребенок.)

Подобные опасения подмены возникают и перед свадьбой.

В этих фактах уже вполне ясно говорится о переходе "лов"а из одного вида в другой. Вполне аналогичные воззрения находим и у пермяков. Рогов говорит, что перед свадьбой "пермяки особенно опасаются, не оборотил бы он — злой человек — свадебжан в зверей и птиц. Поэтому приглашают хорошего "вежливецколдуна", чтобы он не допустил такого подмена". (Материалы для описания быта пермяков. Москва 1860.)

В работах Смирнова и других исследователей вотяков, пермяков и черемис мы находим также богатый материал, указывающий на подмен, на оборотничество, на переход души из одной формы, из одного образа в другой... В данное время очень еще распространено верование, что колдуны, ведьмы, знахари и др. очень часто превращаются в различные предметы; в метлу, палку, кошку, лошадь. Они особенно часто любят превращаться в эти предметы на святках, накануне Нового года и т.д.

Наконец, сами верования зырян дают окончательное подтверждение этому положению...

Так, зыряне верят, что душа умершего очень часто является в виде кошки (кань) или в виде другого предмета, недобрая душа в виде ящерицы (пежгаг, дзодзув.)

Крестьянка д. Римья Яренского уезда Анисья В.Римских рассказала мне, что ее муж после смерти очень часто посещал ее то во сне, то наяву. Во сне он являлся в своем виде, а наяву являлся в виде кошки. Кошка жалобно выла однажды за дверью и хотела попасть в избу, но когда она отворила дверь, кошка исчезла, и вот это-то исчезновение и дало ей повод думать, что это был ее муж.

Аналогичных сказаний и верований существует много. Часто, найдя какой-нибудь предмет, которому, казалось бы, очутиться тут никак нельзя, зыряне думают, что это пришла душа какого-нибудь умершего в образе найденного предмета.

Теперь для полноты приведенных фактов приведем некоторые сходные верования у вотяков и пермяков. "Умершему вотяку, — говорит Смирнов, — приписывается искусство обращаться. Колдунья-покойница выходит мышкой из маленького отверстия в могиле; затем она превращается из мышки в кошку, из кошки в собаку, добегаёт до деревни и в деревне обращается из собаки в человека" (Вотяки. 186.)

"В пустых, заброшенных за смертью хозяев домах живут, по верованию вотяков, Вожо-йось. Вожо — бог страха и привидений. В Вожо может обратиться всякий человек, стоит только Вожоям снять с него крест. Вожо-йось могут принимать разные виды; они являются пред идущими поздно ночью людьми то углом избы, то столбом; когда нужно, Вожо принимают на себя вид людей" (Первухин. Эскизы преданий и быта инородцев Глаз.у.1. 93 — 10.IV.56 — 61.)

Подобные же сведения имеются и у других этнографов, изучающих вотяков. (Верецагин, Богаевский и др.)

На существование таких же верований у пермяков в оборотничество указывала приведенная выше цитата из Рогова.

"Насчет "вежём"ов (подменных), говорит Смирнов, у пермяков существует немало рассказов.

Человек утонул в реке. Через некоторое время тело его было выброшено, и родные его похоронили. После похорон был устроен поминальный обед. Жена пошла в погреб за пивом и видит: ее похороненный муж сидит там нагой и говорит: "вы не меня похоронили, а осиновый чурбан..." Надела баба на мужика одежду, привела его в избу, потом пошли на могилу, разрыли ее и в самом деле нашли там осиновый чурбан (Пермяки.247.)

Точно так же у черемис (народа, родственного зырянам) встречаем ясно выраженную форму верований в подобного рода перевоплощения. Так, вятские черемисы думают, что "человек может умереть до семи раз, переходя из одного мира в другой, и наконец превращается в рыбу." (Смирнов. Черемисы 120. Вятс.епарх.изв.1869, 436.)

В сказках черемисов также остались следы этого верования. Так в одной сказке, где отец зарезал свою дочь и сварил ее, говорится: "Съели мясо, кости отец свалил в овраг. Из дочерних костей Бог велел выйти кукушке. Кукушка прилетела на крышу амбара к мужику и запела: "ку-ку, шестьдесят шесть перьев из крыла, семьдесят семь перьев хвостовых."

"Мать меня сварила,
Отец меня зарезал" и т.д.

То же самое видно и в сказке про Турнай. (Смирнов. Черемисы. 184 — 186.)

Не будем далее приводить фактов. Из разнообразного материала, приведенного выше, видно, что верование в перевоплощение, в оборотничество существует и в данное время. Далее, приведенные сказания говорят, что это верование некогда было очень распространено. Как одушевленные (медведь, щука и т.д.), так и неодушевленные предметы (метла, береза, камень, осина и др.) могут перевоплощаться в человека и обратно. Краткая экскурсия в область верований родственных зырянам народов (пермяков, вотяков, черемис) обнаруживает у них те же верования. Поэтому мы думаем, что не будет особенной смелостью ответить на поставленный выше вопрос — куда же девается душа ("лов") после смерти — следующим образом:

После смерти человека душа его перевоплощается (обрачивается) в какой-нибудь одушевленный или неодушевленный предмет. Смерть, с точки зрения зырянина, не что иное, как перемена душой своего образа (вида), формы. Следовательно, душа человека не улетает никуда с земли, не уносится ни на какую планету, а только переменяет свой облик, оставаясь на земле.

Таково, думается, было древнее воззрение зырян на смерть и на дальнейшую посмертную судьбу души. Понятно, что в дальнейшем такое верование трансформировалось в иной вид с тенденцией все большего и большего отделения и разграничения загробного мира от мира реального.

Вставши на эту точку зрения, мы видим, как неминуемо должно было создаться верование об одушевлении всего мира. Раз душа переходит из одной формы в другую, то значит в каждом животном, растении, предмете есть "лов" — душа. Отсюда и вытекают все эти "ловъя чери", "ловъя турун" (рыба с душой, трава с душой) и т.д. Отсюда же вытекает и тот факт, что души человека и других предметов сходны, обладают одинаковыми склонностями, вкусами, желаниями и т.д.

Исследования Б.Спенсера и Гиллена относительно австралийцев дают сходные ответы. Да и вообще идея перевоплощения свойственна очень многим народам.

Мы довольно подробно остановились на идее перевоплощения, потому что на нее до сих пор исследователи зырян обращали мало внимания.

Но выше мы заметили, что возможен и не один ответ, а два. Приведем характерные черты второго ответа. Основной нитью, проходящей через весь ответ, является сходство с загробной жизни с жизнью действительной.

Гроб по-зырянски называется "горт", то же самое слово обозначает "дом". Отсюда возможен вывод, что гроб — это новый дом умершего.

Здесь люди едят и пьют, и там (в загробном мире) после смерти они нуждаются в пище и питье. На этом воззрении основан обычай "вошйыны" (приглашают умерших к участию в еде.) "Помяни Господи таких-то (называются умершие родные) и вы идите с нами есть" (Помянит Енмёй, вошйё микёд сёйны), говорит большинство зырян перед всяким процессом еды. (Между прочим, здесь ярко видно соединение христианства с древнейшими формами религиозных верований, с одной стороны — помяни Господи, с другой стороны — идите с нами есть.)

На этом же основан обычай поливать могилы пивом, носить на могилы "шангы", лепешки и т.п., угощать после похорон и в 40-й день после смерти того, кто обмывал умершего. Если он доволен, сыт, весел, то умерший — доволен, если же он недоволен, то умерший — оскорблен, так как обмывавший изображает собой умершего.

Питаются души, по воззрению зырян, нематериальной частью пищи или ее паром ("ру".)

В этом мире человек очищается от грязи водой и после смерти вода точно так же служит средством очищения. Так, когда человек умирает, то у изголовья его ставят чашку с водой, чтобы душа омылась после выхода из тела.

Налимов в цитированной уже статье приводит следующий факт. "Некоторые допускают, — говорит он, — что усопший за гробом сохраняет все физические способности своего организма, даже уродство. Один старик не решался поминать в лесу умершего сына, который при жизни с детства страдал параличом. Делал это старик потому, что думал, что сыну с его слабыми ногами трудно будет пройти большое расстояние от могилы до леса, т.е. место поминок. Зырянин меньше всего боится такого умершего врага, который при жизни страдал физическим недостатком или отличался слабосилием: такой усопший не может сделать, по его мнению, большого вреда."

Этот факт особенно ярко показывает сходство предсмертной и посмертной "жизни" души.

Ту же аналогию находим мы и у вотяков, и пермяков, и черемис.

Ниже мы еще приведем образцы создания загробного мира по аналогии с существующим миром, а теперь поставим вопрос о том, который из двух приведенных ответов на формы после смертного существования души вернее?

Мы лично не решаемся отвечать на подобный вопрос. Думаем, что тот и другой ответы верны, ибо оба имеют основания. Неясность теории перевоплощения заключается в том, что она сама по себе ничего не говорит о самом образе жизни перевоплощающихся душ. Неясность второй теории заключается в трудности и почти невозможности указать точное место, где обитают души (в гробу, по утверждению сторонников этой теории души, живут недолго, а затем куда-то уходят: Налимов говорит, что они уходят на планету — мы уже показали, что это неверно. Ад крошечный (вакрамеж) и рай — продукты христианского мировоззрения.) Это отсутствие локализации загробного мира замечается не только у зырян, но и у пермяков, вотяков и черемис.

"Для пермяка, — говорит Смирнов, — как и для вотяка, смерть не означает прекращения бытия — это только перемена места, переселение в иную область". (Пермяки. 245. См. также "вотяки" 178—192.) Но где эта "область"? — не указывается. Приводятся только указания на могилу, но тут же говорится о посещении живых усопшими, для чего они перевоплощаются в животных (в мышку, кошку, собаку и т.д.), т.е. говорится о теории перевоплощения.

Тут возможны три выхода, раз признали, что оба течения верны. 1) Или вера в перевоплощение была до веры в загробную жизнь, сходную с действительной жизнью, 2) или наоборот, 3) или они совпадали.

Вполне конструировать ушедшее вдаль прошлое невозможно, но несомненно, что обе формы верования существовали когда-то, как существуют их пережитки и в данный момент. Трудность решения увеличивается еще тем, что нельзя вполне определенно говорить, что "лов" (дыхание) или же "орт" (двойник) является подлинной душой человека и его представителем после смерти.

Может быть, перевоплощается "лов", а "орт" продолжает жить жизнью, похожей на реальную жизнь, может быть, они сливаются. Но как бы ни были гипотетичны и неясны подробности, одно несомненно, что все эти явления — пережитки древнего анимизма, связаны с ним нераздельно и таким образом являются вехами, указывающими на главные ступени пройденной лестницы.

Частным видом анимизма является культ предков, пережитки которого, несомненно, существуют среди зырян. Как сон и сродные явления были источником верований в душу, точно так же они были причиной появления веры в ее бессмертие. Человек умирал, и, несмотря на это, он продолжал посещать во сне знакомых, а раз он посещал, значит он не исчез, а только куда-то переселился. И теперь еще, если зырянин, а особенно зырянки, увидят во сне умершего, они думают, что это сам умерший посещал их. В этих фактах также интересно смешение христианских воззрений с первичными верованиями. Так, многие зыряне и зырянки рассказывали, что к ним часто являлись их умершие родственники и знакомые и говорили, хорошо ли им там живется. Причем они горько плакали и просили отслужить за них обедню, помолиться и дать милостыню бедным (христиан. элем.); не исполнить просьбы умершего — это значит сделать не прощаемый грех. Одна старушка в с. Зёвсьборт (Жешарт) рассказывала, что к ней ее умерший муж являлся несколько раз во сне. Сначала он был в огне весь и просил помолиться за него; когда это было сделано, он явился снова и был в огне уже до шеи. При следующем появлении — до пояса и т.д.

Строя картины загробной жизни по образцу действительного мира, приписывая душам те же черты, что и живым, зырянин на этой же почве вносит дуализм и в мир духов. Так как на земле есть люди и добрые и злые, одни помогают в беде, другие приносят вред, то, очевидно, души этих людей после их смерти будут поступать так же, т.е. одни помогать, другие — вредить.

Так как здесь наиболее благорасположенными являются души родных, то души родных помогают и после их смерти.

Как здесь никто не любит, чтобы его оскорбляли, и всякий любит, чтобы его похвалили и поблагодарили за услугу, оказанную им, так же нужно благодарить и избегать причинения каких-нибудь неприятностей душам родных. Вот почва для развития культа предков.

Пережитком этого культа является указанный выше обычай приглашать родных-умерших к участию в пище (вошйыны), поливание пивом могил, ношение шанег и пирогов на могилу.

Перед посевом зырянин, обращаясь с молитвой об урожае к Богу, просит также содействия и у своих умерших предков.

В некоторых зырянских селах, как, например, Паль и Час, Яренск, до сих пор существует обычай в Ильин день и Покров (1-го октября) приносить жертву в виде нетельной коровы или быка. Во время обедни мясо варится около церкви в больших котлах, разрезается на части и после освящения и молебна съедается присутствующими.

Эти жертвоприношения представляют собой не что иное, как пережитки того же культа предков или вообще пережитков жертвы добрым душам. В настоящее время под влиянием христианства они приняли церковный характер. Время их приношения совпадает как раз с началом посева и концом уборки хлеба, имеющих решающее значение для земледельца. В старину зырянин обращался с просьбой о помощи к добрым душам (душам предков) и умилилствовал их дарами.

Кроме этих пережитков, существует ряд других. Некоторые из них приведены Налимовым, именно: обычай брать с собой землю с могилы усопших родителей и дедов при отправлении в дальнюю дорогу и обычай класть "чомör". Последний обычай состоит в следующем. После окончания жатвы кладут на межу, разделяющую два поля, особое кушанье "чомör" (ячменная мука, размешанная в масле). Большинство зырян едят "чомör" теперь дома, поминая умерших.

Опять здесь видно то же желание отблагодарить души умерших.

Пережитком этого же верования является и домовая ("дедко", "сусед", "гöрд гача" — красные штаны). Этот дедко есть в каждом доме. Его надо почитать, потому что если он доволен, то приносит счастье всему дому. Если он любит людей, или лошадей и др. животных, то он плетет им косы, снабжает пищей животных, сеном и т.д. Если же не любит, то у животных отнимает сено и они постепенно хиреют. Часто, если у кого плохо разводятся овцы, то хозяин всех овец по-

степенно убивает. "Все равно пропадут, — говорит он, — раз "гöрд гача" их не любит". И для разведения новых овец берут овцу из того дома, где они успешно размножаются. Кошмары во время сна также приписываются домовому. Он тогда давит так, что нельзя двинуть ни рукой, ни ногой. "Гöрд гачаыд личкалö", — говорят они. Бывает он видимый и невидимый. В первом случае чаще всего он является в виде кошки, которая лежит на груди и давит.

Если она при этом мяукает и гневно мурлычет, то это значит, что будет несчастье. Одна знакомая зырянка в с. Жешарт мне рассказала, как ее "дедко" в виде кошки давил, и уверяла, что будет несчастье, потому что "дедко мурзис" (дедко сердито выл.) Когда, действительно, скоро умер ее муж, то она вспомнила, что недаром ее дедко давил, что "недаром она тогда предчувствовала беду".

Пережитки же подобных верований в более резкой форме констатированы и у вотяков и пермяков.

Как добрые души стараются помогать живым, так же злые души, именно души людей, бывших при жизни врагами и жившими не в ладу с кем-нибудь, стараются мстить и вредить ему. Такой умерший может нападать на живого человека, может посылать ему неурожай, неудачу в охоте, в рыбной ловле и т.д.

Кроме этих способов мщения, такой злой дух может мстить и иначе. Он может войти в тело своего недруга и причинять ему страдания. Приведенное выше верование в "шеву" и является пережитком подобных верований. "Шева", по своему существу принимающая различные формы, есть не что иное, как этот злой дух, вошедший в тело и причиняющий различные болезни. По теперешним верованиям, "шеву" посылает или впускает в тело какой-нибудь колдун. Выше мы уже приводили зырянскую теорию болезни в связи с верованием в "шева" и теорией "подмена" (вежöм.)

Согласно этой теории, всякая болезнь есть результат действия "шевы", вошедшей в тело человека и подменившей или на время подчинившей душу человека.

До какой степени укоренилось это воззрение, видно из того, что сами психически ненормальные, кричащие, беснующиеся во время припадков кричат, что это вот говорит "шева". Их "я" раздваивается, и подлинное "я" само сознает свою двойственность и вторым "я" считает "шеву", которая впущена в тело каким-нибудь колдуном (часто называется имя

колдуна). Таких бесновавшихся мне удалось видеть в селах Паль и Жешарт.

Злые души могут вредить не только прямо человеку, но и косвенно, путем порчи его имущества, коров, лошадей, собаки и т.д.

Внешним выражением этой порчи животных служит обрезание ушей у животных и разрезание (расширение) заднего прохода у собаки. Обрезанная корова или лошадь перестают есть, быстро худеют и непременно умирают, если не знать заговора, уничтожающего силу порчи; порченная собака теряет чутье, перестает искать белок, выслеживать зайцев, лисиц и др. зверей.

По современному верованию, эту порчу животных производят "туны" — колдуны и чародеи.

Подобные верования непосредственно связаны с чародейством и колдовством, явлениями чрезвычайно распространенными и живучими среди зырян.

Как известно, явления анимизма неразрывны с чародейством и знахарством.

Чародеи — "туны" являются лицами, которые посвящены в особые тайные знания, наделены особой силой для того, чтобы, зная заговоры, уметь управлять и подчинять себе различные души. Некогда у зырян "туны", очевидно, обладали большим влиянием на народ, были его вожаками, главарями и старейшинами; это видно хотя бы из легенд и сказаний о Паме, противнике св. Стефана, о Шыпиче, о Туныр-Яке, о Кёрт-Айка и др. И у других первобытных народов главным вожаком является, как известно, тоже чародей.

Так как, во воззрению первобытных народов, чародейство — явление очень важное, то, естественно, оно не всем доступно и не сразу дается. Чтобы быть посвященным в тайны чародейства, у австралийцев, например, по исследованию Б.Спенсера и Гиллена, нужно пройти очень сложный ритуал всевозможных подготовлений, сопряженных с значительными пытками и страданиями.

У зырян так же существует определенное верование на этот счет, но восстановить его в прежнем виде невозможно, так как оно изменилось под влиянием христианства.

Зыряне теперь думают, что для того чтобы сделаться колдуном, необходимо продать душу дьяволу (омоль.) Старик с. Пожег рассказывал мне, что он знал одного охотника, который продал свою душу дьяволу. Много годов жил он с двумя

дьяволами; в это время посылал порчу на людей, собак, животных. Но потом он захотел обратно обратиться к Богу. Тогда его дьяволята избили так, что он 25 недель хворал кровавым поносом, два раза они хотели его утопить, тащили к реке и только после всего этого они оставили его в покое.

Передается душа дьяволу различными способами. По одной версии, — нужно взять причастие и не глотать его, а положить в платок, идти в лес, повесить и расстрелять. По другой, — нужно взять шейный крест и носить его некоторое время в сапоге или в котлах под ступней ноги. Затем нужно вынуть его оттуда, измазать калом, плевать на него и бросить наотмашь левой рукой.

Продажа души дьяволу сопровождается сообщением продающему особых знаний (заговоров) и действий, имеющих магическую силу. Колдун, в свою очередь, может научить другого человека колдовству, но при такой передаче колдовства от человека к человеку необходимо продать душу Омёлю (дьяволу).

Вот эти-то колдуны и посылают человеку "шеву", портят животных, могут сделать неудачной охоту, рыбную ловлю и т.д.

Между ними есть колдуны различных степеней: одни обладают большей силой, другие меньшей. Поэтому, если человек испорчен, то более сильный колдун может снять порчу и впустить ее обратно тому, кто ее послал. В этот случае виновник порчи, более слабый "тун", сам заболевает. Позволю себе привести факт порчи, рассказанный в с. Пожег Яковом Никифоровичем Поповым из своей жизни. (Привожу сокращенно.)

Отправились мы в лес с товарищем. Пришли в избушку. Четыре дня жили и охотились, и убил я всего четыре белки ("ур"). Пришел в избушку и поставил у порога палку ("бедь").

Показалась на речке лодка. Плывет мужик. Поздоровались. (Раньше виделись с ним, он был с Печоры.) Вошел он в избушку. Сварил я ему мясо, состряпал "кавардак" (сухари, раскрошенные в масле) и рассказал ему свою беду. "Видно, — говорю, — кто-то испортил собаку". Он осмотрел собаку, ощупал голову и сказал: "Через неделю собака умрет". Я стал умолять, чтобы снял порчу. "Поди принеси два кедровых дерева (суспу)", — сказал он мне. Я принес. Он положил эти деревья накрест и приказал мне встать на них. Я сделал это.

Тогда он стал тыкать нос собаки иглой. Через некоторое время он кончил это делать, и я сошел с деревьев. На другой день я застрелил 15 белок и два глухаря. "Завтра попадет тот", — сказал он мне. На другой день он спросил меня (привожу дословно): "на собаку его (колдуна) толкнем, или на него самого" (пон вылас йёткам али ас вылас)? "На обоих", — сказал я. (Кыкнан вылас) — "ты уж очень жестоко хочешь сделать. Достаточно и на одну собаку. (Тэ тай зэв чорыда: пон вылас тырмас)". После того четыре дня собака у того (у повалившегося порчу колдуна) не лаяла.

Тогда же рассказал он (человек с Печоры) про то, как портят собак. Колдуны станут на скрещенные два дерева, лежащие на перекрестке тропинок в лесу, и крикнут: "Будь проклята такая-то собака", — и собака перестанет лаять и теряет нюх.

"Если у тебя испортят собаку, и впредь так делай, как сделал теперь. Если украдут рыбу, тоже так делай. Если у коровы или лошади обрежут уши — "выльды" (снова разрежь) обрезанное место, оттуда вытечет сукровица. Возьми эту сукровицу на хлеб, "Отче наш" и "Богородицу" прочитай, потом возьми кремь (биа из) и огниво (тывкёрт) и ударяй огнем по кремню над хлебом, а затем накорми корову или лошадь этим хлебом. Потом возьми сукровицу на белый холст, брось в печь, и тогда "тун" (испортивший корову или лошадь) явится быстро. Корова или лошадь поправится быстро, а заболит сам колдун либо его животное, смотря как пожелаешь".

Этот рассказ типичен для характеристики зырянского колдовства, хотя, безусловно, в него привнесено много христианских воззрений.

Существуют и другие способы узнать того, кто испортил кого-нибудь или украл что-нибудь. Одним из таких способов является смотрение в воду (ва видзём, ва видзёдём.) После некоторых манипуляций можно увидеть в ковше или в чашке с водой образ того человека, который испортил кого-нибудь или украл что-нибудь.

Человека можно испортить через его ногти и волосы. Поэтому зыряне стараются ногти и волосы всегда сжигать, чтобы они не попали какому-нибудь "тшыкёдысь"у или птице, или не завалялись где-нибудь. (См. указ. ст. Налимова.)

Другой составной частью этой теории болезней "шевы" и порчи является, так сказать, медицинская часть.

Одним из рецептов является впрыскивание холодной водой (ва пызйём), причем необходимо, чтобы это впрыскивание было неожиданным для больного. Тогда от неожиданности "шева" пугается и оставляет больного. Помогает изгнанию болезни (шевы) также окуривание можжевельником, принесение сосны и ольхи в дом. Налимов приводит способ изгнания духа.

"Вокруг комнаты, где лежит больной, родственники ходят с доской или поленом и бьют им по стенам, говоря: "чурки буди бурд" (чур — русское чур, ки — рука, бурд — выздоравливай), или еще так: больного слегка похлопывают по спине и говорят: "чурки буди бурд, висьём вётлам", т.е. "чурки буди выздоравливай, гоним болезнь". Одним из способов лечения служит также пролезание больного через специально вырытую на берегу или на крутом обрыве вообще сквозную дыру.

Сами колдуны, умирая, переходят в разряд злых духов: встают из могил, рыскают по земле, пугают и пожирают людей. Из них (а также из самоубийц) создаются "вурдалаки" и "упыри", носящие на зырянском языке название "повзёдчысь" (пугатель.) К этому же разряду причисляются души и вообще убитых.

Между прочим, любопытно отметить тот факт, что старые дома зырян строились со ставнями на окнах, в то время как новые дома их не имеют. Зыряне говорят, что ставни делались для того, чтобы эти злые духи не могли ворваться в избу.

Рецептом от подобных проделок колдунов является совет хоронить их лицом вниз, пальцы их перевязать коноплей и через спину проткнуть осиновый кол.

Какое значение при этом имеют конопляные волокна и осиновый кол — сказать трудно.

Из всего сказанного относительно добрых и злых духов и связи этих верований с колдовством видно, что уже на первичной ступени развития, благодаря построению царства духов по аналогии с действительным миром, создается раздвоение доброго и злого начал, из которого затем образуется грандиозные величественные начала добра и зла. У зырян же это раздвоение в два образа: Ен'а (добра) и Омёля (зла.)

Одной из разновидностей анимизма или верований, стоящих с анимизмом в непосредственной связи, было особенное почитание некоторых животных, растений и предметов.

Выше мы уже привели представления зырян относительно медведя и собаки. Из этих данных видно было, что мед-

ведь и собака особенно почитаются зырянами. После убийства медведя просят у него извинения, перед убийством приносят ему жертву "юм". Точно так же оказываются особые почести и собаке.

Но этим, конечно, не ограничивается число особо почитаемых предметов. Епифаний Премудрый, жизнеописатель св. Стефана, говорит особенно подробно о "прокудливой" березе, которую св. Стефан рубил три ночи. Она была предметом большого почитания: ее украшали различными шкурами, приносили ей разнообразные жертвы и т.д. Из этого же жизнеописания видно, что береза была местопребыванием особых духов, которые, когда Стефан рубил березу, при каждом ударе топора издавали вопли и просили св. Стефана не гнать их из их жилища. Нечто аналогичное было не особенно давно в с. Арабач, где тоже стояла около часовни береза, и с этой березой был связан ряд разнообразных легенд и верований. Епифаний говорит о березе, что когда ее рубил Стефан, то из нее сочилась кровь; то же свойство приписывалось и арабачской березе. Затем, при всевозможных колдовствах, при изгнании "шевы" и вообще болезни и др. обрядах фигурирует осина. Такого рода явление, вероятно, так же связано с особым верованием и поклонением осине.

Наряду с этими деревьями стоит и сосна (пожом.) Сосна так же часто фигурирует при лечении больного, и ей так же приписываются особые магические свойства. Между д. Реми и с. Жешартом была громадная сосна (ыджыд пожом). Жители (особенно женщины) говорили, что ночью перед Пасхой и перед большими праздниками на ней горят три свечи, что под ее корнями зарыты большие клады, что эти клады стерегут бесенки и часто ночью пугают людей. Были и другие верования, связанные с этой сосной; вследствие всего этого, несмотря на то, что она была очень близко от села, могла служить прекрасным и богатым материалом для дров, ее не осмеливались рубить. И только уже года 4 тому назад мальчишки срубили ее, чтобы воспользоваться ее шишками. Около же Жешарта была другая аналогичная сосна. Точно так же она считалась местопребыванием духов, но духов злых (чертенят.) И когда случайно молния ударила в сосну и она загорелась, население объяснило этот факт, как гнев Божий на чертенят.

Кроме поклонения животным и растениям, очевидно, существовало поклонение и камням или горам. Не особенно давно еще пользовалась особым поклонением Брусная гора

в Устьсысольском уезде Вологодской губернии, благодаря чему зыряне не осмеливались ломать брус из этой горы. (См. Акад. Лепехин. Дневные записки путешественника, ч.IV. стр.408. СПб, 1791 г.)

Особым почитанием пользуется также и вершина Тёл-поз-из (камень гнезда ветров.) На его вершину никто не мог взобраться, да и не может, по мнению зырян. Пробовал это сделать когда-то один самоед, но он так и пропал там, потому что в этой горе живет бог Шуа, не любящий шума и не позволяющий людям врываться в его жилище. И в Брусной горе будто-бы жил тоже какой-то дух... На одной из вершин Тёл-поз-из'а есть, говорят зыряне, следы громадных ног; эти следы приписываются богу Шуа... С этим же духом Шуа связан и тот факт, что переходя Уральские горы, вблизи Тёл-поз-из'а, зыряне еще до сих пор стараются не шуметь, ибо если Шуа услышит шум, то поднимается страшный ветер, снег, и люди должны погибнуть или же превращаются в камень. (См. выше прив. факт об окаменевших челов. фигуриках.) Это же верование приведено и в рассказе Жакова "Дарук-Паш" (В хвойных лесах).

Летопись (Никоновская) говорит о зырянах, как о людях ни Бога не знающих, ни закона ведающих, молящесь и домом, солнцу, огню, воде, камню, дереву.

Это же почитание животных и растений указывается и арх. Макарием, который говорит, что у зырян были деревянные идолы, изображавшие соболей, куниц, белок и др. зверей.

Утверждение арх. Макария подтверждается отчасти археологическими находками Теплоухова.

Подобного же рода пережитки поклонений животным, растениям и камням имеются у пермяков, вотяков и черемис. Так, например, у черемис в Космодемьянском уезде до недавнего времени пользовался поклонением "астраханский белый камень". В Яранском и в других уездах также существовали особо почитаемые камни. Почитание растений и животных еще довольно сильно и в настоящее время у пермяков, вотяков и черемис.

Во всех приведенных примерах характерно то, что почитаются камни, животные и растения не сами по себе, не как фетиши, а потому, что они являются носителями и местопребыванием духов. Так Устьвымская береза, сосна, Тёл-поз-из и т.д. почитаются за то, что там есть духи, Шуа и т.д. Иссле-

дования Б.Спенсера и Гиллена относительно австралийцев и ряд других исследований показывают, что в случаях, когда почитаются какие-нибудь предметы (например у австралийцев некоторые горы, камни — "окна никилла", "чурина" и т.д.), то они почитаются именно за то, что в них есть какой-нибудь дух.

Это явление обобщенное показывает, что так называемый фетишизм (в смысле Конта) есть одна из форм анимизма, а не нечто самостоятельное целое. Такую же модификацию анимизма представляет вера в ладанки, в талисманы.

В предыдущем мы видели различные пережитки анимизма, видели, что весь мир, по верованию древнего зырянина, был наполнен духами, видели, что на почве этого миропонимания создается культ добрых духов (культ предков) и культ злых духов; с этим же верованием неразрывно связано и колдовство. На почве того же анимизма создалось и почитание некоторых животных, растений и камней.

В дальнейшем, благодаря постоянно и непрерывно совершающейся эволюции, эти религиозные воззрения модифицируются и постепенно принимают форму так называемого политеизма.

Как в самом человеческом обществе постепенно растет дифференциация, как небольшое неравенство тотемического общества, основанное исключительно на различии по полу и по возрасту в последующих формах социальной жизни (в родовом, в территориально-племенном и т.д. обществах), все более и более углубляется, появляются касты, сословия, классы, князья, патриархи, вожди, герои и т.д. — так же из бесчисленного количества духов, наполняющих мир, постепенно выделяется некоторое количество духов, постепенно происходит разграничение их черт, свойств и функций.

Начинают выделяться духи, специально заведующие громом, духи, специально заведующие ветром, дождем и т.д.

Этот период религиозных верований зырян изучен еще очень мало. Некоторые исследователи в число богов внесли таких, которые богами никоим образом быть не могли. (Напр., Красов внес в число богов даже и "гажтём" — невеселый.)

Много ценного есть в статье К.Ф.Жакова "Языческое мирозерцание зырян", но это далеко не все.

Трудность изучения увеличивается еще тем, что летописи и исторические свидетельства дают в высшей степени сбивчивый материал относительно этого вопроса; тормозит ус-

пешному разрешению его и невыясненность отношений современных пермяков к Биармии; наконец, мешает этому и старость и неясность этого периода верований и у других, близких к зырянам, народов — пермяков и вотяков. Насколько неудовлетворительно изучен этот вопрос у этих народов, показывает хотя бы тот факт, что появляются такие гипотезы, как гипотеза свящ. Блинова относительно религии вотяков, утверждающая, что религия вотяков есть осколок буддизма.

Мы здесь не будем разрабатывать этот вопрос, укажем лишь на то, что политеизм, несомненно, был у зырян, как и у вотяков и пермяков.

Из числа всех духов постепенно выделились: дух солнца (солнце) — Шондібан, "Войпель" или Шуа — бог ветра и холода, живущий на Уральских горах, "Өшкамөшка" — небесный бык — дух дождя, "Васа" — дух воды; "кульяс" — более мелкие духи (отдаленное подобие русалок), живущие в воде; Вөрса — дух леса, брат "Васа" — водяного, живущий в лесу; нимфа леса — "йёла" (эхо); жена и дети лешего, "ёма" — злая волшебница и др.

Из всего этого сонма богов выделился Ен (Инмар), точная функция которого не вполне определена и теперь. Вероятно, это был дух грома, неба (небо), а не придуманное св. Стефаном название, как говорит Красов. Ен постепенно выделяется и под влиянием христианства трансформируется в бога. Он становится носителем и олицетворением всемогущества, всезнания, блага и добра. Подобным же образом из сонма злых духов выделился Омоль, который сделался олицетворением всего злого, хитрого и коварного, — Сатаной, дьяволом. "Кульяс" и дети лешего постепенно превратились в бесенят и чертенят.

Таков конечный пункт развития религиозных верований зырян.

В этой статье мы привели наиболее важные "узоры", указывающие на то, что анимизма некогда охватывал все мировоззрение зырянина. Конечно, остался еще очень большой ряд всевозможных пережитков, указывающих на то же, но так как уже и из приведенного ясно, что анимизм с его разветвлениями был у зырян (заметим, что есть некоторые признаки и тотемизма, хотя и неясные), то мы считаем задачу данной статьи исполненной, не вдаваясь здесь в дальнейшие подробности верований и культа данного народа.

I

Вопрос о первобытной форме брака и главнейших ступенях его развития в настоящее время может считаться вопросом почти уже решенным в науке.

Главные принципы, изложенные Бахофеном, претерпев значительную эволюцию под влиянием дальнейших исследований, в настоящее время довольно прочно обоснованы и едва ли могут быть оспариваемы.

Работы Мак-Леннана, Моргана, Леббека, Г.Спенсера, М.Ковалевского и ряда других лиц в общем подтвердили мнение Бахофена относительно первичной формы брака и счета по матери.

Правда, не так давно выступили также авторитетные лица, как Вестермарк, Старкэ, Кунов, Гроссе и др., оспорившие положения сторонников первого течения, но после выхода таких работ, как "Первобытные племена Центральной Австралии" Б.Спенсера и Гиллена, проживших долго среди отсталых австралийцев, работ Фрезера, Хауита, Колэра и ряда других подробнейших и точных исследований, взгляды и положения сторонников патриархата оказываются ошибочными.

Нам нет надобности здесь подробно излагать результаты, добытые современной этнографией и историей культуры. Достаточно будет вполне указать лишь главные положения господствующего направления, а именно: установлено, 1) что почти у всех исследованных народов счет родства по матери предшествовал счету родства по отцу (в этом смысле матриархат — патриархату), 2) на первичной ступени половых отношений, наряду с временными (обыкновенно краткими и случайными) моногамическими сношениями, господствует широкая свобода брачных сношений, которая и является характерной для данной эпохи, 3) эволюция брака состояла не в чем ином, как в постепенном ограничении этой свободы половой жизни или, выражаясь иначе, в постепенном уменьшении числа лиц, имеющих брачное право на ту или иную женщину (или на того или иного мужчину.) Эволюция состояла в переходе от группового брака к индивидуальному.

Групповой брак, принимая вид то полиандрии (многомужество), то полигамии (многоженство), будучи то эндогамичным (форма брака, при которой лицам какой-нибудь группы —

тотема, рода — запрещается вступать в брак с женщинами другой группы), то экзогамичным (форма брака, запрещающая браки между лицами одной и той же родственной группы), иногда принимая форму ливерата, нийюги, снохачества, постепенно перешел в индивидуальный моногамичный брак.

Раз такова общая эволюция брака, то можно сказать, что и зыряне не должны представлять из общего правила исключение.

Но, с другой стороны, исследователь должен знать и то, что так как теория и обобщения создаются из единичных фактов, то необходима известная степень осторожности и объективности в изучении данного явления и его форм.

Следуя этим двум соображениям, мы попытаемся дать небольшой материал относительно форм семьи и брака, дающий некоторые основания утверждать, что и зыряне не представляют исключения из этого правила.

Современные формы брачных отношений зырян представляют вполне определенную моногамию и весьма далеки от каких бы то ни было намеков на формы группового брака или его позднейших разветвлений. Так что если бы не было заранее составленного априорного решения, то в высшей степени было бы трудно утверждать, что когда-нибудь брачные отношения зырян были иные.

Но принимая во внимание, что все изменяется и что явление общее почти всем народам не есть простой случай, а нечто имеющее силу закона, остановиться на решении, что зырянские брачные отношения были всегда таковы, какими они являются в данный момент, — это значит рисковать очень и очень многим.

Но что же есть положительное, которое хоть отчасти подтверждает общие выводы этнографии?

Начнем издалика.

Зыряне, вотяки и пермяки образуют пермскую группу восточных финнов. Некогда они составляли одно целое и поэтому, естественно, у них должны быть общие черты в укладе жизни и вообще в миропонимании. Так оно и есть. Прежде всего, язык данных трех народов, особенно же пермяков и зырян, очень близок, так что все они могут и теперь до известной степени понимать друг друга (зыряне и пермяки — вполне.)

Далее, их мифология и религиозные верования оказываются также очень близкими друг другу. Наконец, и весь уклад жизни до известной степени также аналогичен в своих основных чертах.

Сказанное позволяет допустить, что то, что свойственно или ясно выражено у одного из этих народов, принадлежало и другому. Раз это так, то ближайший вопрос будет следующий: есть у данных народов какие-нибудь явления или пережитки, которые бы указывали, что некогда и им были свойственны те или иные формы главных ступеней развития брака?

На поставленный вопрос приходится ответить, безусловно, положительно.

В летописи читаем: *"И Радимичи, и Вятичи, и Северяне один обычай имаху; живяху в лесе, якоже всякий зверь, ядуще вся нечиста, срамословие в них пред отцы и пред снохами; браци же не бываху в них, по игрици между селы. Схожахуся на игрища и на вся бесовская игрища, и ту умыкаху жены, с нею же кто свещашеся; имяху по две и по три жены."* (Полн. собр. летоп. т.1., стр.6 "Нестор" Шлецера, 1 часть, 220—221.) Здесь т.н. Вятичи, несомненно, никто иные, как прапермская группа, как и показывает само слово Вятка. ("Ят", "Ут", "Уд" — Вотяк; "ка", "куа" — жилище.) Вятка — жилище вотяка. Подчеркнутые курсивом фразы ясно указывают на беспорядочный брак. Г.Миллер, путешествовавший среди вотяков и черемисов в XVIII в., пишет: "Что касается до их супружества, то у них многоженство позволено; однако ж никто более пяти жен у себя не имеет; а большая часть, особливо у Вотяков, за скудностью их, по одной или по две жены у себя держат". Отсюда ясно видно, что у вотяков еще во времена Миллера была полигамия.

Далее он пишет: "только есть у них обыкновенно, что оставшуюся по смерти большого брата во вдовстве жену берет за себя меньшой брат, но большому брату в таком же случае того делать не позволяется. Они особенно любят жениться на двух или трех сестрах по одиночке. В Казанском уезде Вотяцкий сотник, именем Кашерка, женился, хотя не по правилам, однако в одно время на двух сестрах, которые и поныне живут с ним". Наблюдатель вполне ясно говорит о левирате, в свою очередь представляющем форму полигамии. Далее он оговаривается: "впрочем, ни Черемисы, ни Вотяки сохранности девства не разбирают", "вообще говоря: народы сии на сохранность девства не очень смотрят".

Из этого ясно видно, что и при полигамии и левирате была еще полная свобода в брачных отношениях.

Девушки и юноши вотяков, пишет Бух, живут в тесном общении: стыдливость не ставит любовным отношениям ни-

каких преград. Для девушки считается даже позором не иметь многих любовников. Характерна в этом отношении следующая поговорка: "не любит мужик девки — не любит ее и Бог".

Профессор Смирнов в своей работе "Вотяки" дает также немало доказательств в пользу существования первобытного германизма, матриархата, левирата и снохачества... Хотя его попытка доказательства путем указания на отсутствие в языке вотяков слов, указывающих на кровные отношения, и оспаривается некоторыми лицами, в частности финским проф. Сеталя, но если даже Сеталя и прав в данном пункте, все же остается ряд неоспоримых доказательств в пользу проф. Смирнова.

Помимо приведенных исторических доказательств, все исследователи вотяков (Смирнов, Бехтерев, Островский, Гаврилов, Верещагин и др.) единогласно констатируют свободу брачных отношений и различные пережитки группового брака...

Точно так же обстоит дело и с пермяками. На святочных игрищах, пишет Рогов, прежде "в продолжении всего игрища девки и парни пили брагу, пиво, вино, кто сколько хотел; к утру все перепивались. Можно представить себе, что если парни — и трезвые — довольно вольно обращаются с девками, то тут вольность в обращении выходила из границ; девки, со своей стороны, не уступали в непристойностях парням, и, наконец, игрище принимало вид сходбища для разврата" (Рогов. Материалы для описания быта пермяков. Москва, стр. 18, 60, 66, 67.) "Долго сидя в девках, пермячки редко сохраняют девство до замужества, и женихи не только не бегают, но, напротив, очень охотно берут невест этого разбора". "На нравственность пермяки не обращают никакого внимания, отцы совершенно не заботятся о поведении детей, родственники развратничают между собой и парни охотно женятся на девках, не только "явно беременных", но и на таких, "у которых есть уже взрослые дети". "Коми спрашивают Пермяка, зачем берешь девку с миреном (от слова мир — который считается отцом?) Ради мирена и беру бачка, — отвечает пермяк, — он теперь барноволок, а скоро будет работник." (Там же, стр.71 и прим.)

Широкая свобода половой жизни, существовавшая у пермяков в очень недавнем прошлом, явилась причиной, что в "уставе судебном" графов Строгановых внесены даже специальные параграфы с целью пресечения этого распутства. Приведем некоторые:

§ 49. "Помогающие непотребству людей обоих полов наказываются от 25 до 50 ударов розгами, и определяются в бессменные работники или работницы на два года".

§ 63. "Но дабы положить преграду распутству, которое может происходить от холостяцкой жизни людей обоих полов... " и т.д.

(Из "Положения об управлении имением", изданного в 1837 г.; см. Пермский край. т.3., Пермь, 1895.)

Кроме приведенных данных, материал относительно свободы брачной жизни пермяков дает проф. Смирнов в своей работе "Пермяки". Выводы, к которым приходит Смирнов, те же, что и в работе о вотяках. Между той и другой народностью замечается полнейшая аналогия. Пережитки коммунального гетеризма, матриархат, левират, полиандрия, женитьба путем умыкания и купли и т.д.

В нашу задачу не входит детальное рассмотрение брачных пережитков у данных народов. Нам важно указать, что эти народы не представляют исключения из общего правила. С этой целью мы привели как показания летописи, так и древних (относительно) и современных исследователей. Придя к данным выводам, сейчас мы уже с большей вероятностью можем сказать, что и зыряне должны были иметь кое-что подобное в прошлом; ибо раз их братья имеют и имели определенные черты, то и они не должны представлять исключения.

К анализу этих скромных данных и приступим.

Прежде всего мы должны заметить, что приведенные слова летописца одинаково относятся как к вотякам, так и к зырянам, и пермякам, ибо тогда все они, вероятно, составляли одно целое.

Далее митрополит Симон в 1501 г. в грамоте Великопермскому князю пишет: "женитв незаконных не чините Богу мерзких, якоже слышаху о Вас, что деи у вас поимаются в племени по ветхому и татарскому обычаю: хто у вас умрет, а втеры, деи его брать жену его поимает, а третьи деи брат его такоже творит, а жены деи ваши простовласы, непокровенными главами. Ино то чините не по закону христианскому... и вы бы от сих мест наперед так не чинили, как неверные чинят" ("Послания Российских митрополитов" Акты Археографические С.П.Б. 1641. т.1..)

Здесь снова вполне ясно констатируется левират и вообще говорится о нехристианском, "богомерзком" браке по ветхому и татарскому обычаю.

Из того факта, что это послание адресовано "всем пермичам большим людям и меньшим мужам и женам, юношам и младенцам, всем православным христианам, новокрещенным Господним людям всея области Пермския земли", можно вполне предположить, что оно также относится и к зырянам.

Это положение подтверждается тем, что зыряне в Житии Стефана Пермского, написанном его учеником Епифанием, прямо называются пермянами.

"Всякому же хотящему шествовати в Пермскую землю, удобезнен путь есть от града же Устьяга рекою Вычегдою вверх, дондеже вниидет в самую Пермь".

В житии же Стефана Пермского, находящемся в Четьи Минеях, есть новое указание относительно свободы брачной жизни. "И нача Стефан яко овча посреде волков, посреде рода строптива и развращена ходити" и т.д.

Далее, исследователи зырян, например, Михайлов, Попов и отчасти Латкин, также немало говорят о свободе брачных отношений зырян.

Оставим исторические свидетельства и перейдем к современной жизни. Что она нам дает в этом отношении?

Прежде всего должно заметить, что этот вопрос мало до сих пор изучен и на него мало обращали внимания, между тем, при более тщательном и систематическом исследовании, мы не сомневаемся, что найден был бы значительный материал для более ясного решения занимающего нас вопроса.

Благодаря интенсивному влиянию развивающейся экономической жизни, развитию отхожих промыслов, долголетнему господству христианской веры и распространению грамотности, большая часть зырян Яренского и Усть-Сысольского у.у. в данном отношении не дает почти никаких пока материалов. Поэтому вполне естественно, что исследователь принужден искать пережитки в более глухих местах, как, например, на Печоре, которая до последнего времени была изолирована от влияния перечисленных факторов. Если что-либо есть или было у зырян, то должно всего яснее выделяться здесь. И действительно, Печора в данном отношении дает кое-что.

Путешествуя в 1908 г. по зырянам, мы вместе с К.Ф.Жаковым были и на Печоре. Позволю здесь привести в высшей степени характерную сцену, виденную в с.Покче.

Когда мы, поднимаясь с реки, входили в село (Покча), то в одной избе вдруг раскрылось крыльцо и из двери — видим — выбегает женщина. (Дело было вечером.) За ней бежит муж-

чина, хватает ее за волосы и тащит обратно в дом. Я спросил наших гребцов, что значит все это. Бьет, что ли, он ее за что-нибудь?

— Нет, — отвечают они. — Он просто ее на ночь берет ...

Из дальнейших разговоров выяснилось, что это явление в данном селе обычное.

"Сегодня он одну берет, завтра другую, так все делают и так уж истари ведется", — объяснили крестьяне.

Дальнейшие исследования и расспросы показали, что в данном селе, как и в других селах вниз по Печоре, в половых отношениях наблюдается очень широкая свобода.

Оказалось, что девушки начинают жить половой жизнью с 12, 13 лет, и с этого времени каждая девушка уже имеет любовника или, вернее, несколько любовников. Часто бывают, особенно зимой, во время святок и масленицы, — вечеринки, после которых парень всегда уходит с одной, а часто с двумя девушками и вступает с ними в половое общение.

Та же свобода проявляется и в жизни взрослых мужчин и женщин, характерно проявляющаяся в приведенной выше сцене. Конечно, вполне обычное явление и долговременные моногамичные союзы, но и здесь видна та же свобода.

Поживет некоторое время мужчина с женщиной, а затем очень часто мужчина берет другую жену, а женщина другого мужа, — и живут в одной и той же избе, разделивши все имущество пополам: одна пара в одной половине избы, другая — в другой...

Эти факты ясно говорят о широкой брачной свободе. Теперь, каков же взгляд самого населения на это?

Выше мы приводили характерное описание взгляда пермяков. Роговым здесь также наблюдается полная аналогия. Чем больше у девушки "незаконнорожденных" детей, тем ее скорее возьмет за себя любой парень для более или менее долговременного сожительства.

"Коли у нее дети есть, значит девка ядреная, дородная. Работников для семьи может дать" — вот взгляд населения.

Так что обычный взгляд зырян данного места никоим образом не смотрит на подобные формы брака, как на разврат.

Характерно далее и то, что дети "незаконнорожденные", благодаря незнанию своего подлинного родства, получают отчество и прозвище матери.

Явление, подтверждающее ту теорию матриархата, которая причиной возникновения счета родства по матери считает незнание и трудность определения подлинного отца.

Такова картина брачных отношений на Печоре.

Нет сомнения, что она свойственна не одной только Печоре, но и другим местам, лежащим ниже по Печоре. Всякий, побывавший на Печоре, это может подтвердить, а лесные приказчики (в большинстве случаев любители "клубнички") считают долгом предупредить своего коллегу, едущего туда впервые, чтобы он осторожнее был... Дело в том, что, благодаря такой свободе половой жизни, в данном месте весьма распространены венерические болезни.

С другой стороны, очевидно, в связи с этим же фактом беспорядочности брачных отношений находится весьма характерный факт медленного прироста населения. Да едва ли даже в таких селах, как Покча, можно говорить о приросте. Население почти не увеличивается. Раз это так, то теперь вполне понятным становится предпочтение местных парней к девушкам, имеющим "незаконнорожденных" детей. "Значит, она здорова" — совершенно верно заключают они.

Следы этой же свободы видны и в рассказах из печорской жизни, как, например, рассказы Носилова и Жакова.

Во многих рассказах первого, печатавшихся в различных органах печати, в частности в "Русском Севере" за 1908 г., вполне определенно рисуется картина, аналогичная описанной. В некоторых же рассказах видны следы и картины первобытного гостеприимного гетеризма, состоящего в том, что гостю или вообще новому человеку предлагается на ночь жена или сестра или другая женщина.

Та же простота брачных отношений рисуется в рассказах К.Ф.Жакова "Джак и Качаморт", "На Щугоре" и "Улетин-Елена".

Таковы формы брака и брачной жизни на Печоре. Из них ясно видно, что здесь господствует беспорядочное половое общение и широкая свобода брачных сношений, напоминающая картину брака первобытных и отсталых народов. Но ясно, что одно существование этого явления еще ничего не говорит. Может быть, это не пережиток, а недавнее явление, вызванное к жизни различными причинами. Так именно я сначала и думал. Дело в том, что местные зыряне — раскольники-беспоповцы; поэтому предполагал, что это не что иное, как результат беспоповства, к которому присоединились еще развращающие влияния приказчиков, доверенных и *tutti quanti*.

Но теперь я должен отказаться от подобного объяснения...

Прежде всего, влияние приказчиков и лесных доверенных и др. тут ни при чем. В других местах России любителей "клубнички" бывает несравненно больше, однако же ничего подобного не наблюдается. Народную этику, если бы она была не такова, трудно и прямо невозможно было бы изменить благодаря единичным фактам разврата. Да и в Троицко-Печорском, находящемся не так далеко от Покчи, в данный момент свобода брака в такой форме не существует, хотя там любителей "клубнички" бывает несравненно больше.

Остается, следовательно, — раскол и беспоповство как причины, вызвавшие к жизни подобные формы половых отношений.

Но и это предположение едва ли верно. Мы думаем, что раскол и беспоповство способствовали и способствуют сохранению описанных форм брака, но вызвать их они не могли.

Если бы это было так, т.е. если бы свобода брачных отношений была действительно результатом раскола, то, спрашивается, почему же этого нет в других местах, где беспоповство процветает (напр., в Вичугском районе Кинешемского у. Костромской губ. и др. местах.)? Почему там мы видим вполне моногамичный брак? Одна и та же причина должна производить одни и те же следствия, а раз этого нет, то, значит, причина ложна.

Но нам могут указать, что у таких сект, как хлысты, появился же разврат.

Но у хлыстов разврат представляет собой своего рода религиозную церемонию, здесь же ничего подобного нет: "Исстари так идет, исстари так заведено" — вот объяснение местного населения, а поэтому данное явление не может быть смешиваемо ни с хлыстовством, ни с скопчеством, ибо оно представляет пережиток прежних эпох, а не обряд, совершаемый на религиозных собраниях и представляющий религиозную церемонию. В качестве аргумента в пользу раскола, казалось, можно было бы привести то, что в Троицко-Печорском, где население православное, такой свободы нет. Но: 1) и в Троицко-Печорском еще и теперь довольно широкая свобода господствует в половых отношениях молодежи, 2) в недавнем прошлом половые отношения там, как говорят старожилы, были аналогичны описанным и 3) быстрое исчезновение данных форм следует приписать тому, что Троицко-Печорское — базис культуры (ревизор, лесничество, доктор, учителя, фельдше-

ра, священники), а поэтому оно подвержено было все время культурному воздействию и постоянно было посещаемо всевозможными экспедициями и т.д., а все это, как известно, и служит главным рычагом изменения мировоззрения народа.

Раз эти две причины отпадают, трудно объяснить интересующее нас явление другими причинами. Остается только смотреть на него, как на пережиток предыдущих стадий развития.

Может быть, конечно, мы и ошибаемся, но это решение более вероятно, чем другие, а если ошибка и есть, то дело дальнейших исследований — исправить эту ошибку, т.к. мы никоим образом не выдаем своих решений за безапелляционные, а постоянно подчеркиваем их гипотетичность.

Итак, современные формы брака на Печоре, помимо приведенных исторических свидетельств, говорят в пользу существования у зырян группового брака, а также дают некоторые материалы и основание говорить о патриархате у зырян.

Есть ли теперь какие-нибудь факты, представляющие нечто подобное в других местах и в других районах?

Вполне аналогичных фактов нет, но нечто подобное наблюдается.

Прежде всего многих исследователей поражал значительный процент "незаконнорожденных" у зырян.

Так, в "Памятной книжке Вологодских губ." таблица показывает, что в 1890 г. в Усть-Сысольском уезде один "незаконнорожденный" приходится на 17 законнорожденных, в Яренском уезде один — на 18,5, тогда как в русских уездах (Вельском и Никольском) на одного "незаконнорожденного" приходится 27—29 "законных".

Явление, также свидетельствующее в пользу нашего взгляда. К этому нужно добавить и то, что чем глуше местность, чем она изолированнее от других, более культурных мест, тем брачные отношения там свободнее и тем процент незаконнорожденных выше.

Будучи статистиком и просматривая списки крестьян, я был поражен обилием "незаконнорожденных" в Мординской вол. по р.Локчиму. Эта местность находится совершенно в стороне от Вычегды и от большой дороги и окружена лесом.

Помимо этого обилия "незаконных", наблюдение над жизнью местного населения подтвердило снова мои предположения о свободе половых отношений.

Я был там в начале июня, когда страда еще начиналась.

Каждый вечер местная молодежь собиралась около какого-нибудь дома, а большей частью около дома и в доме одной "веселой вдовушки" на посиделки (рыт-пукалём.) Поиграв, попев, побалагурив, ночью они расходились большей частью парами и удалялись куда-нибудь или огородами, или к овинам.

Иногда, а в праздники всегда, мужчины и большая часть девиц были подвыпивши.

Этот факт, взятый вместе с числом незаконнорожденных и с более или менее равнодушным отношением к нему местного населения, снова говорит в пользу нашего предположения.

Подобные же посиделки ("рыт-пукалём") распространены по всей Вычегде, Сысоле и Выми.

По Сысоле, как удалось наблюдать в Вотче, Визинге и Кибре, девушки и парни собираются где-нибудь около сарая или около "магазеи", которые стоят вне села, и там, побалагурив и попев, частью парами расходятся, частью же ложатся тут же.

Под влиянием христианства и вообще образования, конечно, изменился и взгляд населения на формы брака, но, все-таки, нисколько не боясь ошибиться, можно сказать, что большинство девушек до вступления в брак живет половой жизнью.

Характерен в этом отношении один случай, который мне пришлось наблюдать в д.Римья Яренского уезда. Предполагал жениться один зырянин (имени его по некоторым обстоятельствам я привести не могу) на одной девушке. Про эту девушку все знали, что она живет половой жизнью и имела несколько любовников. Шел разговор между теткой и женихом.

— Девица-то дородная, работающая и все бы ничего, да видишь, ведь бают-то что, — говорила тетка жениху.

— А где ты честную-то найдешь, ну-ко укажи, есть-ли хоть одна в вашей деревне, а в своем-то селе я наперечет всех знаю. Вон разве только (он назвал одну девушку), но и она честна потому, что с ней никто не хочет спать, почти что вся она коростами покрыта, — возражал жених.

— Оно, конечно, верно, — согласилась тетка, и вскоре жених женился на указанной девушке.

Известно также мне, что девушки очень часто употребляют различные средства (вроде крепкой водки, соляной кислоты), чтобы избежать рождения ребенка. В д.Римья и в с.Же-

шарт Яренского уезда я даже знаю двух женщин, к которым обращаются неопытные за советами.

Все приведенные факты, взятые вместе с историческими свидетельствами и с общим ходом развития семьи и брака у других народов, заставляют нас думать, что и зырянам некогда была свойственна форма половых отношений, известная под именем группового брака...

Теперь, спрашивается, наблюдаются ли у зырян следы полиандрии, полигамии, левирата и т.д.?

Наши наблюдения над свадебными обычаями дают некоторый материал, показывающий, что и у зырян существовал некогда брак посредством умыкания.

Так, когда "поезжане" во главе с "дружкой" жениха перед венцом приходят в дом невесты, то перед ними закрывают двери и впускают только после того, как "дружка" ответит на все вопросы, предлагаемые ему из-за двери. В некоторых же местах "поезжане" прямо симулируют нападение и насильное врывание в дом невесты...

Аналогичное же наблюдается у вотяков и пермяков. (См. проф. Смирнов: "Пермяки" и "Вотяки".)

Красов пишет, что у зырян в некоторых местах еще и теперь бывают случаи покупки невесты, что как будто соответствует древнерусскому "вено".

Насколько верно это утверждение, мы не знаем.

Слабым признаком, доказывающим существование у зырян патриархата, помимо приведенного, служит следующее.

Когда невеста идет в церковь, то вместе с ней садится и ее сопровождает ее брат, который и бывает почти всегда ее дружкой.

Точно так же в факте запирания ворот перед посланным жениха доминирующую роль защитника играет также брат.

А при патриархате, как известно, самыми близкими лицами к женщине являются ее дядя по матери и брат.

Далее, когда у родителей одна дочь и нет сыновей, зыряне обыкновенно не выдают ее замуж, а берут к себе в дом зятя, и интересно то, что зять этот обыкновенно теряет свою фамилию и получает фамилию жены. Нам лично известно, что этот обычай существует в д.Римья, Жешарте, Межоге, Гаме и т.д. Так, в Римье Иван Коковкин, войдя в дом Никиты Римских, получил фамилию Римских. Характерно и слово, которым обозначается этот обычай. Зыряне говорят: "пыртны", т.е. крестить.

Эта перемена фамилии символически обозначает, как верно замечает Смирнов, что зять "по отношению к своим детям значит ровно столько, сколько любовник незамужней девушки, так как и там дети величаются по отцу матери". (Смирнов. "Пермяки", стр.215.)

Все это вместе взятое дает некоторое основание говорить о счете родства по матери, о браке путем умыкания и о некогда пройденной ступени коммунального брака, хотя, повторяем, необходимы еще новые исследования для окончательного решения этих проблем.

Но верность наших положений подтверждается помимо всего тем, что зыряне в других областях (в области религиозных верований) следовали общему ходу развития всех народов, а раз это так, то область брачных отношений не должна представлять исключения.

II

В связи со сказанным мы считаем необходимым коснуться и рассмотреть одну небольшую работу В.Налимова, посвященную исследованию этого же вопроса и недавно напечатанную в "Журнале финно-угорского научного общества". Эта статья: "К вопросу о первоначальных половых отношениях у зырян" касается этого вопроса несколько с иной стороны. Автор, замечая о полной неразработанности этого вопроса, в то же время скептически относится к методу Смирнова и пытается показать, что утверждения многих современных ученых (Смирнова, Попова, Харузина) о полной свободе половых отношений пермяков и зырян — неверны, ибо у "зырян оказывается своя собственная половая мораль, которая регулирует и регулировала отношения полов между собою".

Нам лично обвинение указанных ученых в том, что они понимают первобытный гетеризм в смысле "отсутствия всяких ограничений и норм", кажется недоразумением. Как Харузин и Смирнов, так и любой из современных этнографов под именем гетеризма понимает групповой брак с более или менее широкой свободой брачных отношений, но не абсолютной свободой. Этнография едва ли может указать хоть один случай, где бы брак не ограничивался какими-нибудь нормами.

У тех же первобытных австралийцев, по исследованиям Б.Спенсера и Гиллена, или у камилароев, по исследованию Фейсона, брачные отношения могут быть между мужчинами и женщинами разных половин (у камилароев, делящихся на кумитов и кроков, кумитки с кроком и обратно), но недопустимы брачные отношения между мужчинами и женщинами одной половины, где женщины считаются "сестрами" мужчин. На 37 стр. "Этнографии" (II вып. Петерб. 1903) Харузин ясно говорит о делении первобытных народов на классы по возрасту и это деление считает регулирующим принципом половых отношений первобытных народов.

Точно так же обвинять Смирнова как сторонника абсолютно свободного брака в первобытном обществе — не приходится. Ни тот, ни другой в этом не виноваты, а если и виноваты в чем, так это в том, что они, может быть, пропустили важный принцип, который значительно ограничивает свободу половых отношений. В сущности, так и приходится понимать автора.

В дальнейшем г.Налимов, исходя из того факта, что при половых сношениях развивается, по воззрению зырян, особая погань (нечистота) "пеж", которая, по их верованиям, проявляется через вредное свойство для людей (*fur den menschen schadliche Eigenschaften auszeichnet*), следит за тем, как влияет это верование на половые отношения в различных случаях.

Так, охотники на охоте не должны думать о женщине и вообще о половых сношениях. То же самое должны соблюдать и на рыбной ловле: иначе охота и ловля будут безуспешны. Перед охотой и рыбной ловлей должны они очиститься от "пеж" путем умывания в бане. Женщины после половых сношений тоже считаются нечистыми и должны, например, перед печением хлеба тоже подвергнуться особому обряду очищения, путем опускания горячих угольев через воротник рубашки, иначе они могут заразить других "пеж"ом, а заражение всегда влечет за собой потерю силы и способностей у мужчины, здоровья у детей, чутья у собаки и т.д. (Там же, стр. 3—9.)

Вообще перед всякой работой для ее успешности необходимо очиститься и мужчине и женщине. (Там же, стр. 9—10.)

В результате этого анализа он приходит к выводу, что "половые отношения, по верованию зырян, вредны для них и для других".

Дальше автор говорит, что до известной степени носительницей этого "пеж" является женщина определенного возраста, помогающая родам и режущая пуповину новорожденного ребенка (gegin.) Она тоже становится нечистой и должна очистить себя омовением, иначе ребенок будет нездоров и т.д.

Автор указывает, что эти сведения собраны главным образом в 4-х селах. Мы не можем сказать, что они там не существуют, но зато мы можем сказать, что большинство примеров автора по Выгегде вплоть до Усть-Сысольска не подтверждается.

Никаких специальных омовений перед рыбной ловлей и охотой с целью очиститься от "пеж"а население не производит, сети и тенета плетут женщины, в рыбной ловле участвуют главным образом тоже женщины (а автор говорит, что им даже не позволяют касаться тенет и сетей), точно так же нет ничего, что указывало бы на очищение себя от "пеж"а перед посевом, или что женщине запрещается входить в хмельной огород, или будто бы она очищается через пропускание углей за воротник рубашки. В большинстве случаев факты, указанные г.Налимовым, не наблюдаются, а если они действительно и есть в указанных автором местах, то, значит, единичны и общим правилом быть не могут.

Далее, уже по самой своей сущности этот "пеж" не может служить никаким регулирующим принципом.

"Пеж" вообще обозначает погань, нечистоту. Так зыряне называют ящерицу "пежгар" (поганый червь), все нечистое тоже называют "пеж", и сам автор на 26 стр. говорит, что зыряне верят, что "пеж" находится и в стоячей воде, откуда человек также может заразиться. Следовательно, "пеж" не есть что-нибудь специфически свойственное половым сношениям, а вообще все нечистое, и, как нечистое, оно, конечно, вредно отзывается на здоровье. Но причем же тут, спросим мы, половые сношения? какое отношение имеет нечистота стоячей воды к регулированию половых отношений? Какая тут общая связь и причем тут сексуальная мораль?

Никакой связи нет, а поэтому делать вообще понятия о нечистоте каким-то регулятором половых сношений и возводить понятия о нечистоте в какую-то сексуальную мораль, по меньшей мере, нелогично.

Вообще, поскольку г.Налимов преследует эту задачу, постольку его работа кажется нам неудачной.

Наиболее ценными являются те страницы, где автор мимоходом, на основании наблюдений о роли отца, крестных родителей и матери, которую они играют при сватанье невесты, при крестинах и вообще при других важных обрядах, приходит к предположению, что у зырян некогда, вероятно, существовал матриархат (там же, стр. 23, 24).

Любопытны также замечания (помимо теории "пеж"а) относительно тех взаимных отношений, в которых должны быть крестные родители, мать и отец новорожденного и которые отчасти говорят в пользу существования экзогамии у зырян (там же, стр.25).

Но целиком взятую статью и метод, которым пользуется автор, приходится признать несравненно менее удачными, чем работы и метод Смирнова, основанный на данных языка.

СОВРЕМЕННЫЕ ЗЫРЯНЕ

Известия Архангельского общества изучения Русского Севера 1911 г. № 18, стр.525—536; № 22, стр.811—820; №23, стр.876—885; № 24, стр.941—949

Хотя зыряне живут у нас под боком, однако, едва ли мы много знаем о них. Во всяком случае, широкая публика если и слыхала о них, то общая черта всех этих распространенных представлений о зырянах та, что зыряне рисуются народом отсталым, полудиким и даже чуть ли не дикарями. И книги о зырянах, по крайней мере те, которые наиболее распространены, рисуют сплошь и рядом зырян в том же роде и виде. (Примеры: Александров, Бессонов, Шергин и др.) Если иногда авторы таких книг кое-что ценное и вообще культурное заметят, то нет меры их удивлению.

Между тем, если внимательно рассмотреть жизнь зырян, то окажется, что культурные "островки или исключения" находятся в тесной связи с другими сторонами их жизни и быта и являются вовсе не исключениями, а общим правилом.

Указанному выше представлению о зырянах немало способствовало и то обстоятельство, что раньше наиболее распространенными статьями и книгами о зырянах были книги людей, тоже мало и поверхностно знакомыми с зырянами и их жизнью. (Засодимский, Круглов и др.)

Все это вместе взятое и рассказы случайно попавших к ним туристов и "проезжающих" и явилось причиной общераспространенного представления о зырянах. А это представление попало в учебники географии и отсюда пошло гулять по белу свету. В личных разговорах мне сплошь и рядом приходилось удивлять собеседников (особенно из других губерний), когда, выслушав их представления о зырянах, я выпаивал им в ответ, что они совершенно неверно представляют себе зырян, и добавлял, что зыряне третий народ по грамотности в России: первыми идут немцы, вторыми — евреи, и затем зыряне.

Этому немало удивится, вероятно, и читатель, только слышавший о зырянах или читавший о них рассказы в "ходовых" книгах.

Но удивлять никого я не собираюсь, а просто хочу дать объективный очерк их современной жизни и быта, кроме воспроизведения их жизни, насколько возможно, соответствующего действительности. Из названия статьи видно, что я буду говорить только о том, что теперь есть, игнорируя вообще прошлое.

I

Географические границы и число зырян

Современные зыряне населяют бассейны рек: Вычегды с притоками — Вымь, Локчим, Сысола, а также Луза, Летка, Мезень и Вашка, Печора и Ижма. По Вычегде зыряне живут начиная с с.Межог, находящегося на 21 версте выше Яренска по р.Вычегде. Одна половина села говорит по-русски, другая — по-зырянски. Естественной границей служит ручей, протекающий среди села. Дальше Вычегды вплоть до самых верховьев занята зырянами. Только в Усть-Выми в Серегове население говорит полурусским, полузырянским языком, вроде: "Из церкви-то народ — от как "гез" (гез — веревка) идет". (Это объясняется тем, что село Усть-Вымь — Емдин в древности было центром и религиозным и политическим у зырян; была епископская кафедра — следовательно, много русских; в Серегове же причиной этого является существование завода и большого количества чиновников.)

Притоки Вычегды — Вымь, Сысола и другие более мелкие — сплошь заняты зырянами.

По Печоре зыряне живут, начиная с Порога до Усть-Цильмы. Приток Печоры Ижма также населен зырянами. По Мезени и по Вашке зыряне живут с верховьев до с. "Радожска" по первой и до с. "Коптюги" — по второй.

По р. Лузе — с верховьев до Спаспоруба, где одна половина зырянская, другая — русская.

Восточной границей служат Уральские горы. (Эти данные частью заимствованы из брошюры К.Ф. Жакова "К вопросу о составе населения в восточной части Вологодской губернии.") Число зырян, на основании последней переписи, К.Ф. Жаков определяет в 148 тыс.; в Вологодской губернии 114 тысяч, Архангельской — 23 тыс., Тобольской — 7 тыс. и Пермской 4 тысячи.

Теперь, конечно, благодаря росту населения, это число приходится увеличить. К.Ф. Жаков считает число зырян доходящим до 180 тысяч.

II

Поселение и жилище зырян

Большинство зырянских селений расположилось по берегам рек и речек. Это само собой понятно: в прошлом реки были главными и единственными путями сообщения, поэтому, естественно, население располагалось вдоль рек. Даже и теперь в некоторых местах, как, например, на Печоре и на Урале (по Мезени и Вашке), реки являются единственными путями сообщения летом.

Располагаясь вдоль рек, зырянские поселения ("сикт"), благодаря разрастанию отдельных поселков, обычно находившихся близко друг от друга, разрослись в многочисленные, вытянутые по обе стороны дороги, иногда на несколько верст, селения. Примерами таких селений, растянувшихся на несколько верст (с очень небольшими перерывами), могут служить в Яренском уезде с. Межог, Жешарт, ("Зёвсьёрт"), Гам, Айкино, Палевицы и др., в Усть-Сысольском — с. Иб, Визинга, Межадор, Усть-Немское и др. Обычно в таких крупных селах дома располагаются вдоль дороги по обе стороны в два, три ряда.

Таков характер наиболее крупных селений.

Но, помимо этого, есть, конечно, селения, совершенно беспорядочно составленные. Дома осели без всякого поряд-

ка. Улицы идут и вправо и влево и вообще во все стороны. Примерами таких поселений могут служить селения по Межени и Вашке (например, Ертом, Важгорт, Буткан и др..)

Скученность домов в одном месте — самая характерная черта зырянских поселений.

Результатом этого является значительное расстояние одного села от другого. Средней величиной такого расстояния можно приблизительно назвать 15 верст. Расстояние от Межога до Жешарта — 10 верст, от Жешарта до Гама — 10 верст. Вообще, в низовьях Вычегды это расстояние меньше. Тогда как на Удоре, например, это расстояние уже значительно больше. От Буткана до Глотова (зимой) 25 верст (летом по воде 45 верст), до Кослана — 15 верст, от Кослана до Разгорта 15 верст, от Разгорта до Вендинги — 40 верст и дальше по Вашке село от села находится в среднем на расстоянии 20—25 верст. На таком же приблизительно расстоянии находятся поселения и по реке Сыsole.

По Печоре это расстояние еще больше. Конечно, на Удоре, например, и по Сыsole около села обычно находится ряд деревенок на расстоянии 2, 3, 5 верст, и указанные мной величины приходится считать от одного села с деревеньками до другого, тоже с кольцом прилегающих к нему поселков.

Все зырянские поселения (сикт), которые растянуты в линию вдоль реки, обычно делятся на "верхний конец" (катыдпом) и "нижний конец" (кывтыдпом.) А части селения, находящиеся несколько верст в стороне от главной линии, носят название "грезда". Центральная часть села, прилегающая к церкви, называется словом "вичкодор" (вичко — церковь, дор — место, край, около) или же просто "погост". Помимо этого, отдельные части селения носят названия или имени его основателя или ручья, или просто нагорное место ("кырвыв") или подгорное место ("кырув").

Около каждого поселка тесным кольцом расположились пашни. Что касается покосов, то понятно, что они расположились вдоль рек и речек.

Когда подъезжаешь к селу, то лес, тянувшийся по обе стороны дороги, обычно сменяется пашнями, причем все пашни обычно со всех сторон окружены огородами, так как скот пасется совершенно свободно — без пастуха.

Переходя к описанию самих жилищ, необходимо снова указать на то, что дом (керка) от дома находится на самом близком расстоянии.

Л.Рума дает для верхневыхегодских поселений такую таблицу скученности населения:

Названия обществ и районов	Площадь усадебной и приусадебной земли на 1 двор в десят.	Число жителей обоого пола на 1 десят. усад. земли
Усть-Куломское	0,247	23,1
Усть-Немское	0,156	37,4
Мыединское	0,155	40,1
Пожегодское 0,329	11,3	
Помоздинское	0,412	22,4
Селения по реке Ижме	0.543	14,1
По району	0,394	19,5

Таким образом, "на усадебную землю вместе с улицей, церковью и церковными домами, школою, волостными управлениями и т.п. приходится в среднем на 1 двор 0,394 десятины или 935 кв. саженей". Несомненно, продолжает Л.Рума, что такая усадьба была вполне достаточна для среднего крестьянского хозяйства, но в том-то и дело, что большая часть этой площади падает на долю улиц, переулков между домами и т.п., а усадьба в большинстве случаев ограничивается лишь изолированно стоящим домом". (Итоги экономического исследования крестьянского населения Усть-Сысольского уезда Вологодской губернии. Пермь, 1903.)

В других районах цифры приблизительно должны быть те же. Указанный г.Рума факт небольшого количества усадебной земли — явление повсеместное среди зырян. Обычно на небольшом пространстве усадебной земли, находящейся около или сзади дома, разводится картофель, лук, редька, "галанка", капуста.

Зырянский дом не соединяется с другим никакими заборами, а стоит рядом со всеми хозяйственными постройками.

III Жилище

Наиболее распространенным типом зырянского дома (керка) является следующий: большое здание, сколоченное из прочных массивных бревен, обычно сенями делится на две

половины, одна из которых является жильем летним, другая — зимним. Другая же половина дома в вертикальном разрезе делится на два этажа: внизу устраивается помещение для скота (лошадей, коров, овец, поросенка и т.д.,верху же устраивается сеновал и "кум" (клеть.) Точно так же и первая половина дома в вертикальном разрезе делится также на две половины:верху — изба, внизу так называемый "голбец". Сени обычно делаются просторными и широкими.

Входят через крыльцо сначала в сени, а оттуда уже в избу через одностворчатую прочную массивную дверь.

Под сенями же обычно устраивается помещение для овец или поросят. Иногда же "гид" делается во второй половине дома под поветью. Что же касается самой внутренней избы, то она, в общем, такова: если войти в избу, то налево (или направо) от дверей находится русская печь, на другой стороне под потолком находятся "полати", место спанья по зимам, а также своего рода место для постели, подушек, повседневной одежды и т.д. Против дверей находится передний угол, занятый иконами. Тут же находится и стол. Около потолка над лавками, приблизительно на рост человека от пола, вдоль стен тянутся полки (джадж), служащие местом для ножей, различных чашек, лампы, предметов шитья и т.д.

Это все, своего рода, парадная часть избы. От нее отделяется вторая часть — "иньпöв" (половина женщины), находящаяся против печки. На уровне полок обыкновенно проходит брус (сёр) от стены, противоположной отверстию печки, идущий к печке ("сёр"а.) К этому "сёр"у прикрепляется спускающийся до полу "занавес" (иногда делается досчатая перегородка), делящий всю избу на две половины. Перпендикулярно к этому "сёр"у идут два других бруса, предназначенные для хранения лопат, сухих поленьев (для растопки), ухвата и пр.

В этой же половине, у стены, находится "залавка" — особого рода простой шкаф, двери которого состоят из одной доски. В "залавке" находятся обычно чашки, горшки, ложки и пр.

Между стеной и печкой находятся двери, ведущие в подполье — "гöбöч". Голбец служит для хранения молока, картофеля, галанки и пр.

Вот главная часть зырянской избы.

Что же касается ее украшений, то таковыми являются иконы, зеркало и различные, большей частью лубочные кар-

тины: то эпизоды из войны, то портреты генералов, то картины в роде "как мыши кота хоронили" или портреты красавиц. Изредка мне приходилось встречать картины и более высокого качества: встречал даже гравюры с картин Тициана, Рафаэля и Рембрандта. К числу украшений же относятся и различные фотографические карточки, а также просто вырванные листы из иллюстрированных журналов и отрывной календарь.

Во второй половине дома, наверху, находится поветь — "посйыв". Она обычно очень большая и ход к ней делается с задней стороны дома — это так называемый "звöz". По этому "звозу" зырянин ввозит прямо на "поветь" воз сена и там его сваливает. Здесь же хранятся различные рыболовные снаряды ("ветель", морда — "гымга" и др.), а также сани и т.п.

На "повети" делается дыра или две, через которые и спускается прямо в стойло сено и солома скоту.

Тут же на повети делается обычно особый сруб, так называемый "кум" — клеть. "Кум" служит для хранения платья (особенно праздничного), холста, полотенец, более дорогих предметов украшения и вообще домашнего обихода.

Все эти части дома, собранные и сколоченные из прочных массивных бревен, большей частью без всякой распиловки покрываются двускатной и плоской крышей из толстого и тоже массивного теса.

Богатство леса и его дешевизна не заставляют особенно церемониться и хитрить для того, чтобы получить из одного дерева возможно больше пользы. Этим и объясняется, например, такой факт, что и для потолка ("йирк") зыряне употребляют целые обделанные бревна, а не распиливают их хотя бы на две части.

Входом служит крыльцо, иногда довольно красивое и сложное, так называемое крытое крыльцо (вевта крыльче.)

Что же касается окон, то в данный момент тут царит большое разнообразие — так что общий тип трудно определить. Более новые дома строятся с большими, правильно расположенными окнами; постарее — с одним большим окном посредине стены и с двумя или с одним маленьким по бокам этого окна; еще более старые дома — имеют маленькие окна, расположенные по одной линии, и одно окно несколько выше (например, в Усть-Сысольском уезде), приходящееся как раз

над печкой, где по зимам население работает (прядут, шьют) и отдыхает. Но таких домов осталось уже очень мало. Как видите, по форме и расположению окон можно изучать историю архитектуры у зырян.

Вообще к сказанному о зырянском доме необходимо прибавить, что это приблизительно общий тип дома.

Изменение строительства у зырян идет страшно быстро, обуславливаемое особой предприимчивостью зырян. За каких-нибудь два-три года деревни Римья и Жешарт, например, значительно переменились. Появилось очень много домов с резьбой, с балконами, с "горницами", на окнах появились занавески, цветы и т.д. — вообще выросло очень много более изящных, удобных и комфортных домов. То же самое наблюдается и на Удоре. Там (по Вашке особенно) большая часть домов оказалась, вопреки моему ожиданию, домами культурными, то есть с "чистыми" комнатами, большими окнами.

"Когда я приехал сюда, — рассказывал мне важгортский священник отец Феодосий Колмаков, — а это было лет 10-15 назад, то комнаты были низкие, с маленькими окнами. И вот, выстроили мне дом, по моему плану. Сначала мне говорили, что я озябну зимой с такой высотой и с такими большими окнами в комнате, но когда убедились, что это неверно — все принялись строить по моему образцу, и вот теперь видите, дома — хоть куда".

Ту же быстроту смены одних форм быта на новые, более удобные, мы видим и во всем. Например, более ранние описатели зырян (Засодимский и др.) говорят о "курных" избах, и я сам еще помню их — теперь от них осталось "одно воспоминание". В этом убедимся и при описании других сторон.

К каждому дому примыкает ряд хозяйственных построек: баня, до которой зыряне большие любители, погреб — для хранения рыбы, мяса, молока и т.д., амбар — для хранения жита, "вирич" — для рассадки капусты и овин (рыныш.) Таковы в кратких чертах поселения и жилища зырян. Сравнивая их с русскими поселениями, например в Устюгском, Сольвычегодском и Яренском уездах, нужно сказать, что во всяком случае в настоящее время в смысле культурности, удобства и чистоты они едва ли уступят русским поселениям.

IV

Одежда, утварь и украшения зырян

При описании этой стороны быта встречаемся с тем же характерным явлением переходной эпохи, которое я только что указал. Идешь по зырянскому селу и видишь, с одной стороны, — молодого парня в "пиньжаке", брюки навыпуск, в калошах, при часах и с папиросой в зубах, с другой стороны — седовласого "патриарха" в "поддевке" или просто в холщовой рубашке и холщовых портах, на голове — самодельная шляпа или порыжевший картуз-блин, и босиком. Поэтому, для удобства описания, я прежде всего разделю одежду на мужскую и женскую, а затем уже расчленю каждую группу на подгруппы более древние и более новые, обыденные и праздничные и т.д.

Мужская одежда. В очень недалеком прошлом почти вся одежда делалась из домотканого холста (дõра), производство которого было необходимым занятием каждой хозяйки. Существовал и существует еще целый ряд орудий этого производства: "козив" — прялка, "стан", "ректан" и т.д. Холст ткался грубый и мягкий, ткалась разноцветная "пестрядь", существовали особые красильни, в которых холст красился в черно-синий цвет с различными затейливыми узорами; девицы ткали себе вышивки (очень сложные и красивые) для полотенец и т.д.

Теперь это производство быстро упало. Как будничная, так и праздничная одежда выделяется почти вся из ситца и других фабричных материй; рубашка ситцевая, "пиньжак" — либо из материи, либо из сукна, штаны — то же самое: лишь во время какой-нибудь грязной работы надеваются "порты" из грубого холста.

Одним словом — праздничный костюм совершенно ничем не отличается от обыкновенного "культурного" костюма. Таково, по крайней мере, положение дел по Сыsole, по Мезени, Вашке и Вычегде, особенно в низовье.

По Сыsole, где население занимается портняжным ремеслом, весь костюм шит изящно и из довольно дорогих материй. Вообще, шить праздничный костюм из довольно дорогого сукна — особенно для молодежи — это теперь вошло в моду и обычай.

Тот же костюм, но уже поношенный, постаревший, служит обычно и будничным костюмом; исключение из этого составляет костюм во время грязных работ и вообще работ,

требующих хорошей защиты от воды и холода, как, например, во время охоты.

Тогда употребляется более древний и более "зырянский" костюм. На ноги одеваются доходящие до пояса сапоги — "бахилы", отгибающиеся вниз и перевязывающиеся ремнями для того, чтобы вода не могла проникнуть внутрь. Ноги обертываются тряпками ("нямёд"). Надевается пара штанов ("гач") из грубого холста или же верхние штаны из домашнего сукна. На рубашку надевается кафтан (вычегодское "сукман", удорское "дукёс" (тоже из домотканого сукна. Сверху "дукёс"а надевается "лаз" (или "луз") — это род мешка с отверстием для головы, свешивающегося спереди и сзади и представляющего поэтому очень удобный мешок (спереди и сзади), куда кладется табак, хлеб и пр.

На плечах "луз" обыкновенно покрыт кожей и предохраняет таким образом и "дукёс" и рубашку ("дөрём") от смачивания.

Вокруг шеи обматывается шарф, а на голову надевается самодельная шляпа.

Зимой костюм в сущности тот же, только "дукёс" делается шубный и представляет простой полушубок. На ноги одеваются "катанки" (вычегодское — "валеги", удорское — "упаки").

Только на Удоре и на Печоре сохранилась еще малица — шуба из оленьих шкур с шапкой и рукавицами, и "пимы" — сапоги тоже из оленьих шкур. На Урале же сохранилась еще шапка — "долгоушка".

Зимнее "пальто" также весьма распространены и быстро вытесняют полушубки.

Такова в кратких чертах мужская одежда зырян.

Женская одежда. То, что было сказано о мужской одежде, приходится сказать и о женской, т.е. здесь мы видим ту же быструю замену холщовой одежды фабричной материей и ситцем... Специальных одежд, чем либо резко отличающихся от обычного русского женского костюма — нет. Та же рубашка (дөрём), сарафан (шушун, удорское "кунтэй"), зобка — кофточка (ситцевая или шелковая), верхняя кофточка — теплая, башмаки (тюпель) или в худших случаях — коты (туфли кожаные с чулками), на голове платок (чышъян, удорское "от") и пр.

Праздничный костюм более пышный и дорогой, из кашемира, шелка и других более дорогих материй, будничный — более дешевый или тот же поношенный праздничный, частью холщовый.

Необходимо при этом заметить, что по Вычегде и Сысоле уже вошли в употребление в праздники такие вещи, как лифчики, зонтики, ридикюли, реже всевозможные ожерелья. А на Удоре, у молодых, более зажиточных девиц, практикуется нередко даже и пудра (с.Важгорт.)

Вообще, молодые девушки одеваются почти везде "на городской манер".

Только на Удоре сохранился еще особый парчовый костюм у молодых девушек, надеваемый в праздничные дни с соответствующим головным украшением ("ленточка", женское "дорасьом"). Костюм чрезвычайно пышный, яркий и недешевый.

Что же касается утвари, то в ней почти нет ничего такого, чтобы резко отличалось от домашней утвари русских крестьян. Те же горшки, чашки, ложки, кадки, самовар (кстати сказать, имеющийся почти в каждом доме), более редко — машина Зингера и т.д. и т.п.

Как нечто своеобразное могут быть упомянуты солонки, выдалбливаемые из дерева в виде утки, и пивные чашки, также выдалбливаемые из огромных наростов на березе в виде тех кораблей, какие рисуются в иллюстрациях к сказкам "Садко".

Не так давно еще вместо лампы в зимние вечера горела лучина ("сартас") и поэтому были специальные железные прутья с крючком на одном конце, привешиваемые к полке и расщепленные в виде стрелки на другом ("бипеш"), в эти расщепы и становилась лучина — но теперь все это совсем исчезло, и лучина сменилась керосиновой лампой.

Можно еще упомянуть о так называемом "бива көрт", употребляющемся охотниками отчасти и теперь еще вместо спичек в виде того, что спички на охоте могут промокнуть, а "бива көрт" воды не боится.

"Бива көрт" — инструмент для добывания огня — представляет собой железную, согнутую в виде буквы "С" вещь, которой ударяют о камень, на который, в свою очередь, кладется кусочек высушенного березового гриба (биатшак: би — огонь, тшак — гриб, көрт — железо.) От удара о камень получают искры, искра, попав на гриб, зажигает его. Здесь же можно упомянуть о ступе "гыр" и песте "тоин". Ступа, высоты аршин с лишним, делается из березы, и пест, аршина в два с половиной, оканчивается железным наконечником, служат домашней ручной мельницей.

Об украшениях говорить много не приходится. Часть их я уже упомянул при описании одежды, а о других каких-нибудь "особенных" украшениях говорить нечего. Можно здесь лишь упомянуть о довольно сложных разноцветных, тканых узорах на полотенце, имеющих иногда ширину двух и даже трех четвертей, об аналогичных же тканых узорах на подолах рубашек, главным образом ночных женских "дөрөм мыг", и о подобных же наплечниках, пришиваемых к той же рубашке, о разноцветной "пестряди", употребляющейся для рубашек, для половников, для наволочек и т.д.

Остальные украшения ничего типичного не включают в себе — это обыкновенные перстни, кольца, реже браслеты, ожерелье, часы, кружева на праздничных платьях и т.д. и т.п.

Подводя итоги сказанному в этой главе, мы опять видим, что ничего такого, что говорило бы о чем-нибудь "полудиком", не встречаем, а, напротив, придется, пожалуй, сказать, что по дороговизне (кой-где, например, на Сысоле) и по изяществу одежды и украшений зыряне опередили русское крестьянство, хотя бы в той же Вологодской губернии...

V

Пища

Я думаю, что не будет ошибкой, если я скажу, что зырянин питается в общем лучше, чем огромное большинство русского крестьянства. К этому выводу приводит очень небольшое размышление: во-первых, хотя излишки земли у зырянина и нет, но все же он стеснен гораздо меньше в земле, чем крестьяне других губерний. Прежде всего, здесь почти совсем нет помещичьих земель, так как не было крепостного права, затем имеется налицо громадная площадь незанятых земель, которая может так или иначе утилизироваться населением. Правда, на Удоре, например, хлеба никому не хватает, но зато могут его, благодаря другим промыслам, покупать. Прибавьте к этому то, что зырянин по природе своей охотник и рыбовод, а следовательно, и помимо домашнего скота имеет возможность есть мясо зайцев, дичи, рыбы и т.д. — и мое утверждение станет допустимым и даже необходимым.

Из различных районов всего лучше питаются зыряне, пожалуй, на Печоре, по крайней мере в с.Троицко-Печорском,

и на Удоре. Это объясняется тем, что охота и рыболовство имеют здесь пока большее значение, чем в других местах: здесь больше еще дичи и зверья в лесах и рыбы в реках. Такие "деликатесы", как семга, — не особенно редкое явление в пище местного населения.

Вообще, мясо и рыба в том или ином виде входят в повседневную пищу зырянина. Помимо рыбы, изловленной самим населением, оно питается и привозной рыбой: треской, сайрой, сельдями и пр. Местной же рыбой являются: щуки, лещи; кое-где, отчасти семга, подъязки, мелкая плотва и т.д. Мясо медведя, несмотря на его вкус, зырянами в пищу не употребляется и вообще считается поганым ("сӧс", "пеж"). Даже жир медведя употребляется только для смазки тележных колес.

Затем, помимо охоты и рыболовства, мясо доставляет и домашний скот.

Из других видов пищи следует отметить молоко в различных видах, картофель, капусту, "галанку" и различные кушанья из муки и жита на молоке и масле.

Обычный обед и ужин состоят приблизительно не менее чем из 3-х, 4-х блюд. Сначала идет пирог с рыбой ("черинянь"), а затем щи с мясом ("яя шыд"), потом жареный картофель или что-нибудь иное и под конец молоко. Иногда рыбы, конечно, и не бывает, когда же нет мяса, то щи заменяются так называемыми щами ("йӧла шыд"), состоящими из толченого ячменя, сваренного на воде, молоке и сметане.

Ест зырянин обычно 3 раза: сначала утром обед, потом "пажын" и вечером ужин.

Помимо всего этого, теперь повсюду вошел в употребление чай. Особенно богат бывает стол зырянина во время праздников, свадеб, поминок и вообще в экстраординарных случаях.

В этих случаях предварительно варится пиво ("сур"), не лишенное вкуса и напоминающее по вкусу и густоте отчасти портер. Пекутся, как и вообще в праздничные дни, пироги, "шаньги", всевозможные колобы и пр. Число блюд здесь обыкновенно бывает очень велико. Позволю привести теперь виденное мной в настоящей этнографической поездке "меню" обеда в храмовый праздник в деревне Римье...

Когда гости собрались, то их угощали сначала пивом и водкой, затем пошел чай с калачами и, наконец, обед.

Когда гости сели за стол, весь заваленный шаньгами и пирогами, был подан пирог с лещом, потом пирог со щукой, затем по

очереди следовали: щи из соленой говядины, щи из свежего мяса, жаркое из утки, зажаренное легкое, картофель, зажаренный в молоке и сметане, зажаренный в сметане "выйсук" (зажаренная смесь муки и масла), "сладкий пирог" и, наконец, молоко.

Это было не в исключительно богатом доме, а у среднего крестьянина. Во время свадеб стол бывает обычно еще более богатым и разнообразным. Если праздник случится в постный день, то подается на стол десяток различных блюд из различной рыбы.

Из напитков, помимо чая, пива, водки, употребляется в широких размерах квас (сюкось.)

Из сказанного видно, что, в общем, пища зырянина более или менее удовлетворительная.

Конечно, бывают отдельные исключения, когда почему-либо часть населения бедствует и обычно отдельные семьи, где пища вообще чрезвычайно скудна, но так как я имею в виду общее, то всякие исключения и частности, естественно, мной игнорируются.

Говоря о пище, скажу еще пару слов о "чистых" и "нечистых" животных. К числу нечистых животных, как уже выше я отметил, зыряне относят медведя, а кое-где и зайца. Еще более нечистыми считаются мышь и крыса. Если мышь упадет в крынку, колодец или кадку, то последние, по мнению зырян, делаются нечистыми ("пеж", "сӧс"), и необходима молитва священника, чтобы сделать их снова чистыми. Мне самому приходилось видеть, как выливалась целая кадка пива единственно потому, что туда попала мышь.

Нечистой считается и всякая пища, если к ней прикасалась или обнюхала собака и кошка.

Но самым нечистым считается ящерица ("пежгаг" — нечистый червяк, вычегодское — "дзодзув".) Зырянин боится ящерицы и ни за что не возьмет ее в руки. Есть даже поверье: если ящерица пройдет по ноге, то нога будет гнить.

Из птиц по различным мотивам не употребляются в пищу голуби, галки, воробьи, вороны, стрижи, кукушки.

Необходимо к сказанному добавить еще то, что кое-где и теперь еще (частью на Выми, частью на Удоре) зыряне любят есть рыбу соленую и несколько протухшую — "с запашком".

VI

Занятия и промыслы зырян

Земледелие

Земледелие играет в жизни зырян основную, хотя и неисключительную роль. Почти все зырянские селения принадлежат к смешанному земледельчески-промысловому типу. Для некоторых волостей имеются приблизительные данные, указывающие на процент дохода, который дает земледелие в общем бюджете крестьянина. Приведем для примера эти данные:

Названия обществ	Процент по общему доходу от	
	Земледелия	Промыслов
Усть-Куломское	51,89	42,17
Усть-Немское	40,22	56,11
Мыединское	49,37	49,36
Пожегодское	49,21	49,36
Помоздинское	58,26	38,71
Селения по реке Ижме	52,36	40,39
По району	51,76	40,38

Из приведенной таблицы видно, что по всему Верхне-Вычегодскому району земледелие играет все же главную роль, тогда как если рассматривать табличку по волостям, то видно, что в некоторых волостях (например, в Усть-Немском) промыслы дают 56,11% общего дохода.

Доминирующую, но опять-таки не исключительную роль играет земледелие и в Сырьских, и Верхне-Вычегодских волостях. (См. историко-статистический очерк зырян К. Жакова, стр. 73—74 и 55.)

На Печоре земледелие играет совершенно незначительную роль. Значительную роль играет земледелие на Удоре (по Мезени и Вашке), хотя и здесь хлеба часто замерзают.

Из сказанного само собой ясно, что прокормиться одним земледелием население совершенно не может и что промыслы в его жизни играют роль чрезвычайно важную.

Это станет еще более ясным, если принять во внимание уже не раз приведенные мной цифровые данные относительно

того, насколько население обеспечено своим хлебом и сеном. Эти данные для Сысольских волостей говорили, что процент дворов, обходящихся своим хлебом и сеном, гораздо ниже 50% и даже 40% (см. "Известия" за 1910 г. № 12 и за 1911 г. №№ 8, 9, 11).

Этот недостаток приходится пополнять покупным хлебом, а последнее возможно только тогда, когда имеются налицо промыслы, дающие значительный процент дохода.

Переходя к краткому описанию земледелия, я сперва остановлюсь на организации самого земледельческого хозяйства.

Земельная община, которая — как это доказали Кочаровский, А.Кауфман и др. — имеет свои причины возникновения, появляется, достигает полного развития и затем постепенно падает (см. Кочаровский "Русская община", Кауфман — "Община в процессе ее возникновения и развития"), среди зырян представляет и теперь еще вполне жизненное явление. Кое-где она еще вступает в первые периоды своего развития, а где-то уже достигла высших ступеней своей истории.

Как известно, критерием высоты ее развития может служить та или иная близость к полному уравнительному землепользованию.

А это последнее, в свою очередь, обнаруживается в той или иной системе переделов. Каковы же переделы в различных зырянских общинах, приведу примеры.

Прежде всего, мы имеем здесь налицо так называемые простые общины, где разверстка земли производится между крестьянами одного селения, и сложные общины, где передел происходит между группой селений.

Те и другие могут быть полными, т.е. подвергаются переделу и земля и сенокос, и неполные, т.е. переделывающие только или пахотную землю или сенокос. Последние общины бывают почти исключительно в сложных общинах, где подвергаются переделу только сенокосные угодья.

Общины всех указанных типов встречаются и по Вычегде, и по Сыsole, и по Мезени, и по Вашке (см. К.Жаков. Историко-статистический очерк зырянского населения в трудах Печорской экспедиции. Т.I, стр.26. "Итоги" Т.III. стр.10, а также Большаков М.А. "Община у зырян", а затем работы В.Ф.Попова. Относительно Мезени и Вашки сведения добыты лично мной в теперешнюю этнографическую поездку).

Переходя к переделам, мы встречаемся с такими типами их: по Сыsole имеем налицо волости, где общинная жизнь

еще только в зародыше (Киберская, Ибская и Котогорская), и волости, где она уже значительно выше (Вотчинская, Визингская и Воронцовская). В первых трех волостях единицей передела служит ревизская платежная душа и настоящих переделов до 1907 — 1908 гг. не было еще, а был только обмер земли с целью раскладки по числу ревизских душ денежных и натуральных повинностей.

В остальных же волостях единицей передела является уже едок. Соответственно числу едоков в семье раскладывается соответствующее количество земли, причем, например в Вотчинской и частью в Визингской волостях, за едока принимается все наличное население без ограничения пола и возраста; в другой же части Визингской волости и Воронцовской имеется ограничение по возрасту, а именно — дети, не достигшие 18-20 лет, получают $\frac{1}{4}$ надела, а старше 20 лет — $\frac{1}{2}$ (т.е. полный надел, т.к. $\frac{1}{2}$ ревизской души равна полному паю).

В некоторых общинах (например, Вадыбской) бывает и так: население до двух лет не имеет никакого надела, а старше двух все получают одинаковый надел.

Наконец, например на Удоре (в Разгортской, Ертомской и Важгортской волостях), перед нами налицо ограничение по полу: мужчина получает $\frac{3}{4}$ надела, а женщина $\frac{1}{4}$, причем не мешает отметить, что раньше (например, в Ертомской волости) женщины совершенно не получали надела. С развитием жизни происходит постепенное освобождение и уравнивание женщины в правах с мужчинами. В.Ф.Попов говорит, что женщина у зырян почти равноправна с мужчинами. Если это верно для тех районов, о которых он говорит, то неверно для Удоры, где женщина не бывает никогда на сходах и вообще подчинена мужчине, что и проявляется в системе здешних переделов (см. "Итоги" Ч.1.19.).

Наконец, по Вычегде почти всюду единицей населения служит так же едок (см. "Итоги" Ч.III. стр. 18—30).

Таковы основные черты зырянской общины (интересующихся отсылаем к указанным выше работам.)

К этому можно добавить лишь то, что при более подробном изучении зырянской общины обнаруживается чрезвычайно сложная иногда система измерения, оценки и раскладки земли с целью сделать эту раскладку более размерной и более уравнительной...

Главной системой обработки земли является, конечно, трехпольная система: чередуется озимая рожь, пар и ячмень. Помимо этого, довольно распространенной является и переложная система на так называемый "новик" ("выль му"). Эти "нови" разделяются в крестьянской даче из-под мелких зарослей леса. Сеется сначала год или два рожь: сняв урожай сначала с "целины", а потом с однолетнего не удобренного пара, участок забрасывают, и он "отдыхает", превращаясь в пустырь, от 5 до 15 лет. После этого он снова засеивается. Наконец, кое-где осталась еще и подсечная система ("тыла"), быстро падающая благодаря официальному преследованию. Система эта такова: вырубается лес на выбранном участке и последний остается для просушки — год или два. Затем срубленный лес сжигается и участок засеивается рожью, подвергшись предварительной бороньбе. Многопольной системы до сих пор, кажется, нет, да если и есть, то она пока является очень редким исключением.

Что же касается урожайности, то она вообще колеблется в зависимости от почвы, пашни, времени и засеваемости зерна. По Сысольскому району эта урожайность (в переводе на рожь: пуд ячменя, пшеницы, овса и 5 пудов картофеля равны 1 пуду ржи) за 1906—1907 гг. колеблется от 4,9 до 7,5 в различных волостях.

Урожайность ржи колеблется от 6,2 до 9, ячменя от 6 до 7,1, овса — от 4,5 до 5, картофеля от 3,8 до 4,6.

Причем урожайность ржи на надельной земле (в Ибской волости) равняется 5, на "новых" — 4,1 и на подсеках — 6,9 (см. очерк Жакова стр. 49, 51). В Верхневычегодской волости урожайность ржи на подсеках колеблется от 5,2 до 16,3, составляя по всему району урожай в "сам" 10,72. Общая урожайность ржи по тому же району равняется 11,52, ячменя — 5,97, пшеницы — 5,36, овса — 5,38 ("Итоги" Ч.IV, стр.137, 264—268).

В этом районе, как видно из цифр, урожайность в общем выше, хотя необходимо заметить, что год взят в том и в другом районе не один и тот же.

Коснусь кратко и орудий земледелия. Таковыми являются — деревянная соха (гөр) с двумя железными раешниками и деревянная, или реже железная, борона (агас), кроме того, в последнее время довольно быстро распространяются, благодаря содействию земства, так называемые "однокошные" плуги (косуля — сабан.)

Например, в Верхне-Вычегодском районе уже в 1901 г. было их 77, сох-самоделок — 1764, борон деревянных — 1272, борон железных — 520. Несомненно, с того времени число косуль быстро увеличилось, а железные бороны почти повсюду уже вытеснили деревянные ("Итоги" Ч.III, стр.254.)

Из других орудий можно упомянуть про своеобразную форму "молотила", распространенную на Удоре. Здесь молотило представляет из себя деревянный (обычно еловый) сук с частью дерева, прилегающий к этому суку. Сук является ручкой, а выглаженная снизу часть дерева — самим молотилом. Таково в общем земледелие зырян. Несомненно, что в скором будущем зыряне должны будут перейти к более интенсивным формам земледелия. Тенденция к этому уже намечается и можно надеяться, что в скором будущем, благодаря земству, эти более интенсивные формы войдут в жизнь.

Сенокосы и скотоводство

Для большей полноты скажу несколько слов и о сенокосах в связи со скотоводством. Большая часть сенокосов естественно расположились по берегам Вычегды, Выми, Сысолы, Пожега, по Локчиму, Мезени, Вашке, Лузе, Печоре и других более мелких притоков и речек. Искусственного травосеяния, как я уже сказал, почти нет среди зырян.

"Страда", — то есть уборка сена, обычно начинается в первых числах июля, большей частью после Прокопьева дня (8-е июля.) Тогда высыпается на пашню все взрослое население и подростки. Едешь по лугам и видишь, как повсюду пестрят разнообразные и ярко-разноцветные платья "страдающих". Косят как мужики, так и женщины. Сначала обычно убирается сено с полевых меж (бор), иногда широких и просторных, с различных отдаленных лесных полян и расчисток, мер, за несколько десятков верст. Затем уже приступают к уборке сена с хороших пожен (видз.) Косы раньше были типа "горбуши", теперь они быстро вытесняются "литовками" и по Вычегде почти уже вытеснены. Когда скошенное сено высохнет, то его тут же на пожнях мечут в "зароды", которые свозятся домой (на повесть — "посйыв") уже зимой. Остальные орудия обычны: те же лопатка для точения кос, грабли, вилы и т.д.

Скотоводство не представляет специального промысла, а ведется лишь потому, что необходимо для земледелия. Единственным удобрением, без которого хлеб не родится, для полей является навоз, поэтому население принуждено держать скот. Главное значение, конечно, имеет лошадь, как рабочая сила при обработке земли. Крупный рогатый скот (коровы, быки) содержатся из-за навоза, молока и мяса; овцы — из-за того же плюс шерсть и шкуры. Значительно распространено также и свиноводство. Количество содержащегося скота более или менее точно трудно учесть, оно бывает не одинаково в каждый год. Это объясняется тем, что население, не будучи вполне обеспечено сеном, приспособливает количество скота к имеющемуся запасу сена. Если урожай хороший, то и скота содержится много, если урожай хуже, то и скота меньше, а это в свою очередь отражается на количестве навоза и тем самым на урожайности хлеба.

Приведу некоторые цифровые данные с целью указать количество содержащегося скота.

По Сысольскому району на один двор: лошадей приходится в среднем 1,19; крупного рогатого скота — 3,5, мелкого скота — 5 (см. очерк Жакова 70—71), причем в каждой волости бывают значительные колебания. Так, в Ибской волости из 608 дворов с одной — 515, с двумя — 50, с тремя — ни одного, безлошадных — 43. В некоторых местах держат иногда по три и даже четыре лошади, но это явление очень редкое, там же из 573 дворов с рогатым скотом менее трех голов — 132, от 3 до 5 — 318, от 5 до 7 — 93 и свыше 7 голов — 30. Большая часть падает на рубрику от 3 до 5 голов. В Верхне-Вычегодских волостях по району на один двор приходится: лошадей — 1,32, коров и быков — 2,65, мелкого скота — 6,66. Количество дворов с одной и более лошадью таково в %: безлошадных — 7,26, с одной лошадью — 60,64%, с двумя, тремя — 31,35%, с четырьмя-пятью — 0,75%. Число дворов в отношении к числу рогатого скота таково: число дворов без рогатого скота 3,20%, с одной шт. — 20,27%, с двумя-тремя 51,61%, с четырьмя-пятью — 21,32%, с шестью-семью — 3,05%, с восьмью-девятью — 0,45% и более — 0,1% ("Итоги" Ч.IV — 96.) Большая часть дворов и здесь падает на группу "однолошадных" и группу, имеющую от двух до трех голов рогатого скота. Таковы цифры исследованных районов, приблизительно таково же и количество в других исследованных районах зырян. На Удоре помимо этих видов скота в Важгортской во-

лости некоторые из крестьян держат по несколько сот голов оленей. Такое же явление, только еще в более широких размерах, имеется и на Ижме, где оленеводов-зырян довольно много. Пищей для скота служит главным образом, конечно, сено. Среднее количество сена, приходящееся на одну крупную голову рогатого скота в год в Сысольском, например, районе, значительно ниже от так называемой нормы Марреса, равной 130 пудам. Помимо сена пищевым продуктом служат: солома, отруби и хлеб (в ничтожных размерах), осино-вая кора (пипу кырсь) и ягель (яла.)

Зимой скот содержится в специально устроенных при доме помещениях, летом большей частью пасется на выгоне и в "телятниках".

О х о т а и р ы б о л о в с т в о

Охота некогда была главным промыслом зырян. Бесконечные дикие леса, полные зверя и дичи, немногочисленность населения как нельзя лучше способствовали развитию охоты. Как и все вообще первобытные народы, зыряне не сразу перешли к земледелию и в древние времена добывали себе пищу главным образом путем охоты и рыболовства. Это занятие отразилось на всей жизни и на всем мировоззрении зырянина. Большая часть сказок, легенд и преданий возникла почти исключительно на почве занятий охотой. Бесконечные, таинственные, вечно шумящие боры и мрачные еловые леса со всеми их жителями, кричащими на всевозможные лады, окутывали глубокой тайной и причудливым мистицизмом душу предка современного "коми" (зырянина.) Предок, еще темный, невежественный, не умевший ясно разобраться в окружающих его явлениях и объяснить их естественными причинами, тем легче поддавался влиянию этого мистицизма. Остатки его, еще иногда живые, сохранились и до сих пор. Единицей обмена в древности у народа-охотника не могло быть ничто иное, кроме шкурок добычи. Зырянский язык до сих пор сохранил для обозначения монеты слово "ур" (белка). Две копейки по-зырянски будут "сизим ур" (семь белок).

Но теперь охота уже потеряла свое бывшее значение, леса поределели, повыверили, звери и дичь поистреблены и уменьшились, и, понятно, пала и охота. Чем далее, тем более и более она будет падать. Теперь уже в большинстве мест охота не яв-

ляется самым главным после земледелия промыслом и только по Мезени, Вашке и Выми она играет еще очень крупную роль.

Главный период охоты — это осень и начало зимы — от сентября по ноябрь. Окончив полевые работы, в охотничьих районах зырянин отправляется на "промысел", обычно верст за сорок, пятьдесят, а иногда (как, например, на Удоре) и верст за 100. На месте охоты имеется избушка (пывсян — банька, вөр керка — лесная избушка), которая и служит жилищем охотника во время периода охоты. Обычно она делается из довольно тонких бревен с покатой односкатной крышей, вместо печи служит грубо сделанный горн, иногда бывает пол, иногда нет, оконце избушки очень маленькое, у потолка имеется дыра для пропуска дыма.

Тут же, около "вөр керка", имеется "тшамъя" — это род голубятни, или, иначе говоря, маленький сруб в виде ящика, помещенный на столбе с выдвигающейся снизу доской вместо двери.

Этот "тшамъя" служит для хранения пищевых провиантов, которые заранее еще, летом или осенью, доставляются сюда на лодках по лесным речкам или же, в крайнем случае, и пешком, на себе, а зимой — по снегу на "нарте" (маленькие длинные санки на лыжных полозьях)..

Около избушки находятся "лесные тропы" (вөралан туй) охотника, на которых он ставит свои петли, западни, капканы и вообще охотится. Каждый охотник имеет свои "тропы", обозначенные его собственными значками в виде или одной линии, или двух, куриной лапы и т.д. (пас) и другой охотник не имеет права охотиться на этих тропах. Охотничий инвентарь сам по себе очень несложен. Прежде всего, это пистонное, или реже кремневое ружье-дробовка, иногда винтовка и реже большекалиберные одностволки для крупного зверя, затем идет пороховница, мешочек для дробы, прут свинца, мерка, мешочек для кремней или пистонов, различные крючки и т.д. — все это привешено и прикреплено к одному ремню, перекидываемому через плечо; топор, чайник или котелок, и провиант.

Охота производится осенью, главным образом на белок (ур) и рябчиков (сьёла), кроме них, на глухарей, горностаев и других, встретившихся случайно зверей и дичь. Зимой идет охота на зайцев, лисицу и медведя, а под весну — на лосей (если они там встречаются), изредка бьют волков, рысь и весной уток.

Рябчики ловятся главным образом путем петелек, во множестве расставляемых на "вөр" или "чös туй" (на тропках.) Приманкой служит, главным образом, рябина.

Белки, отыскиваемые собакой, стреляются. Глухари ловятся путем особого рода западни (чӧс, нальк.) Лисицы, зайцы (и отчасти волки) — путем капканов. Что же касается медведя, то его "выкуривают" из берлоги и убивают при помощи ружья и рогатины.

Зимой, конечно, охота ведется на лыжах...

Как я уже заметил, охота потеряла в большинстве случаев свое бывшее значение. Только на Печоре, Выми и Удоре она еще играет очень крупную роль в жизни зырян. Приблизительный доход от охоты на Удоре колеблется от 100 до 200 и 300 рублей в год на домохозяина.

В Верхне-Вычегодском районе за 1901 — 1902 гг. (неудачные для охоты) за весь период охоты, в среднем составляющий 35,7 дней, на одного охотника пришлось только 15,5 рублей — величина очень незначительная и, думается, являющаяся исключением и для этого места ("Итоги" Ч.V. стр.25 — 27.)

А по Сыsole в Киберской волости на одного охотника за период охоты в 42 дня приходится (в 1907 г.) 23 руб.94 коп. (очерк Жакова, стр.74).

Если приведенная мной цифра для Удору хоть скольконибудь верна (а она установлена не на основании статистического исследования, а на основании личного опроса ряда удорцев), то мы видим громадную разницу в значении охоты на Удоре и на Вычегде.

Чем дальше, тем, конечно, охота будет падать больше и больше, и не так уже далек тот день, когда она превратится из промыслов в простой "любительский" спорт.

В таком отчасти положении находится уже и теперь рыболовство, которое из важного некогда промысла превратилось уже в занятие, практикуемое в досужее время с целью получения известного количества рыбы, главным образом для собственного потребления, только семга и стерлядь пока еще продаются, а почти вся остальная рыба, вылавливаемая как летом, так и зимой, потребляется самим местным населением.

Падение рыболовства объясняется обмелением рек и уменьшением рыбы с одной стороны и появлением других промыслов — более выгодных — с другой.

Ловля рыбы производится различными способами: весной так называемыми "ветелями" ловятся лещи, удочкой,

продольниками, боталом, сырпом¹ и, наконец, посредством так называемой "помчи"². Кроме этого, в мелких речках, а также в заливах устраиваются особые сооружения из связанных вместе тонких выструганных дощечек, в оставляемое отверстие кладется "морда" (гымга), куда и попадает рыба. Все вместе взятое носит название "щуп".

Осенью развито "лученье" рыбы при помощи остроги (азьлас.) Стерлядь ловится, конечно, самоловами и почти исключительно для продажи. Продается она частью местным "интеллигентам", частью на разъезжающие изредка "тихвинки".

Что касается дичи и вообще пушного товара, то он продается скупщикам, частью местным, частью приезжим, обычно скупающим в конце осеннего периода охоты, то есть в ноябре месяце. Нельзя, конечно, не заметить, что население при этом значительно игнорируется, и не пожелать, чтобы при помощи земства это дело сбыта было как-нибудь организовано самим населением.

Л е с н о й п р о м ы с л

Богатства Севера — бесконечные его леса — послужили причиной широкого развития лесного промысла. Теперь по реке Вычегде лесной промысел играет самую важную роль после земледелия и оттеснил охоту на второй план.

В то время как в Верхне-Вычегодском районе на 100 опрошенных хозяйств охотой занимаются 41,1, рыболовством — 3,0, той или иной отраслью лесного промысла занято до 77,59 хозяйств. Цифры довольно ярко говорят о доминирующей роли лесного промысла.

В то время как один день охоты дает в среднем 43 коп., один день лесного промысла дает 1руб. 17 коп. — разница-таки чрезвычайно внушительная.

Конечно, такую роль лесной промысел играет пока еще только на Вычегде, в других районах зырян его значение не-

¹ Сырп - нечто вроде тонкого и редкого невода, которыми рыба ловится в озерах путем запутывания ее в складки этого сырпа.

² Помча - это сеть, прикрепленная к четырехугольной раме, и вроде чашки весов, подвешивающихся к коромыслу, укрепленному на столбе. Столб стоит в реке, а вместе с опущенным коромыслом опускается и сеть с приманкой в реку, и во время быстрого поднятия рыба, бывшая там, остается в сети...

сравненно меньшее и, например, на Урале и на Ижме, он пока совершенно не может конкурировать с охотой.

Под именем лесного промысла разумеется ряд различных операций: рубка и очистка леса, возка его на катище, плотка и сплав. Каждая из этих операций представляет нечто отдельное и обособленное, хотя население обычно нанимается на рубку и вывозку вместе, точно так же на плотку и сплав. Но бывает, что нанимаются только на сплав (кылодны) или только на плотку (пурьясьны) и т.д.

Дело найма рисуется, в общем, в таких чертах: обычно осенью приезжают к зырянам приказчики и доверенные различных лесных фирм. Так как прямой наем рабочих приказчиками для них неудобен и по различным причинам невыгоден, то доверенные господа прибегают к помощи местных "тузов", сдают им подряд на определенное число тысяч бревен, а последние уже имеют дело с местным населением, и благодаря различным причинам, а в частности тому, что население зависит от них, различными правдами и неправдами нанимают население, всячески эксплуатируя его, вплоть до применения truck system, как совершенно верно утверждает Л.Н.Рума. Этот местный "туз" нанимает рабочих или отдельно, или артелями, заключая с ними определенный "контракт".

Подрядчики стараются нанять население на все операции сразу. Население обычно хочет наниматься отдельно — по крайней мере, на заготовку и на сплав.

В интересах лесорубочного промысла, но далеко не в интересах сельского хозяйства и занятого промыслом населения, заключать условия сразу на всю стадию лесной эксплуатации до сплава его, хотя бы на реку Вычегду. Совершенно верно говорит по этому поводу Л.Н.Рума, ибо "при таком порядке лесопромышленники: 1) обеспечены рабочими на весенние работы, когда, благодаря краткости периода высокой воды в мелких лесных речках, цена на рабочие руки почти всецело определяется населением; 2) весь риск убытков весеннего половодья, самого опасного для лесопромышленников периода, переносят с себя на население" ("Итоги", стр.37).

Иногда население принуждено наниматься на все стадии сразу, иногда удается наняться отдельно на какую-нибудь операцию. Сплав от речек до г.Усть-Сысольска производится обычно населением Верхне-Вычегодского района, от Усть-Сысольска же до г.Архангельска — населением, живущим ниже г.Усть-Сысольска.

На самый сплав обычно нанимаются или до определенно-го места, например, до Архангельска, или поденно, например, по 1 руб. в сутки.

В интересах населения последний тип найма, тогда как в интересах нанимателя — первый; он обычно практиковался и практикуется до сих пор, хотя в последнее время население довольно настойчиво пытается наниматься по второму типу.

Вообще же работа ведется при самых скверных гигиенических условиях и не так редки бывают несчастные случаи (простужаются, тонут, убивает "приколом" и т.д.), доводящие до смерти.

Как в интересах населения, так и в интересах края и самого промысла ввиду эксплуатации (двойной, а иногда при наемных рабочих и тройной) населения и бесконтрольного и беспардонного расхищения лесных богатств, не мешало бы так или иначе внести больше порядка в лесное дело, чтобы избавиться от темных и вредных для населения и государства его сторон. Леса Севера хотя и богаты, но они быстро тают. С одной стороны — расхищение их, с другой — случайные или нарочно устраиваемые населением пожары¹, с третьей — бури; все это ведет к чрезвычайно быстрому исчезновению лесных богатств и при таком порядке вполне возможно, что не за горами столетий тот день, когда лесные богатства сойдут почти "на нет", а тем самым (помимо других следствий — обмеление рек, уничтожение фонда, дающего доход государству и т.д.) и население будет лишено необходимого для жизни и хозяйства промысла.

Те же земства, в общем довольно чуткие к нуждам населения (в особенности Яренское), могли бы выступить инициаторами и здесь, т.е. как юридическое лицо они могли бы заключить договор с казной относительно лесных участков, а затем они могли быть в качестве нанимателей и подрядчиков, не эксплуатируя население, а покрывая только свои расходы.

¹ При поездках приходилось наблюдать великолепные леса, сгоревшие буквально на протяжении нескольких десятков верст. Поджигает их население иногда потому, что стесненно в лесу и при таком его богатстве, оно говорит: "нам не дают, так пусть никому не достанется, черт с ним!" Помимо этого, так как такса на горелый лес (вполне годный для построек) в общем ниже, чем на "живой" лес, то население при поджогах часто руководится и этим. В общем, как бы ни казалось парадоксальным, но я смею утверждать, что гораздо выгоднее для казны дать населению лес даром, чем брать с него хотя бы пониженную плату.

С другой стороны, нельзя не пожелать более планомерной и рациональной постановки лесного хозяйства и большого контроля за участками, покупаемыми различными лесными фирмами.

Остальные промыслы

Из остальных промыслов необходимо упомянуть следующие: по Сыsole сильно развито в виде отхожих промыслов портняжество и валяние обуви (на зиму отправляются в Вятскую, Пермскую губернии и в Сибирь.)

В жизни этого района они играют первую после земледелия роль. Отчасти по Сыsole и, главным образом, по Выгезде, население занимается отхожим промыслом — рубкой леса на пермских (Богословском, Холуницком и др.) заводах. Промысел, отнимающий массу времени и сил, но почти не дающий никаких доходов¹.

Из других промыслов необходимо упомянуть про извоз и гоньбу, кузнечное, столярное и плотничье ремесла, сапожничество, выделку овчин и кож, выделку кирпича, производство фисгармоний и гармоник и др. Большинство из этих промыслов играют в общем значительную роль в жизни всего населения.

VII

Семейные и общественные отношения

Охарактеризовав на предыдущих страницах материальный быт, теперь перехожу к характеристике семейных и общественных отношений зырян.

Со стороны официальной организации власти быт зырян не представляет ничего особенного. По селам имеются те же урядники и пристава, что и везде; введен институт земских начальников, и действуют те же волостные суды, что и везде.

Современная зырянская семья представляет типичную моногамичную семью, во главе которой стоит отец, который

¹ Интересующихся бытом и условиями работы на пермских заводах отсылаю к книге К.Ф.Жакова "Очерки из жизни рабочих и крестьян", где этот быт детально и верно обрисован в художественных очерках.

де юре имеет полную власть над своими детьми, де факто это право довольно часто терпит фиаско. Если в семье несколько сыновей, то последний сын обычно отделяется и начинает жить своим хозяйством, причем при дележе руководящим принципом иногда является трудовой принцип равенства — "человек наживал, работал и нужно ему выделить все по справедливости", иногда (на Удоре) решает дело воля отца. "Что захочет дать отец — то и получит, а захочет выгнать без всего — ничего не поделаешь", — так думает и говорит население. Но де факто случаи такого дележа без всего чрезвычайно редки.

Поводом к дележу бывают или ссоры между "бабами", или просто укоренившийся уже обычай делиться, и мнение, что жить всем сообща большой семьей неудобно и невозможно; иногда же и неодинаковое отношение отца (матери) к различным сыновьям. В таких случаях "нелюбимый" старается скорее выделиться (юксыны.) Часто бывает и то, что холостой брат не хочет работать, если есть женатый брат. "С чего мне на тебя работать" — говорит он, и отец тогда отделяет старшего (женатого) брата.

При дележе двух и большего числа братьев употребляется и жребий¹. Женятся обычно зыряне лет 20-25. Исключения, конечно, бывают и в ту и в другую сторону от данных цифр. Главным временем свадеб бывает обыкновенно время перед "страдой" (весной), мотивом женитьбы — потребность в рабочей силе. "Нужна работница — приходится жениться". Для женитьбы прежде всего необходимо согласие самих жениха и невесты, а также родителей (см. ниже удорский брак).

Когда жених и его родители наметили невесту, то крестный (вежай), крестная (вежань) и иногда брат (вок) жениха отправляются сватать невесту в дом ее родителей (корасыны.) Начав разговор издали, переходят затем к делу и, если невеста (которая во время сватанья не выходит к гостям) и родители ее согласны, то затем идет торг о приданом, величина которого зависит от степени зажиточности жениха и дома невесты. Обычно дается в качестве приданого определенное

¹ На Удоре еще сохранился обычай, что каждый дом (род) имеет свой особый знак "пас", которым отмечают все предметы домашнего обихода, а также огороды, лесные дорожки и т.д. При дележе этот "пас" переходит от отца к старшему сыну, или к тому, кто остается в старом доме, или, наконец, кое-где тому, кому захочет передать отец... Остальные братья должны изобретать себе новый "пас" или брать иногда "пас" отца своих жен.

число рублей, несколько десятков аршин холста, корова, определенное поле и пожня, полотенца и т.п.

Покончив с этим, начинается обряд рукобитья (вычегодское и сысольское "кикутём", удорское "войжем"). Молятся Богу, и затем отец невесты и крестный (или мать или брат жениха) подают друг другу руки и кто-нибудь третий их разнимает. Затем идет угощение (чай, водка и т.д..)

Тут же назначают время свадьбы, обычно через неделю, две. За несколько дней до свадьбы (а иногда и за один день) жених отправляется к невесте — приносит ей кольцо и гостинец (козин.) После этого невеста начинает плакать (бёрдны.) Обычно имеется специальная плакальщица (бёрдодчысь.) Невеста покрывается платком, плакальщица заводит "плач" и невеста начинает плакать, причитывая и ударяя себя по коленам. Сначала плачет отцу, потом матери, братьям, сестрам, родным и вообще подружкам и знакомым. Причитание заключается в благодарности отцу и матери за то, что они вскормили, вспоили ее, что хорошо держали у себя и т.д., с массой всевозможных эпитетов. Тот же мотив благодарности и похвалы составляет основное содержание причитания и ко всем другим, изменяясь в зависимости от того, кому невеста плачет. В этих же причитаниях большую роль играют и жалобы на то, что она идет "не к родимому, а к неродимому, супротивному", "каково-то ей будет у чуж-чуженина" и т.д.

Это плаканье продолжается до дня "войжем" (удорское), "кикутём", обычно бывающего накануне свадьбы. Этим именем обозначается теперь пирование у невесты накануне свадьбы. К вечеру в доме невесты приготавливаются столы и кушанья для встречи "поезжан", т.е. родни жениха. Пиво варится заранее, заранее же запасаются водкой.

"Поезжане" (жених, его крестный и крестная, родители, братья и сестры и другая родня во главе с "дружкой", у которого через плечо перекинута полотенце, а кое-где в руке держит кнут) входят к невесте, встречаемые ее родителями, и садятся за изготовленные столы. Через некоторое время "дружка" (удорское "видзысь" — хранитель) подходит к ней и просит ее перестать плакать. Эта церемония повторяется обычно раза три. Затем начинается обряд плетения косы у невесты (в другой комнате); той водой, которой мочили косу, прыскают молодежь — "мед регыдджык гётрасясны" (пускай скорее женятся). Невесту украшают, покрывают платком и вводят к пирующим. Жених встает, открывает платок,

берет за руки, целует, и затем все садятся в таком порядке: жених и невеста рядом, а по обе стороны их крестный, крестная мать и братья жениха. Тут идет пир.

После пира начинается "козьянасьом" (даренье.) Мать невесты дарит подарки жениху, отцу и матери его. Предварительно невеста плачет каждому из них.

В конце пира жениха и невесту ведут в отдельное помещение (обычно — голбец), где они с близкой родней ужинают.

На другой день невеста парится. До бани приходит "дружка" — видзысь — приносит невесте башмаки от жениха и получает сам чулки, штаны и рубашку. Девушки его встречают песней:

"Дружкаыс кӧ локтӧ
Кӧсӧй пон койд.
Кӧм волес тоша,
Дымник тупъед шапкаа,
Лэбын кока,
Нарман киа,
Кӧвтын кушака" и т.д.

Дружка идет, как
Косая собака.
С бородой — как солома в сапогах.
Шапка у него как "втулка" в дымнике,
Ноги, как вилы,
Руки, как грабли,
Кушак из бредня и т.д.

В это время мальчишки суют ему за пояс щепки, тряпки и т.п., а помощник дружки вытаскивает их.

Затем дружку (после подарков) начинают хвалить.

Перед баней невеста снова начинает плакать. Невеста причитает, чтобы в баню шли сначала отец, мать, сестры и т.д. "ще помыться, ще попариться, со своею со русою ко-сой". Затем идет оплакивание косы (кӧса бӧрдӧм.) Невеста обращается к брату:

"Ветлы тэ, роч баярӧй, муса вокӧй,
Менсьым веж кӧсасӧ корсьны,
Сӧ шайта бур вӧвтӧ дойдъяв,
Кызь вит чӧлкӧвӧя дойд заводтӧ дойдъяв" и т.д.¹

Брат дает приготовленную льняную косу и получает за это деньги.

В баню невеста идет в сопровождении плакальщицы и крестной (божатка, вежань.) В это время парни и девицы поют и звонят в колокольчик, а во время мытья стучат в стены

¹ Сходи ты, русский боярин, дорогой брат, поискать мою русую косу, запряга ты сторублевую хорошую лошадь, запряги ее в 25-ти рублевые сани и т.д.

бани. Плакальщица выносит из бани веник и брызжет им молодежь. Банный же веник кладется под ясли, чтобы "еретики не испортили". В бане невеста снова начинает плакать:

"Медбõръя со ме лэччи и пывси
Батюшко пывсянын кералõм пескõн,
Дедушко мыльк помвылас.
Вõдитõм муса чойлõн" и пр.¹

После бани опять обряд заплетания косы. Невеста поет:

"Роч месаньõй, да муса чойõй,
Пывсы да мыссы,
Тэ сынав, да мольõд, да ин пакмõд.
Веськыд сой вылад узьтõдлы" и т.п.

(Русская хозяйшкa, дорогая сестра, парься, да мойся, ты чеши; да гладь, да не путай (косу), пусть спит она на правой руке и т.д.)

Тут же идет снова благодарность (бурсиõм) родителям, крестным, другим родным и даже умершим.

Затем перед приходом жениха с дружкой ее украшают и она с крестной садится за стол. Входит жених в шапке. Невеста берет у него шапку и кладет ее на полку, а жених старается в это время найти ногу невесты и наступить на нее. Невеста не дает. Затем идет продажа невесты. Продает, обычно, брат. Жених до трех раз дает ему по несколько копеек и, наконец, брат дает руку невесты жениху и говорит: "На, кыдзи ме видзи, сідз жõ и тэ видз". (Как я ее держал, так же и ты держи.)

Затем скоро едут под венец, предварительно получив благословение от отца и матери.

Перед уходом к венцу невеста стаскивает со стола скатерть, чтобы "взять с собой родового счастья".

С невестой, обычно, едут в церковь крестная мать и брат, с женихом — крестный и дружка.

Затем идет венчание. По окончании венчания в церкви же заплетают косу по-женски, на две косы. Сверху кладут "коклюшку" (нечто вроде калача из материи), сверху завязывают своеобразно платок и "сорока" и, наконец, сверху большой шелковый плат.

¹ В последний раз я пошла и парюсь в отцовской бане, на полке дедушки, в бане, истопленной сестрами и т.д.

Из церкви идут к жениху. Входят через "звёз" — задний ход. В это время обычно стреляют (на Удоре стреляют и перед венцом.) Здесь перед ними закрывают двери (на Удоре запирают до венца) и происходит опрос: кто идет? Дружка отвечает: "Господи Иисус Христос Боже наш, помилуй нас, князь молодой со княжной шли по чистому полю" и т.д. Идут вопросы вроде: что всего чернее на земле, какой город всем городам отец и пр. На повети встречают молодых отец и мать жениха, отец с иконой (на Удоре с водкой), мать с хлебом-солью. Обходят молодых три раза и затем вводят их в избу. Начинается пир. После пира молодых уводят спать. На другой день, когда молодые встанут, происходит обряд обливания всех гостей водой. Снова пируют и пир кончается подарками, которые невеста дарит родне мужа.

Таков в главных чертах ритуал свадьбы, распространенный по Вычегде. Нет сомнения, что в различных местах бывают те или иные уклонения от него, но все же эти уклонения не так велики. Только на Удоре есть значительные отличия от описанного порядка, поэтому необходимо остановиться на удорской свадьбе. То, что на Вычегде и Сыsole выделяется как пережиток (стрельяние, продажа братом невесты и т.д.), то на Удоре еще до сих пор живо.

Характерно для Удоры и то, что там еще до сих пор сохранился брак путем умыкания и купли. Не невеста дает здесь приданое, а жених платит так называемый "юрдон" (цену головы). Жених, иначе говоря, покупает жену, как работницу. И вся свадьба происходит на счет жениха. Второе — это то, что здесь еще жив до сих пор брак путем умыкания (особенно на Вашке.)

Жених сговорится со своей родней, и девушку, заманенную куда-нибудь, например, к соседям, берут и везут в церковь. Иногда невеста знает об этом (особенно, если родители почему-либо не хотят отдать ее за жениха, а она хочет), а иногда и совершенно не знает, например, в Ертомской волости еще в 1910 г. произошел такой случай. Крестьянин Н.П.Зиновьев хотел жениться на крестьянке Н.М.Пигулиной. Последняя не хотела выходить за него. Зиновьев подговорил своих родственников и девушка была схвачена у соседей. Насильно привезли ее в церковь и просили обвенчать. Священник о. Александр отказался. Жених увез ее тогда к своим родным.

Священник через несколько дней был там и упросил жениха отпустить невесту домой, а домой прислать сватов.

Сваты пришли, но дома невеста отказалась выйти за этого жениха (сообщение о. Александра Баклановского). И это не редкость. Сплошь и рядом умыкание, иногда с ведома невесты (а без ведома родителей), иногда даже и с ведома родителей (чтобы не было лишних расходов), а иногда, как в данном случае, без ведома и родителей и невесты.

Исход, в зависимости от согласия невесты и церкви, бывает различный: то удачный, то неудачный.

Очень часто похищенная невеста еще до венца живет до полугода в доме жениха. Но при этом нужно сказать, что насилий (против ее воли) над похищенной совсем не бывает, а если и бывает, то чрезвычайно редко — и население безусловно порицает подобную вещь; хотя довольно часто жених и невеста спят вместе до венчания (по Мезени Глотова и Кослан), если есть на это воля обоих.

Итак, на Удоре до сих пор жив брак путем умыкания и купли, поэтому там имеют и до сих пор еще некоторый смысл стрельба при появлении родни жениха в невестин дом перед венцом, пререкания невестинной и жениховой родни, нежелание невестинной родни уступить жениховой родне место за столами без выкупа, запираание ворот перед жениховой родней и т.д.

Не описывая подробно ритуала удорской свадьбы, укажу только те обряды, которые важны для истории брака у зырян.

По приезде от венца невеста бывает все время закрыта платком. Когда садятся за стол, то отец жениха пытается открыть ее платок, невеста не дает, и только тогда, когда отец пообещает "бычка из хлева" — она открывает. Второе — когда жениха и невесту укладывают спать, то женихова родня занимает постель и не допускает молодых до тех пор, пока невеста не даст так называемого гостинца или кольца. Третье — в воскресенье перед Петровым постом (в Важгорте, например) все вышедшие замуж в этом году молодые выходят на луг и там бегают, а затем дают подарки — "дань", "юрдон" (цену головы) своей родне, а также и посторонним. Если какая-нибудь молодница не заплатит дани, то ее изображение рисуют на сосне или столбе (где проходит много народу) и издеваются над ее изображением за то, что она не заплатила "дани".

Обычай зятьев подносить на блюде в конце пира гуся и нежелание их отдать его до тех пор, пока не получают от невесты денег.

Наконец, обычай сажания невестой на колени братьев и сестер жениха во время пира.

Все эти факты есть не что иное, как пережитки полиандрии и частью снохачества. А полиандрия (многомужие) в свою очередь есть пережиток первобытных форм коммунального брака.

Эти факты, взятые вместе со снохачеством, которое живо еще и до сих пор среди зырян, живущих около Летки (сообщения о. Малиновского и др.), и другими фактами, дают материал для истории семьи у зырян с одной стороны и подтверждают те мысли, которые мной были изложены в статье "К вопросу об эволюции форм семьи и брака у зырян".

Так как здесь я пишу не историю семьи, а ее современные формы, то поэтому я совершенно игнорирую исторический анализ.

Что же касается вообще свободы половой жизни девушек и парней у зырян, то она рисуется приблизительно в таких чертах. На Печоре эта свобода, относительно говоря, довольно широка. В других местах она значительно уже. Молодежь собирается на вечеринки (вой или рыт пукём: вой — ночь, рыт — вечер, пукём — сиденье), или же на "койташи" (бывающие обычно в то время, когда из дому старшие члены ушли куда-нибудь в другое село на праздник) и там, посидев за пряденьем или шитьем (девицы), сопровождаемым песнями и играми, молодежь расходится парами, причем в большинстве случаев пары хотя и ложатся, но в половое общение не вступают, и только кое-где остался обычай вступать в такое общение. Но все же по Вычегде и Сыsole очень нередкое явление половая жизнь до брака. И народное мнение хотя и порицает подобное явление, но все же считает его более или менее терпимым. Но оно, безусловно, считает недозволенным половое распутство после брака, и почти всегда девушка, имевшая любовников до брака, выйдя замуж, остается верной своему мужу.

Исключение из сказанного представляет Удора. Там вообще чистота нравов очень высока, особенно на Вашке. Население считает совершенно не дозволительным половую жизнь до брака, и если девица до брака родит детей (бывает, но очень редко), то такая считается, безусловно, "бесчестной". В с.Кослан, например, у "Аркадия" дочь была выгнана из дому отцом за то, что до брака родила. Удора вообще любопытна как район, где синтезируется наиболее старое с наиболее новым.

Переходя к описанию понятий о родстве зырян, необходимо заметить, что хотя теперь родовых союзов среди зырян уже нет, но кое-какие признаки родового устройства все же сохранились.

В понятие родства у зырян входит как кровное родство, так и духовное, хотя и то и другое отделяется в сознании населения.

Слово род зырянским употребляется в смысле корня, что видно из выражения рӧдвуж (вуж — корень). Это выражение прежде всего предполагает кровное родство (например, крестный — вежай, крестная — вежань и т.д.).

Браки между кровными родственниками считаются недопустимыми до пятого колена. На мой вопрос одному священнику на Удоре — умеет ли население само высчитывать степени родства — я получил ответ, что "оно высчитывает эти степени лучше нас самих". В районе Удоры и Сысолы это вполне подтверждается. Этой нормой объясняется то явление, что имеется ряд деревень (например, деревня Крестовская, д.Иб и др.), где население не берет жен из своей деревни. На мой вопрос — почему? — крестьяне д.Крестовской ответили, что все в деревне свои ("быдсӧн — котыр"). Все в деревне Матвеевы, только один есть посторонний (Козлов), а "на своих жениться нельзя" (явление экзогамии). Исключение — район Летки и Печоры.

Еще большим препятствием для брака служит духовное родство. "Крестный крестную не должен трогать даже голым пальцем ноги" (вежайлы вежаньсӧ кӧмтӧм кокӧн оз позь тронитны) — такова поговорка, запрещающая совершенно всякую половую близость между духовными родственниками.

На почве народного понятия о родстве сохранились кое-где еще пережитки, говорящие в пользу существования матриархата у зырян. В общем (по Вычегде, Сыsole) женщина у зырян не порабощена и почти равноправна с мужчинами: ей дается равный с мужчинами земельный надел, она имеет право быть на сходе и т.д. В.Ф. Попов, указывающий на этот факт, вполне прав. Но этого же нельзя сказать об Удоре. Там женщина в общем подчинена мужчине, зависит от него, на нее падает большинство чисто мужских полевых работ, она не имеет права быть на сходе, получает только одну четверть земельного надела, в то время как мужчина получает три четверти (а совсем недавно женщина не получала ничего) и т.д.

Таковы в главных чертах современные семейно-общественные отношения зырян.

VIII

Религиозные верования и культ

В данной главе я буду краток, ибо главное в области верований мной уже было изложено в статье "Пережитки анимизма у зырян".

Все зыряне теперь христиане: большая часть — православные, значительная часть — староверы-беспоповцы (Керчомъя, Печора и Удора). В Удоре имеется еще любопытная секта "скрытников", отрицающих и правительство и официальную церковь и представляющих своего рода мирных анархистов на религиозной почве ("скрытничество" занесено сюда лет 40-50 тому назад из Ярославля — так объясняет один из "скрытников" происхождение его на Удоре).

Но все же, будучи православными и вдобавок довольно религиозными людьми (особенно более старшие поколения, молодежь кое-что уже успела воспринять из "последних веяний" 1905 и 1906 гг.), зыряне все же синтезируют православие с остатками своей, бывшей веры, и в результате их подлинное мировоззрение представляет (особенно у молодого поколения) странную смесь православия, осколков бывших верований и научных данных, почерпнутых в книгах, в школе и на чужой стороне.

Возьмите хотя бы такое явление, как болезнь. Для того чтобы избавиться от нее, зырянин идет к фельдшеру, от фельдшера к "тöдысь" (колдуну) и тут же служит молебен. Конечно, больницы и фельдшера уже и сейчас имеют главное значение, в данном случае нередки (особенно на Удоре) случаи обращения и к колдунам, ибо болезнь считается "тшыкöдмön" (порчей.)

Точно так же, хотя и считают, что душа после смерти попадает или в рай или в ад — все же остается еще и до сих пор, наряду с этим, верование в то, что умерших надо поминать за столом и приглашать к пище, что они питаются паром пищи и т.д.

Приведу краткое описание погребального обряда — из него видно ясно это смешение христианства с язычеством.

Когда больной умирает, то к голове его кладут чашку с водой, полотенце, отворяют окно и зажигают свечи перед иконами. Душа, выйдя из тела, умоется, вытрется и уйдет в окно. Затем приглашают кого-нибудь мыть умершего, а мужичков — делать ему гроб.

Раньше зыряне в гробу делали два или одно маленькое

окошко (сообщение Ивана Степановича Бутырева в Важгорте), теперь на Удоре только остался обычай проводить на стороне черты в виде оконца (Вендинга, Важгорт).

В гроб обычно теперь кладутся: листья веника, подушка и холст. Когда гроб сделан (форма его обычная, только на Удоре доски сверху обвертываются берестой и могилы делаются в виде сруба), покойника кладут в него¹, а делавшие гроб вместе с обмывальщиком (мыськысь) садятся за стол и едят. "Мыськысь" сидит на месте покойника и изображает его. Он самое почетное лицо тут (этот обычай уже не везде есть — записано в д.Римье). Приходят прощаться соседи и каждый приходит с чем-нибудь съестным. Съестное идет теперь нищим, а раньше оно, конечно, предназначалось для умершего.

Выносят покойника через "звöz" (задний ход) с плачем и причитаниями. При выносе тела, например, в Вендинге, двери три раза открывают и каждый раз говорят: "бөр косав" (воротись обратно) и только после этого уже выносят совсем (сообщение Ивана Палкина, Василия Колыванова и многих других говоривших со мной там людей).

В могилу, если особенно там был старый гроб, на Удоре бросают деньги — "покупают место" (в других местах этот обычай уже не сохранился). Перед опусканием гроба в могилу гробом три раза касаются перекадин в могиле ("гу" — яма, гроб — "горт, дом"). В 40-й день после смерти устраиваются поминки. Сначала бывает панихида, а потом угощение родственников. "Мыськысь" (обмывальщик) опять изображает собой умершего, сидит на его месте, и по окончании еды ему дают рубашку, штаны умершего и с плачем провожают, причитая: "Прости (имярек), не поминай ты нас лихом, в последний раз уж мы тебя видим, ты ведь далеко теперь пойдешь" и т.д. (записано в д.Римье) и при этом кланяются ему в ноги.

Уже из этого краткого описания обряда погребения и поминовения ясно видны бывшие верования и их синтез с христианством. Если проследить подробно воззрения зырян на загробный мир, то и здесь мы увидим ту же смесь трех элементов, причем чем моложе население, тем элемента позитивизма больше и больше.

Умершие живут и после смерти, часто приходят домой, они могут и вредить, поэтому в случае так называемых несчастий необходимо обращаться к ним за помощью. Так в

¹ В Вендинге до покойника в гроб кладут топор.

Вендинге у одного крестьянина затерялись две коровы. Никак не могли их найти. Тогда помянули "родителей" и коровы нашлись.

Этим же желанием умиловить умерших объясняются обычаи поминать их за едой (вошйыны), оставлять им кусок несжатого поля (Вендинга), приношение на могилу и в церковь пищи в родительские субботы¹ и пр. Вообще, какую бы сторону религиозных верований ни взять, везде мы видим указанную мною черту.

Хотя Бог един и есть святые, но помимо того у зырянина везде имеются особые существа: в лесу — вёрса (леший), в воде — васа (водяной), в бане — пывсына (банный), в овине — рынышса (овинник), в доме — "олыся" (буквально "живущий" — домовой), ошка-мошка (бык с коровою) пьет воду, "шева" — (порча) носится везде (удорская икота), йёла откликается из леса и т.д.

Целый сонм "неуказанных святых". Тысяча всевозможных рассказов и преданий о них и т.д. и т.д.

На этой почве тысяча верований, суеверий и т.д. Даже святым в церкви и то приносятся жертвы в виде быка, коровы, овцы и т.д., которые в праздники (в Петров день — на Удоре, в Ильин, в Покров день и т.д.) закалываются у церкви, варятся, освещаются и съедаются.

Из различных "суеверий" приведу некоторые, говорящие о родовом счастье в связи с верованием в "олыся" (домового.) Существование "олыся" узнают по тому, что он "давит" (личкалõ) людей во время сна, плетет любимым лошадям косы и т.д.

При переходе из старого дома в новый кладут на пол в старом доме коробку, наполненную пухом, зовут туда домового и потом несут коробку в новый дом вместе с домовым. Домовой, таким образом, переселяется в новый дом и родовое счастье таким путем сохраняется (Важгорт.)

Этим же объясняется обычай (на Удоре) не доедать всю пищу из чашки, не вывозить со двора всего навоза, не давать перед страдой никому ничего взаймы, чтобы не передать счастья, а если и давать, то в обмен брать что-нибудь у берущего. "Кõtь кепысьтõ коль" (хоть рукавицу оставь), говорят

¹ В Сельебе в родительскую субботу население после возвращения из церкви приходит домой и на столе раскладываются кушанья. Хозяин кадит ладаном и приглашает умерших. Затем плоску с угольями и ладаном кладут под икону, а сами садятся обедать.

и требуют тогда, нельзя без обмена давать также и хлебные семена и т.д.

На Выми есть обычай в ночь на Страстной четверг выпускать из дому коров и смотреть на них через окно и считать: "один, два" и т.д., обычно до цифр больших, чем есть. То же самое делается и с одеждой и с деньгами, которые кладут в решето (при этом говорится: сколько дыр в решете, столько же у меня и денег будет" и т.д.; сообщение А.С. Попова.)

Вообще пережитки былого еще очень распространены в мировоззрении зырян. Но было бы ошибкой считать, что зыряне так и застыли в этой стадии смешения пережитков язычества с христианством. Необходимо указать здесь на то, что и теперь уже налицо элемент населения (особенно из молодежи), который, что называется, не верит "ни в Бога, ни в чорта". Одни из этой категории восприняли неверие, что называется, "понаслышке", другие — путем внутренней, самостоятельной работы, наталкиваемые на него или житейскими фактами, или несчастьем, или отрицательными примерами духовенства, или чтением и разговорами.

Отчасти этим переломом объясняются те отрицательные явления, о которых я скажу ниже, ибо, потеряв старые устои и не выработав еще новых, такие люди почувствовали, что "все дозволено", и, имея перед собой в качестве примеров явления "культуры", — начали копировать их. Но эпохи перелома всегда таковы.

Язык и художественное творчество зырян

Зыряне — один из народов восточной ветви финнов. Ближайшими родичами их являются пермяки, вотяки, черемисы, мордва, остяки, вогулы, эсты, финляндцы и венгры.

Зыряне имеют свой собственный язык, имеющий общие корни с языком перечисленных народов. Что же касается языка пермяков и вотяков, то они чрезвычайно близки к языку зырян, так что зырянин в общем может понимать их и разговаривать с ними.

Здесь я только мельком коснусь языка зырян (интересующихся отсылаю к грамматике Лыткина, Савваитова — на русском языке, к грамматике Вихмана и Видемана — на фин-

ском и немецком языках и к пермяцкому словарю Рогова). Характерное его свойство для зырян — это его лаконичность, ясность и отчетливость. Большинство слов зырянских состоит из одного, двух слогов. Это язык человека дела, энергии, работы, которому некогда болтать и выводить различные нюансы. Поражает он далее и богатством падежей, которых в общем насчитывается чуть не два десятка.

Вопреки общему мнению (ходячему) насчет убогости и бедности зырянского языка, необходимо заметить, что зырянский язык, напротив, — один из богатейших языков по количеству слов. Так, в одном словаре Рогова собрано, если не ошибаюсь, до 60 тысяч — число очень значительное для любого языка, особенно языка, почти не имеющего своей литературы.

Указанное заблуждение основывается, вероятно, на том, что в зырянский язык вкралось значительное число русских слов, а отсюда уже неверно заключили и о бедности зырянского языка.

Точно так же не вполне верным является и то мнение, что зыряне будто бы совершенно не знают русского языка. Напротив, не впадая почти в ошибку, можно сказать, что все зыряне понимают русский язык и большая часть их говорит по-русски, конечно, путая род и число (например, "мой шапка", "этот река" и т.д.). Что же касается молодежи (а на Удоре почти и всего населения), то почти вся она правильно говорит по-русски.

Художественное творчество зырян выразилось в создании песен, легенд, различных преданий, загадок, сказок и т.д. Если сравнить художественное творчество русского народа в старину и теперь, то придется, пожалуй, сказать, что в древности русский народ был большим поэтом. Теперь в ходу "частушка", а в древности создавались песни — прекрасные, грустные — художественные песни (например, "Не белы-то снеги", "Лучинушка" и т.д.)

Аналогично же, кажется, положение художественного творчества и у зырян.

Я думаю, что в древности зырянский народ был большим поэтом, чем теперь. Но, к сожалению, от этой древности у зырян сохранилось очень мало и то не в области песен, а в области преданий и сказок. Теперь же песни хотя поются и по-русски и по-зырянски, почти все они перенимаются от русских или переводятся с русского.

Что же поют теперь зыряне? Мною был опрошен целый ряд сел, и в результате получились следующие выводы. Из русских песен поются более всего: "Кого-то нет, кого-то жаль", "Ой, да уезжает милый", "Во саду ли, в огороде", "Чудный месяц плывет", "Разлука ты, разлука", "Эх ты, ноченька темная", "По воле летал орел молодой", "Кругом, кругом я осиротела с тобой, Мой милой, дорогой", "Коробушка", "Стань ты, Алеша", "У ворот девка стояла", "Уродилась я", "Через поле у соседа собрана была беседа", "На днях я в рощице гуляла", "Экой, Ваня, разудалая головушка твоя", "Печаль, тоска несносная, куда бежать тоску девать", "Прощай, жизнь, радость моя", "Зачем ты, безумная, губишь" и др.; помимо этих песен поются всевозможные частушки и при хороводах особые хороводные песни, вроде "Розочка алая", "Веселая голова, не ходи мимо сада" и т.д.

Зырянские песни в общем можно разделить на три группы: 1) русские песни, переведенные народом на зырянский язык; 2) зырянские песни — более или менее древние и 3) зырянские песни более нового периода.

Из таких переводных песен можно указать на песни "Во саду ли, в огороде" (сад йöрын-ö ныв гуляйтö, сэтчö зон во-лывлö), "Ивушку" — (Байдей, те байдей, югид вадор байдей, мыла же те байдей). В последнее время наблюдается любопытное явление: начинается перевод на зырянский язык современных русских песен... Кем они переводятся — трудно сказать, но факт налицо, и причем это явление идет от русской границы начиная от Межого, Римья и продвигается вверх по Вычегде.

Например, года 2-3 тому назад песня "Кругом, кругом я осиротела" пелась по-русски, теперь она уже поется по-зырянски ("Гöгөр, гöгөр ме öтнам коли" и т.д.), причем переводы делаются хотя и близкие к подлиннику, но не без вариаций применительно к местным бытовым условиям. Кроме указанных песен имеется ряд других зырянских песен, в которых имеются мотивы содержания, аналогичные с некоторыми мотивами в русских песнях, но чисто ли переводные они — сказать трудно. Впрочем, о некоторых исторических песнях, вроде песен о Стеньке Разине, — это можно сказать, но о других трудно сказать что-либо определенное.

Как у русских теперь появились частушки, так же и у зырян появилось нечто вроде этого, где поется уже про современный быт.

Примером таких песен может служить песня: "Лун пондіс кольны, да вой пондіс воны". Для образца приведу ее всю:

"Лун пондіс кольны, да
Вой пондіс воны.
Век менам милёй абу.
Кытчö сійö мунёма?
Сьöд вөр шөрö кайёма.
Абу тай сьöд вөр шёрын.
Кытчö сійö мунёма?
Богословö мунёма.
Мыйла сійö мунёма?
Брюкила, калошила.
Мый жö гёстиньсö вайё?
Шöвк шаль гёстиньсö вайё.
Мый жö паныдсö корö?
Кашёмировöй кошель.
Көн менам пыжой, поскöй?
Сотчöм вылын перевоз.
Придаш гёра тыдалö.
Сэн менам милёй ворсö.
Мый букушён видзöдан?
Мый дорышён ветлöдлан?
Полуштоп вина босьтам,
Шöриён кö ми ювам,
Бөр пондам любитчыны
Важного кö бурджыка
Важного любöджыка".

День уже проходит, ночь уже
проходит.
Все нет моего милого.
Куда он ушел?
В темный лес ушел.
Но нет его в середине темного леса.
Куда он ушел?
В Богослов¹ ушел.
Зачем он ушел?
За брюками и галошами.
Какой же гостинец несет?
Шелковую шаль.
Что же взамен просит?
Кашемировый кошель.
Где у меня лодка, мостки?
На Сотчем² перевоз.
Видна Придаш³ гора.
Там играет мой милый.
Что насупившись смотришь?
Что недовольным ходишь?
Купим полуштоф вина,
Разопьем-ко мы пополам его,
Снова будем любиться,
Лучше прежнего
Любее прежнего.

Как в данной, так и в других аналогичных песнях отразились уже бытовые черты современной жизни. В приведенной песне говорится про завод, брюки, калоши и т.д.

К этой же группе принадлежит и большинство частушек, где главными мотивами служит та же любовь и очень часто поется в них именно про "половую" любовь.

Промежуточными песнями между группой "новых" и старых служит ряд бытовых песен, говорящих, главным образом, про несчастную долю выданной за нелюбимого или старика или вообще в жестокую семью женщины. Опять-таки трудно определенно решить — заимствовано ли содержание

¹ Богословские заводы Пермской губернии.

² Сотчем - деревня около Палевиц.

³ Придаш - там же село.

этих песен или нет. Но во всяком случае, если оно даже и заимствовано, то в них немало и чисто зырянских мотивов и наслоений. Примером таких песен может быть следующая песня:

“Мыйла бѳрдан, муса нылѳ,
Нора горзан гусьѳник?
Мыйла кисьтан чышгьян вылѳ
Югыд синва ньѳжйѳник?
Эзысь, зарни, дона паськѳм
Ай-мам козьналѳны пыр.
Мыйла бѳрдан, югыд шондѳ,

Висьтав меным, сьѳлѳмшѳр?
Мый мен зарни, дона паськѳм.
Эзысь, зарни шуд оз сет...
Тѳлысь бѳрын, вежа лунѳ
Верѳс сайѳ мунны мен.
Но не сы сайѳ мен мунны
Мустѳм сайѳ сиѳма...
Со мый вѳсна бѳрда-сьыла
Нора горза гусьѳник.
Со мый вѳсна чышгьян вылѳ
Синва кисьта ньѳжйѳник.

О чем плачешь, дорогая девушка,
О чем жалобно тихо кричишь?
Почему льешь на платок
Тихонько светлые слезы?
Золото, серебро, дорогие платья
Отец, мать дарят (сейчас).
О чем плачешь, светлое солнышко,
Скажи мне (середина сердца)?
Что мне золото, дорогие платья —
Золото, серебро не дают счастья.
Через месяц в святой день
Замуж идти мне.
Но не за того мне идти
За нелюбимого суждено.
Вот почему плачу-пою
Жалобно, тихо кричу.
Вот почему на платок
Роняю тихонько слезы.

Из песен, близких к этой по содержанию, являются песни:

“Ылын-муын, ва сайын — слободаын, сѳні выйим выль
керка (несколько вариаций), “Шондѳй мамѳй, дай матуш-
каѳй (тоже несколько вариаций), “Гѳтырѳй менѳ оз любит. —
Вольпась вылысь менѳ йѳткас” и др.

Наконец, можно указать и на несколько песен более древних.

Пример:

“Шондѳбанѳй, олѳмѳй
Том олѳмѳй, том гажѳй.
Кытчѳ сѳйѳ кольѳма?
Некытчѳ абу кольѳм,
Ог ми кужѳ овнытѳ:
Мывкыдьясным оз судзсьы,
Силаясным оз тырмы.

О, жизнь! Лицо солнца!
Молодая жизнь, молодое веселье
Где вы остались?
Нигде не остались —
Жить мы не умеем.
Не хватает ума
И не хватает у нас сил
(для того, чтобы жить так).

Сюда же относятся такие песни, как "Асья кыа, кыа водз лэбалö" (Утренняя заря рано летает.) "Гуляйтi ме öтчид лугын" и т.д. Вообще нужно заметить, что вопреки обычному представлению — будто бы у зырян нет совершенно песен на своем языке — песни имеются и они довольно многочисленны (я перечислил только часть их). Но много ли чисто зырянских песен осталось теперь — это другой вопрос.

Мотивы большинства песен тягучие, грустные. Только более новые песни поются более или менее быстро и весело. Даже песня, поющая во время игрищ, и то в большинстве случаев тоже тягучая и не заливчатая (как, например, "По за городочку ходит новому да гуляет" и т.д.).

Что же касается сказок, то опять-таки, вопреки общему представлению, их имеется много. Зимой на посиделках, в лесной избушке и т.д. эти сказки льются без конца. Значительная часть сказок издана уже К.Ф. Жаковым частью в его рассказах (например, "В хвойных лесах"), где многие мотивы взяты из народного творчества, частью в "Живой старине" (см. "Зырянские сказки" за 1908 г.). Но и это только незначительная часть имеющихся у зырян сказок.

Известно, что трудно в сказках отделить оригинальное от заимствованного, ибо одни и те же сюжеты встречаются у многих народов. Также трудность имеется и здесь. Сказок много, а что в них свое, что чужое — трудно определить. В иной сказке встречаются мотивы, сходные с русскими сказками, но вместе с тем столько местного колорита и местных наслоений, что совершенно не в состоянии определенно решить — своя ли это сказка или чужая. Наряду с такими сказками встречаются и чисто зырянские, сложившиеся на почве охоты, и чисто русские (например, про Бову.)

Каково бы ни было происхождение сказок, во всяком случае ясно то, что зыряне их имеют в очень большом числе, любят их слушать и даже в каждом почти селе имеют старика-сказочника (например, в Буткане — слепой Савелий Арх. Пукоев, в Важгорте — Тит Иванович и т.д.).

К сказкам же примыкают рассказы о давних временах, приключениях, легенды о старых героях и богатырях (Тун-ныр-Як, Йиркап, Патрак, Срок, Юан-ыб, Шыпича и др), имеющиеся в большом количестве.

Приводить содержание сказок и легенд я здесь не буду — для этого нет места, да это и вывело бы из границ этого краткого очерка... Во всяком случае, из сказанного видно, что

может быть зыряне и не большие поэты, но зато не лишены художественных склонностей и художественного творчества.

Из музыкальных инструментов распространена среди зырян почти исключительно гармоника ("тальянка" и "венка"), и очень редко фисгармонии, граммофоны и балалайка.

Из танцев вошли теперь в жизнь наряду с игрищами (а игрища заключаются большей частью в хождении взад и вперед или кругом, причем мужчины приплясывают) и "чижи-ком" — кадрили и начинают прививаться и более "господские" танцы — лезгинка, венгерка.

Что же касается "искусственной литературы" на зырянском языке, то ее пока еще нет. Из книг переведены пока только Священные книги. К.Ф. Жаков случайно в с.Визинге нашел большую тетрадь стихотворений зырянского поэта Ив. Ал. Куратова, где были как оригинальные, так и переводные стихотворения (из Байрона, Шелли, Шиллера и др.) на зырянском языке, но священник Куратов (да будет стыдно!) не согласился отдать ее для напечатания. Первые листы тетради были уже оборваны и неизвестно, сохранится ли она при таком, с позволения сказать, вандализме о. Степана Куратова, случайно владеющего тетрадью, не издающего ее и не дающего другим для напечатания. Из той же тетради видно, что у зырян были еще поэты: Клочков, Лыткин, Мельников, Лыкова, в общем описывавших стороны жизни зырян.

Г р а м о т н о с т ь з ы р я н и з а к л ю ч е н и е

В заключении скажу несколько слов о грамотности, здоровье и вообще о различных душевных свойствах зырян.

Как бы ни казалось странным, но по грамотности зыряне стоят действительно очень высоко. Прежде всего необходимо отметить то, что всеобщее образование фактически теперь уже введено у зырян. Тут, как и во многом другом, заслуга принадлежит Яренскому и Усть-Сысольскому земству. В каждой деревне и в каждом селе теперь имеется земская школа, довольно богато обставленная книгами, картами, приборами и вообще учебными пособиями (особенно в Яренском уезде.) В тех же селах, где земских школ нет, там имеются либо министерские, либо церковно-приходские школы. Иногда в одном и том же селе имеются одновременно и земское и министерское (двухклассное училище) и церковно-приходская школа.

В результате такой постановки дела получилось то, что молодое поколение зырян почти все поголовно грамотно.

Приведу здесь для примера результаты статистического обследования Верхне-Вычегодских волостей, произведенного в 1901 – 1902 гг.

Согласно этим цифрам, процент учащихся и грамотных детей школьного возраста — мальчиков составляет 45,4% к общему числу мальчиков школьного возраста; процент грамоты и учащихся девочек школьного возраста к общему числу девочек того же возраста составляет 8,6%; процент грамотных и учащихся обоего пола (школьного возраста) равняется 26,5% общего числа детей.

Грамотность же взрослого населения (выше 16 лет) выражается в таких цифрах: грамотных мужчин 25,3%, женщин — 2,2% общего населения. Процент грамотных среди других народностей России выражается в таких цифрах:

	Немцы	Евреи	Зыряне	Малорос	Великор.	Татары	Мордва
Мужчин	64,7	48,7	22,3	19,1	11,7	5,3	3,3
Женщин	60,1	7,6	2,8	1,2	1,1	3,4	0,2

Как видно отсюда, зыряне уже и тогда в исследованном районе занимали по грамотности третье место среди народов России ("Итоги" ч.II., стр.211 – 213.)

Но к этому необходимо прибавить, что этот район по грамотности далеко не лучший среди зырян (на Удоре, например, население в данном отношении несравненно выше стоит), затем за истекшие после обследования 10 лет произошел крупный шаг вперед в смысле развития образования: именно в эти 10 лет принята и выполнена система повсеместного развития школьной сети или система всеобщего образования.

Поэтому в эти 10 лет развились и выросли почти все земские школы Яренского уезда. Раньше именно недостаток школ тормозил широкое распространение грамотности, теперь же, раз они есть в каждой деревне, население с охотой отпускает детей в школу, и мальчиков, и девочек.

И помимо одноклассных школ среди зырян имеется довольно большое число двухклассных и второклассных школ, где мальчики продолжают свое образование и, выйдя отсюда, идут уже дальше (в учительские семинарии, институты, фельдшерские училища, в школы, в гимназии и т.д..)

Теперь среди зырян имеются: мужская¹ и женская гимназия (в Усть-Сысольске), женская Яренская прогимназия и городские училища. В Яренске предполагается по инициативе земства также открытие гимназии. И теперь среди учителей, учительниц, фельдшеров, акушеров зырянских большая часть — сами зыряне.

Помимо школ, деятельно распространяется и внешкольное образование. Так, например, в Яренском уезде имеются в каждом значительном селе земские бесплатные библиотеки-читальни. И библиотеки вовсе не представляют обычно официального типа "народных чтений" с сотней случайно подобранных, большей частью официальных изданий, а являются библиотеками довольно роскошными для деревни, где может найти чтение как интеллигент, так и крестьянин. Имеются в них почти все русские классики, много книг по естествознанию, по общественным наукам и по сельскому хозяйству; выписывается ряд журналов и газет вроде "Вестника знания", "Образования", "Нивы", "Родины", "Природа и люди" и других журналов и газет. Только в последние два года, повинаясь общему ходу русской жизни, прекратилась выписка более или менее прогрессивных журналов и газет, а выписываются только почти правые органы плюс "безличные" журналы вроде "Нивы", "Родины" и т.д. Безусловно, организация таких библиотек-читален была довольно смелой попыткой Яренского земства, но ... все же число берущих книги и читающих говорит, что эта попытка не осталась бесплодной и все более и более входит в жизнь.

С будущего года тем же Яренским земством вводится внешкольное образование; дело предполагается ставить довольно широко, чтения и лекции с туманными картинками, приборами и коллекциями по естественным наукам и т.д. И можно пожелать только успеха попыткам земства, хотя заранее можно сказать, что подобные попытки не окончатся неудачей и население (как кое-где уже говорили мне зыряне) с удовольствием в зимнее время будет посещать эти сельские "курсы".

Из сказанного ясно, насколько основательны ходячие мнения насчет "необразованности зырянской" и т.п.

Помимо школ, довольно хорошо среди зырян сейчас поставлена и медицина. В каждом селе имеются фельдшер и акушерка, а в наиболее крупных селах и земские больницы.

¹ Усть-Сысольская прогимназия преобразовывается в гимназию.

Точно так же имеется институт ветеринарных фельдшеров. Хотя население (как я уже упоминал изредка, а на Удоре и довольно часто) еще и обращается к помощи "колдунов" и знахарей — все же значение последних в общем теперь уже пало и больница уже не пугает зырян. Что же касается состояния здоровья зырян, то как и полагается лесным людям, в общем оно превосходно, только местами, как, например, на Печоре и отчасти по Выми, развиты венерические болезни, занесенные сюда солдатами, лесными приказчиками и др.

Вообще же зыряне народ крепкий, сильный, рослый. Антропологические измерения, произведенные по Вычегде, Сыsole и Печоре К.Ф. Жаковым и мной, дали в общем благоприятные показатели.

И вообще зыряне — народ даровитый, легко обучающийся грамоте, легко перенимающий то что ему понравится и с особой склонностью к "практике", за то их и прозвали "северными американцами", а ижемцев за то, что они ограбили самоедов и овладели стадами оленей — "северными евреями".

Если ближайшие родичи зырян — пермяки — по общему мнению придавлены, лишены самостоятельности и вообще имеют рабскую психологию, вызванную многовековым господством господ Строгановых, то совершенно нельзя сказать этого о зырянах.

Отсутствие крепостного права и вообще какого бы то ни было гнета было одной из причин, способствовавших самостоятельности зырян. И теперь зырянин чувствует себя свободным; если он изредка и снимает шапку перед кокардой, то всем своим дальнейшим поведением говорит:

"Проваливай себе дальше, я снял шапку, больше мне до тебя дела нет, я сам себе хозяин". И такие фразы не раз приходилось мне слышать.

В общем зыряне народ мирный, гостеприимный и честный. Например, на Удоре и теперь, кто бы ни вошел в избу (посторонний), хозяин считает первым долгом встать и пригласить пришельца за стол. Теперь еще, записывая свадебный ритуал на одной свадьбе в Важгорте, я был приглашен за свадебный стол и должен был выпить стакан чаю. То же отношение встречал я и везде (на Удоре), куда мне за тем или за другим приходилось заходить.

Что же касается честности, то характерным явлением служит то, что на Удоре до сих пор почти не употребляются замки.

Дом оставляют незапертым, если все уйдут, только кладут палку "пас" (знак), что дома никого нет; даже церковь в

Важгорте и та до сих пор не имеет в окнах никаких решеток. Путешествуя на лодке, мы оставляли лодку со всем багажом одну на берегу, а сами уходили за версту и даже в деревню, и у нас никогда ничего не пропадало... Вообще, в смысле гостеприимства, миролюбия и честности зыряне удорские — народ примерный.

Но, к сожалению, того же нельзя сказать о других районах. Эпоха перелома, о которой я говорил выше, внесла много сумбура и пятен в зырянскую жизнь. Перенимая быстро все, зыряне, познакомившись с культурой, довольно быстро переняли и "пятна" культуры, из которых некоторые нашли себе союзника в "автономности" зырян.

Из этих пятен наиболее важным является развитие "буслеевщины" и упадок ценности человеческой жизни. Во время храмовых праздников сплошь и рядом происходят драки, переходящие в коллективные свалки, где пускается в ход полено, коса, топор и в результате этого нередко происходят убийства. Особенно сильно проявляется это явление на Сысоле, где народ всю зиму проводит на отхожих промыслах и оттуда уже приносит домой и "культуру".

Лично я не сомневаюсь, что это явление временное, но все же факт остается фактом и его приходится констатировать.

Переживая "духовный" кризис, зыряне вступают в эпоху и экономического кризиса. Большинство промыслов (охота, лесной промысел и т.д.) теперь уже падают и в будущем с уменьшением лесов несомненно будут падать еще быстрее, а при современной технике земледелия жить одной землей зыряне не могут. Чтобы не впасть в критическое положение, приходится, следовательно, или повысить технику земледелия, или найти новые виды промысла, или же одновременно то и другое. Для достижения этой цели желательно было бы повышение знаний агрономических, введение (при помощи земства) кооперативов (которые, к слову сказать, в виде "потребительских лавок" начинают быстро входить в жизнь), заводов, приспособленных к местным условиям. С этой последней целью необходимо было бы развитие специально-технических школ, которых пока еще нет среди зырян (исключая ремесленные школы.)

Все это вместе с главным и единственным фактором всякого прогресса — с развитием знаний — поможет довольно легко и безболезненно пережить кризис и создать более высокие и лучшие формы общежития и вообще жизни...

К ВОПРОСУ О ПЕРВОБЫТНЫХ РЕЛИГИОЗНЫХ ВЕРОВАНИЯХ ЗЫРЯН

1

Каковы были первобытные верования зырян? Были ли их религиозные представления тем, что называется анимизмом или обожествлением сил природы, или же тем, что носит имя фетишизма?

Что анимизм, в том виде, как он очерчен главнейшим теоретиком его Эд. Тейлором, был не чужд зырянам — это несомненно.

Также несомненно, что им известны были (и сохранились отчасти и до сих пор) фетишистские верования, культ животных и растений, культ предков и т.д.

Все эти формы религиозных верований некогда жили среди зырян, а многие пережитки их живы еще и теперь.

Но не подтверждение и описание является задачей данной статьи. Моя цель несколько иная: считая несомненным существование данных верований у зырян, я хотел бы поставить вопрос: а которая из этих форм была более древней? Каков тот первоначальный вид религиозных верований зырян, из которого позже выросли остальные? Можно ли согласиться с Эд. Тейлором, что такими первичными верованиями были анималистические представления? Или же, может, правы М.Мюллер и другие, утверждающие, что первобытной религией было обожествление сил природы? Или же, наконец, те новейшие исследователи, которые определяют первобытную религию термином тотемизм?

Поставив вопрос, попытаемся кратко на него ответить.

2

Чтобы не вести читателя длинными окольными путями, с самого же начала я сформулирую свой ответ. Он гласит: для меня кажется наиболее вероятным, что древнейшей формой религиозных верований зырян был тотемизм, в том истолковании, которое он получил всего резче в относительно недавней работе французского социолога Э.Дюркгейма: "Элементарные формы религиозной жизни". Отсылая читателя к этой

работе, а также к своим статьям по ее поводу, я здесь изложу весьма кратко лишь некоторые основные ее выводы, необходимые для дальнейшего анализа первичных верований зырян.

Остановимся, прежде всего, на вопросе: что такое религия?

Из множества определений религии наиболее распространенными были два: 1) определение, видевшее в религии систему верований в сверхъестественные силы (Спенсер и М.Мюллер), 2) систему верований в связь человека с Богом (Ревилль) или верование в существование духов (Тейлор.)

Дюркгейм не без основания критикует эти определения религии. Первое негодно уже потому, что дикарям неизвестно само противопоставление естественного и неестественного или сверхъестественного. Поэтому негодно и определение религии как веры в сверхъестественные силы.

Неприемлемы и определения Ревилля и Тейлора, ибо есть религии, которым неизвестно понятие божества или духов (напр., буддизм.)

Но если эти определения негодны, что же следует понимать под религией? Дюркгейм на это отвечает так: какую бы религию мы не взяли, в каждой найдем два следующих элемента: 1) совокупность тех или иных представлений (верований), 2) совокупность тех или иных поступков, вызываемых этими верованиями (обряды, культы.) Но что же характеризует религиозные представления? Таким отличительным признаком их является наличность в них двойственности, разделяющей все эти вещи и явления на 2 мира, на мир "священного" и на мир "обычно вульгарного", нечистого. Всякое религиозное представление содержит в себе эту оценку, относя то или иное явление или вид либо к миру "священного", либо к миру "нечистого". Таков отличительный признак религиозных верований.

Отсюда и его определение религии: "Религия есть система верований и поступков, имеющих отношение к миру священного, который отделен от мира нечистого: верований и поступков, соединяющих в одно целое, называемое церковью, всех тех, кто к ней принадлежит".

Таким образом, сущностью и характерной чертой религии является мысль, что весь мир, все вещи и явления делятся на 2 резко обособленных разряда: мир священного и мир нечистого.

Это "священное" первобытные религии рисуют не в качестве личного Бога, а в качестве безличной всемогущей, бес-

конечной, способной принимать тысячи форм и видов силы, подобной неопределенному веянию, которое может быть всюду и нигде; может, подобно заразе, воплощаться в любых предметах, в любом существе: в человеке, животном, растении, камне, в ступе и т.д. Коротко говоря, оно является силой, способной прикасаться ко всему. Все, в чем эта священная сила воплощается или к чему она прикасается — само становится священным, требующим почтения, почитания и уважения. Названия этой безличной силы различны у разных народов: одни, вроде меланезийцев, зовут ее "мана", другие племена — называют ее другими именами.

Этот мир священного резко отличается от мира нечистого. Все, что священо, не должно быть смешиваемо с нечистым. Между ними всегда должна быть пропасть. Если же это слияние происходит, то в итоге получается грех, преступление, влекущее за собой несчастье и для "грешника", смешавшего эти два мира, и для всего племени, членом которого он является. Иными словами, грех (и преступление) в своем первоначальном виде обозначал не что иное, как акт недозволенного слияния мира "священного" и мира "нечистого".

Способная воплощаться в любые вещи, эта безличная сила ("вежа"), по верованиям ряда народов, чаще всего воплощается в некоторых вещах: например, "чуринагах" у австралийцев, то есть в деревянных продолговатых дощечках, на которых вытатуирован символический знак этой силы ("тотемический знак".) Символом той же мысли, что данный человек причастен к священному, является и известная всем татуировка дикарей. Она означает, что он свят в силу причастности к священному, а потому его нельзя ни убивать, ни оскорблять, ни всячески обижать, тогда как в адрес чужеродца, непричастного к священной силе, все дозволено. Эта священная сила, воплотившаяся в человеке, есть зародыш того, что позже получило название души. Она оживляет и одухотворяет все, к чему она прикоснется. А следовательно, все они могут стать священными и почитаемыми. Отсюда и возникла система одухотворенного мира, известная под названием "анимизма".

Таковы в самых общих чертах представления о божественной или священной силе. Раз таковы воззрения, то естественной задачей религии и является определение ряда правил и обрядов, направленных на то, чтобы не допускать слияния этих двух миров, а если таковое совершилось, то тем или

иным образом обезвредить те страшные последствия, которые вытекают из этого слияния. Такова была цель религиозных обрядов сначала, таковой же остается она в значительной степени до сих пор. Из чего это видно? И каковы формы этого стремления греховного слияния священного и нечистого?

Об этом свидетельствует весь религиозный культ. Например, слияние может быть пространственным, то есть нечистое может чисто пространственно соприкоснуться со священным. Поэтому религия говорит: "этого не должно быть". Отсюда — около храмов, около священных предметов, в районе священного не допускается мирское, нечистое, обычное. Так, австралийцы, считающие женщин нечистыми, не допускают их близко к местам, где хранятся чуринги, они даже не позволяют им видеть их, чтобы не допустить слияния путем зрения. И во всех религиях места, где обитает священное (храмы, места молений, жертв), отделяли от обычного мирского пространства. Входя в них, нужно или снимать обувь (у магометан), шапку, умыться, нельзя кричать, торговать и вообще делать что-нибудь мирское. Это особый мир, где не должно быть ничего мирского. Поступки, непредвзятые в других местах, например, обычный разговор, крик, торговля, смех, пляска и т.д., здесь, в обиталище священного, становятся грехом, преступлением, святотатством. Они карались и жестоко караются до сих пор.

Та же цель — разъединить священное и мирское — ведет и к делению времени на периоды священного и периоды мирского. В период, посвященный священному, недопустимы занятия мирскими делами. Ибо иначе может быть слияние двух миров. Отсюда заповедь: "Помни день субботний, еже святити его. Шесть дней делай и сотвориша в них все дела. День же седьмой суббота — Господу Богу твоему", — существующая в различных формах во всех религиях. Отсюда — праздники, стремлением религий разграничить священное и мирское является аскетизм, сущность которого в том, что человек, посвятивший себя Богу, должен абсолютно отвлечься от мира, всего нечистого, всего обычного и порвать с ними абсолютно. Образно сказано в Евангелии: кто хочет идти за Мною, пусть оставит отца своего и мать свою, отвергнет себя и идет.

Таковы виды запретительного религиозного культа, направленного на разъединение двух миров. Другие обряды и религии направлены, наоборот, на то, чтобы приблизить че-

ловека к священному, сделать его причастным к нему, то есть освятить и его самого прикосновением к священной силе.

Эта задача выполняется путем множества обрядов и таинств. Так, у тех же австралийцев каждый мальчик, прежде чем стать полноправным членом группы и "священной" личностью, должны пройти через ряд религиозных обрядов и церемоний (зародыш крещения и миропомазания.) Жрец, которому приписывается большая степень священности, должен подвергнуться сложному обряду посвящения (зародыш "священства"). Каждый из членов группы время от времени должен непосредственно освятиться путем поедания тела тотема или божественной силы (зародыш — причащение) и т.д. Из этого культа и вырос весь сложный ритуал развитых религий. Молитвы, жертвоприношения, службы, таинства и т.д. — что все это, как не обряды, направленные на приближение верующего к божеству. Пока над ним не совершены они (например, крещение над новорожденным, венчание над брачующимися, хиротония над пастырями, причащение над грешниками), мы считаем его самого или те или иные поступки — нечистыми, грешными.

3

Спрашивается, сохранились ли у зырян какие-либо пережитки, напоминающие хоть отчасти указанные формы верований? Может ли что-либо в религиозно-магических воззрениях зырян, имеющих и теперь, напоминать нам, что и им не чужды были представления, подобные указанным.

Весьма многочисленные исследователи религии зырян почти что не затрагивали совершенно эту сторону дела. И понятно почему: они собирали лишь сырой материал и не пытались совершенно осветить его со сравнительно-исторической точки зрения. Что зырянам свойственны были (и живы еще до сих пор) анимистические воззрения, что был у них фетишизм, культ животных и растений, тотемизм и т.д. — это несомненно. В работах Жакова, Лыткина, Попова, Красова, Налимова и др. дано достаточно материала, подтверждающего это положение. Но свойственна ли была зырянам стадия тотемизма в выше очерченном понимании — этот вопрос еще не ставился. Мне думается, на этот вопрос придется ответить положительно. Такое мнение получено мною на

почве личного изучения верований зырян. В пользу его же можно найти немало материала и в работах указанных авторов, особенно в статье В.П.Налимова, хотя они и не говорят совершенно о тотемизме. В нижеследующем попытаюсь просто указать несколько фактов, подтверждающих данную гипотезу.

Что зырянам не было чуждо деление явлений и вещей на мир "священного и нечистого", это подтверждается из представлений их о "вежа" (святом) и "сӧс" или "пеж" (нечистый.) Теперь эти термины, конечно, стерлись, обесцветились, обеднели; но и то, что сохранилось, до сих пор говорит с достаточной ясностью о том, что эти "вежа" и "сӧс" по своей природе вполне тождественны указанным формам религиозных верований. Нетрудно показать их тождество с указанной безличной силой — "мана" и с делением мира на два отдела: священного и нечистого. "Вежа" буквально означает священное. Как и тотемическая сила, "вежа" — безлично. Вежа подобно заразе, которая может прикоснуться ко всему и освятить все. И теперь зыряне говорят: "Вежа морт" (святой человек), "вежа ва" — (святая вода), "вежа лун" — (святой день), "вежа пу" — (святое дерево), "вежа из" — (святой камень) и т.д.

Противоположностью "веже" является "сӧс" или "пеж" или еще "шева". Они все означают нечистое, мерзкое.

Как и "вежа" они безличны. Говорят о "сӧс паськӧм" (нечистое платье), о "пеж гаг" (нечистое животное), в частности ящерица, "пеж морт", "сӧс ва" и т.д. А "шева" представляет из себя буквально заразу, которая может иметь любую форму, которую можно получить из воды, ветра, прикосновением и т.д. и которое оскверняет и портит человека или животное, прикоснувшихся к нему.

Коротко говоря, и "вежа", и "сӧс", и "пеж" — безличны, они везде и нигде, могут осветить или осквернить все, к чему прикоснутся, могут воплотиться в любую вещь или предмет, одним словом, по своему очертанию представляют полное сходство с первобытными представлениями религиозной силы (священного) и ее противоположности — нечистой силы.

Раз это сходство мы констатировали, то следует ожидать, что должны соприкасаться и следы первобытного религиозного культа. Это есть ряд обрядов, направленных на отделение этих областей друг от друга, и ряд обрядов, имеющих целью приблизить человека к "вежа" и священному. Слабые

следы такого положения дел, бывшего, по-видимому, нормой, действительно сохранились. Вот некоторые из фактов.

Как у австралийцев, так и у зырян женщина в период менструации считается нечистой (сӧс, пеж.) Раз так, то она может прикосновением осквернить все, к чему она прикаснется. И действительно, если женщина будет бреднем ловить рыбу в озере или реке, то вода, к которой она прикасается, становится "пеж". То же делается и с неводом или бреднем. Охотники не позволяют ей прикасаться в этом случае к оружию и даже видеть его. И сам охотник, имевший половое общение с женщиной или женой, становится нечистым (делается "сӧс" или "пеж") и должен перед охотой помыться в бане. Иначе не будет улова, а на охоте может случиться несчастье с ним. Собака, к которой прикоснулась такая женщина, теряет чутье и становится совершенно негодной для охоты. Такая же участь постигает и все, к чему прикасается нечистая. Если такая женщина печет хлеб, она должна предварительно пропустить через рубашку горячие угли, чтобы очистить себя этим путем. Иначе — хлеб осквернится, и всякий, кто съест его, может заболеть и даже умереть.

Вот некоторые из обрядов, направленных на то же отделение "священного" от "нечистого". Число их можно было бы значительно увеличить. Так, опять-таки, чтобы избежать этого слияния и неудачи как его результата, перед охотой на медведя охотники, по словам К.Ф. Жакова, варят особую сладкую кашу "юм" и оставляют ее на улице перед лесной избушкой. Без этого обряда охота считается невозможной и будет неудачной. Пережитком этого же являются обычаи: освящать пиво и молоко, оскверненное упавшей мышью, заговаривать ногу, по которой пробежала ящерица, чтобы нога не стала гнить, и целый ряд аналогичных случаев и обычаев.

Все они направлены на достижение указанной цели либо на обезвреживание путем религиозно-магических обрядов и заклинаний тех вредных эффектов, которые наступают при этом слиянии. Ничем иным как отзвуком тех же верований являются и представления о болезнях, порче людей и животных — их подмене, а говоря шире, и весь анимистически-фетишистический культ, достаточно сохранившийся и до сих пор.

Болезнь по древним верованиям зырян — результат порчи и колдовства, а само колдовство, как показали новейшие исследования, связано именно с тотемистическими, религи-

озно-магическими воззрениями. Болезнь приписывалась зырянами тому, что в человека вошла "шева", то есть нечто нечистое, безличное, что может иметь различную форму и которую можно получить (проглотить, вдохнуть, прикоснуться) отовсюду. Достаточно для этого совершить нечто, что смешивает священное с нечистым. В итоге — болезнь и мучения. Так же объясняется и порча собаки. Чтобы исцелить их — нужно проделать ряд обрядов, обезвреживающих вредные эффекты непозволительного смешения.

Не имея в виду подробностей разработки здесь религиозно-магических пережитков у зырян с этой точки зрения, я ограничусь этими несколькими штрихами. Добавлю только, что, приняв эту гипотезу тотемизма, не трудно проследить и его дальнейший переход к анимизму; к культу животных и растений, объяснить верования во множественность души (лов и орт), формы заговора и колдовства и эволюцию верований о загробном мире. Здесь существует немало фактов, которые с точки зрения чисто анимистических верований трудно объяснить.

Что же касается явлений "вежа" и "сös", то они совершенно необъяснимы с этой точки зрения. Этим, может быть, и объясняется, что исследователи до сих пор почти совершенно не обратили внимания на изучение тех представлений и фактов, которые связаны с этими терминами. Между тем, думаю мне, в них-то и лежит, быть может, ключ к пониманию религии зырян.

Ввиду этого было бы очень и очень желательно, если бы работники на местах (священники, учителя, фельдшеры и т.д.) направили все внимание на изучение верований, связанных с "вежа" и "сös" или "пеж".

Время уходит, и каждый день все больше и больше выветривает немногие оставшиеся следы древней религии зырян. Скоро, вероятно, и эти немногие остатки совершенно исчезнут. Нужно помнить это и потому поскорее зафиксировать оставшиеся "осколки старых истин". Это долг местных работников культуры. Иначе будет поздно.

КОММЕНТАРИИ

РЫТ-ПУКАЛОМ

Рассказ впервые был напечатан в газете "Архангельские губернские ведомости", 1910 г. № 203.

РЫТ-ПУКАЛОМ — вечерние посиделки.

ПЫЗЯ РОК — каша из муки.

ШАНТАКЛЕР — (фр.) букв. петух, здесь также возможен ассоциативный ряд с пастухом, выступающим под таким прозвищем в одноименной комедии Э.Ростана.

МАЙБЫР — у Сорокина метафорическое обозначение удачливого человека в контексте коми лексики.

ШОЙНАТЫ — букв. озеро мертвых, здесь исследован в настоящее время могильник средневековых предков коми-зырян.

ВАРЫШ — букв. ястреб. Сорокин образует имя собственное, чтобы подчеркнуть особые черты героя рассказа.

ПЕРЕЖИТКИ АНИМИЗМА У ЗЫРЯН

Статья впервые опубликована в Известиях Архангельского общества Изучения Русского Севера (ИОАИРС), 1910 г., №№ 20, 22.

АНИМИЗМ — от латинского анима — душа, анимизм основывается на одухотворении предметов и явлений окружающего мира, является частью дохристианских религиозных представлений.

ЗОВСЬОРТ — п. Жешарт Усть-Вымского района.

ПАЛЬ, ЧАС — сёла Палевицы и Часово Сыктывдинского района.

ЧОМӨР — под таким названием известны как ритуальная каша, так и ритуальный хлеб.

ОМӨЛЬ — антипод Ена (демиурга), создал нижний мир, под таким названием в обрядах и представлениях коми выступают и злые духи в целом.

ПОЖЕГ — с. Пожег Усть-Куломского района.

БЕДЬ — палка, но в данном фрагменте, очевидно, подразумевался койбедь — промысловый посох с металлическим наконечником, так как колющие предметы широко использовались в магии.

ИМА — имеется в виду Ёма — мифологический персонаж, олицетворение смерти, болезни.

с. ШОЙНАТЫ — с. Сторожевск Корткеросского района.
РЕМИ — д. Римья Усть-Вымского района, родина матери
П.А.Сорокина.

К ВОПРОСУ ОБ ЭВОЛЮЦИИ СЕМЬИ И БРАКА У ЗЫРЯН

Статья впервые напечатана в ИОАИРС, 1911 г., №№ 1,5.

ПОКЧА — село в Троицко-Печорском районе.

МАТРИАРХАТ — букв. власть женщин, предполагаемая ранняя стадия в развитии доклассового строя, в настоящее время доказано, что такого периода никогда не существовало, а под матриархатом подразумевается счет родства по женской линии, соответственно, под патриархатом — по мужской.

МОНОГАМИЯ — букв. единобрачие, форма брака, которая сложилась в период разложения первобытного общества.

ГРУППОВОЙ БРАК — реконструируемая вероятная форма брачных отношений, при которой все женщины рода, принадлежащие одному возрастному классу, являются вероятными брачными партнерами всех мужчин этого же возрастного класса из другого рода, связанного семейно-брачными отношениями. Термин "групповой брак" надо рассматривать как условный, выступающий в противовес индивидуальному браку в классовом обществе.

ГЕТЕРИЗМ — от греч. "гетера" — свободная женщина, проститутка, под гетеризмом понимается пережиточная форма группового брака.

ЛЕВИРАТ — от лат. "левир" — брат мужа, левират выступает, как право, обязанность вдовы выйти замуж за брата. Левират рассматривается как пережиток группового брака.

МАГАЗЕЯ — очевидно, имеются в виду общественные складские постройки на берегу реки.

МОРДИНСКАЯ ВОЛОСТЬ НА Р. ЛОКЧИМ — ныне Мординский с/с в Корткеросском районе.

ВОТЧА — село расположено на правом берегу р. Сысола в Сысольском районе.

ВИЗИНГА — село расположено на р. Большая Визинга. Центр Сысольского района.

КИБРА — ныне село Куратово в Сысольском районе.

СОВРЕМЕННЫЕ ЗЫРЯНЕ

Статья впервые напечатана в журнале "ИОАИРС", 1911 г., №№ 18, 22, 23, 24.

ВЕТЕЛЬ — рыболовная снасть.

ГЫМГА (МОРДА) — рыболовная снасть.

ЛАЗ (ЛУЗ) — лузан, промысловая накидка.

БИВА КÖРТ — кресало.

БИПЕШ — светец.

ЯЩЕРИЦА — Сорокин приводит названия растений и существ, связанных с подземным миром. В диалектах коми языка для обозначения ящерицы встречаются следующие названия: лёкгаг, пежгаг, дзодзув, сисьгаг.

МОЛОТИЛО — очевидно "кичига".

ЭКЗОГАМИЯ — при родовом строе запрет на брак внутри родовой группы, этим обычай противоположен эндогамии, разрешающей брак внутри племени, т.е. за пределами рода.

ВЕНДИНГА — деревня на берегу р. Вашки в Удорском районе.

ВАЖГОРТ — село в Удорском районе.

К ВОПРОСУ О ПЕРВОБЫТНЫХ РЕЛИГИОЗНЫХ ВЕРОВАНИЯХ ЗЫРЯН

Статья впервые напечатана в "Известиях Вологодского общества изучения Северного Края". 1917, Вып.IV.

ФЕТИШИЗМ — одно из дохристианских верований, связано с поклонением неодушевленным предметам, в действительности фетишизм выступает как одна из форм социальных коммуникаций в первобытном обществе.

ТОТЕМИЗМ — от индейского "тотем" — букв. его род. Комплекс верований и обрядов, связанных с представлениями о родстве между группами людей и каким-либо тотемом (деревом или животным.) В современной науке тотемизм как самостоятельная форма религии не рассматривается. Несомненно, тотемизм выступал как регулятор семейно-брачных отношений в качестве своеобразного классификатора.

СОДЕРЖАНИЕ

Долгий путь Питирима Сорокина	4
Рыт-пукалём	18
Пережитки анимизма у зырян	24
К вопросу об эволюции семьи и брака у зырян	52
Современные зыряне	67
К вопросу о первобытных религиозных верованиях зырян	116
Комментарии	124

Научно-популярное издание
Сорокин Питирим Александрович
Этнографические этюды
Сборник этнографических статей
на русском языке

Редактор А. В. Тентюков
Художественный редактор Г. Н. Шарипков
Технический редактор З. А. Поздеева
Корректор Н. Ф. Габова
Компьютерная верстка – Н.В. Вахнин

ЛР № 010039

Сдано в набор 9.07.98. Подписано к печати 8.12.98 Формат 84x108^{1/32}.
Бумага офс. Гарнитура "Коми Балтика". Усл. печ. л. 6,7. Уч. изд. л. 7,0.
Тираж 1000. Заказ **122**
Коми книжное издательство. 167610, г. Сыктывкар, ул. К. Маркса, 229.

Отпечатано в КОГУП "Кировская областная типография". 610000, г.
Киров, Динамовский пр., 4.

Виктор Анатольевич Семенов - доктор исторических наук, профессор Сыктывкарского университета, специалист в области археологии и традиционной культуры финно-угорских народов. Редактор нескольких сборников по этнографии и семиотике. Автор 120 научных работ, в том числе фундаментальной монографии "Традиционная семейная обрядность народов Европейского Севера" (СПб., 1992). Опубликовал несколько специальных статей, посвященных анализу этнографических разысканий П.А.Сорокина и В.П.Налимова.

Дмитрий Александрович Несанелис - кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела этнографии и фольклора Института языка, литературы и истории КНЦ РАН, доцент Сыктывкарского университета, научный редактор журнала "Art". Член Международного фольклорного общества при Финской Академии Наук. Автор 70 научных работ, опубликованных в России, Венгрии, Финляндии и Швеции. Более 10 лет занимается изучением научного наследия П.А.Сорокина и его современников.